

The book cover features a vibrant, surreal illustration. A woman with dark, curly hair, wearing a purple top and a patterned skirt, is seated on a large, glowing yellow crescent moon. She has her eyes closed and a serene expression, with her hands resting on her lap. The background is a rich, warm-toned landscape of orange and red, with a large, ornate golden dome structure on the right. In the upper left, a white bird is perched on a branch. The overall style is reminiscent of traditional Mexican folk art or a fantastical scene. The title is printed in a white box at the top, and the author's name is at the bottom.

ТАЙША АБЕЛЯР
МАГИЧЕСКИЙ
ПЕРЕХОД

ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ ВОИНА ИЗ ПАРТИИ БАТВАЛЕ
КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Перед вами новая, вполне «Кастанедовская» книга — «Магический переход» Тайши Абеляр — женщины-сталкера из партии нагваля Карлоса Кастанеды. Это не только очередное увлекательное путешествие в мир магии дона Хуана применительно к обучению женщины-воина, но и ценнейшее практическое пособие. Здесь подробно описаны так называемые «Магические приемы» — упражнения, при помощи которых можно достичь раскрытия энергетических ресурсов, здоровья, молодости и, кроме того, понимания многих удивительных вещей, скрытых от нас в обыденной жизни.

Тайша Абеляр

Магический переход. Путь женщины-воина

ПРЕДИСЛОВИЕ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Тайша Абеляр — это одна из трех женщин, которые прошли серьезный курс обучения магии в Мексике у дона Хуана Матуса.

Я подробно описал свое обучение под его руководством, но в своих книгах ни разу не упомянул^[1] об этой особой группе, к которой и принадлежит Тайша Абеляр. Дело в том, что среди подопечных дона Хуана действовало неписаное соглашение не упоминать о них.

В течение двадцати лет мы придерживались этого соглашения. И несмотря на то, что мы жили и работали в непосредственной близости друг от друга, мы никогда совместно не обсуждали своих переживаний. Фактически, у нас ни разу даже не было возможности обменяться мнениями о том, что конкретно делали с нами дон Хуан и маги его отряда.

Такое положение дел не было связано с присутствием дона Хуана. После того, как он вместе со своей группой оставил мир, мы продолжали жить в изоляции друг от друга, потому что не желали расходовать энергию на пересмотр действующих соглашений. Все имеющееся у нас время и энергия использовались нами на совершенствование в том, чему дон Хуан так усердно нас обучал.

Дон Хуан обучал нас магии как практике, которая дала каждому из нас возможность непосредственно видеть энергию. Он утверждал, что для того, чтобы видеть энергию таким образом, мы должны вначале освободиться от ограничений обычного восприятия. Это освобождение и обучение видению стало для нас первоочередной задачей.

Маги считают, что качества нашего обычного восприятия были навязаны нам в процессе воспитания принудительно, хотя и не без нашего участия. Одним из неотъемлемых аспектов обычного восприятия является система интерпретации ощущений, которая превращает то, что мы наблюдаем посредством органов чувств, в осмысленные единицы, рассматриваемые в соответствии с общественной системой ценностей.

Обычная жизнь в обществе требует от людей слепой и безоговорочной приверженности нормальному восприятию, что исключает возможность непосредственного видения энергии. Но дон Хуан утверждал, в частности, что при желании вполне можно научиться видеть людей как энергетические поля, напоминающие большие вытянутые пузыри яйцевидной формы, отсвечивающие тусклым белым светом.

Для того, чтобы достичь более высокой ступени восприятия, нам нужна внутренняя энергия. Поэтому накопление ее необходимого количества является ключевой задачей тех, кто занимается магией.

Обстоятельства, сложившиеся в настоящее время в мире благоприятствуют тому, чтобы Тайша Абеляр описала процесс своего обучения, который был во многом похож на мой, но в то же время существенно отличался от него. Написание книги заняло у нее продолжительное время, потому что она должна была прежде всего обрести магические творческие средства. Дон Хуан Матус сам поставил передо мной задачу писать о его магии. Он же дал мне указание, как это нужно делать, говоря: «Пиши как маг, а не как писатель». Это означало, что я должен был заниматься писательством в состоянии более тонкого восприятия, которое маги называют сновидением. У Тайши Абеляр ушли годы на то, чтобы овладеть сновидением в той степени, которая необходима для превращения его в магическое творческое средство.

В мире дона Хуана маги в зависимости от своего темперамента подразделялись на две основные категории: сновидящие и сталкеры. К сновидящим относятся те маги, которые наделены способностью выходить на более высокий уровень восприятия с помощью управления течением своих снов. Они совершенствуют эту способность посредством целенаправленных

занятий, превращая ее в искусство сновидения. С другой стороны, сталкеры — это те маги, которые обладают врожденной способностью согласовывать свою жизнь с внешними обстоятельствами и могут достигать высоких уровней восприятия, совершенствуясь в управлении своим поведением. Магическая практика превращает эту естественную способность в искусство сталкинга.

Хотя все последователи дона Хуана в совершенстве владеют обоими этими искусствами, каждый маг относится к какой-то одной категории. Тайша Абельяр принадлежит к сталкерам и занималась под их руководством. Эта книга увлекательно повествует о ее занятиях искусством сталкинга.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я посвятила свою жизнь целеустремленным занятиям дисциплиной, которую, за неимением лучшего названия, мы именуем магией. Но я также являюсь антропологом и получила ученую степень доктора философии в этой области. Я упомянула об этих двух сферах своей деятельности именно в таком порядке потому, что мое увлечение магией шло первым. Обычно человек становится антропологом, а затем изучает какие-то аспекты человеческой культуры — в частности, магические культы. Но со мной случилось все наоборот: занимаясь магией, я начала изучать антропологию.

В конце 60-тых, когда я проживала в Таксоне, штат Аризона, я встретила женщину-мексиканкой по имени Клара Грау, которая пригласила меня погостить в свой дом в мексиканском штате Сонора. Приняв меня там, она сделала все от нее зависящее, чтобы посвятить меня в тайны своего мира, ведь в действительности она была магом — одной из шестнадцати человек, которые образовывали цельную магическую группу. Некоторые из них были индейцами племени яки, другие — мексиканцами разного происхождения и воспитания, возраста и пола. Большинство составляли женщины. Все они настойчиво преследовали одну цель: стремились преодолеть общественные предубеждения и связанные с ними стереотипы восприятия, которые препятствуют нашему выходу за рамки обычного повседневного мира и проникновению в другие возможные миры.

Для магов преодоление этих стереотипов восприятия означает возможность пересечь грань и войти в невообразимое. Этот немислимый скачок они называют «магическим переходом». Иногда они говорят, что это и есть тот «полет в абстрактное», который переносит нас из материального, физического мира в сферу расширенного восприятия и безличностных трансцендентных сущностей.

Эти маги по собственной инициативе взялись помочь мне постичь полет в абстрактное с тем, чтобы я могла впоследствии присоединиться к ним в их деятельности.

Академические занятия стали для меня неотъемлемой частью моей подготовки к магическому переходу. Лидер группы магов, к которой я отношу себя, или нагваль, как мы его называем, — это человек, который проявляет живой интерес к формальным научным знаниям. Вследствие этого все его подопечные должны были в совершенстве овладеть абстрактным мышлением, которому обучают в наши дни только в университетах.

У меня возникла необходимость получить высшее образование также и потому, что я — женщина. Ведь женщин с раннего детства воспитывают в духе зависимости от инициативы мужчин, которым в нашем обществе отведена роль мыслителей и реформаторов. Маги, у которых я занималась, были довольно категоричны в своих мнениях по этому поводу. Они считали, что женщина обязательно должна развивать свой интеллект и овладевать навыками рационального анализа для того, чтобы увереннее чувствовать себя в современном мире.

Кроме того, развитие интеллекта является хитроумной магической уловкой. Сознательно занимая ум размышлениями и анализом, маги получают возможность беспрепятственно исследовать иные сферы восприятия. Другими словами, пока рациональная сторона занимается формальными академическими науками, энергетическая, или иррациональная сторона, которую маги называют «двойником», посвящает себя выполнению магических действий. При этом недоверчивый рациональный ум не так часто вмешивается в процессы, происходящие на иррациональном уровне, а нередко и просто не замечает их.

Поэтому, мои занятия наукой шли рука об руку с расширением сознания и приобретением неординарных качеств восприятия: эти два аспекта деятельности развивают все наше существо.

Оказывая на меня одновременное воздействие, эти две стороны моей жизни перенесли меня из того само-собой разумеющегося мира, в котором я была рождена и воспитана как женщина, в новую для меня область восприятия, где отсутствуют многие ограничения, свойственные обычному миру.

Нельзя сказать, что одной лишь приверженности магическому миру было бы достаточно для того, чтобы преодолеть все препятствия, которые возникали на моем пути. Дело в том, что влияние обычного мира так сильно и устойчиво, что, несмотря на усердие и прилежание, практикующие магию снова и снова обнаруживают себя в ситуациях, где их охватывает самый обычный страх, где они ведут себя неразумно и привязываются к вещам так, словно совсем ничему не научились. Мои учителя предостерегали меня, что я в этом смысле тоже не являюсь исключением и что только непрекращающиеся ни на минуту настойчивые усилия, направленные на достижение совершенства, могут совладать с нашим естественным, но очень неконструктивным желанием ничего не менять.

После тщательного рассмотрения того, что уже достигнуто мной, и того, что еще предстоит совершить, посоветовавшись со своими друзьями-магами, я пришла к выводу о необходимости описать весь процесс своих занятий для того, чтобы все, кто стремится постичь неизведанное, могли узнать о важности развития навыков более тонкого восприятия, чем наше обычное. Эти более высокие уровни восприятия должны стать неотъемлемой частью нового, трезвого и прагматичного образа жизни. Но их не следует ни при каких условиях рассматривать в качестве продолжения нашего обычного взгляда на мир.

События, которые я описываю в книге, представляют собой первые шаги в магической практике сталкера. Эта стадия занятий подразумевает искоренение стереотипов мышления, поведения и эмоционального реагирования посредством традиционных магических средств, одним из которых является «вспоминание» — метод пересмотра своего жизненного опыта, через который проходят все неофиты. В дополнение к практике вспоминания меня обучили также ряду упражнений, которые называются «магические приемы» и представляют собой сочетание определенных движений и дыхания. И наконец для того, чтобы смысл этих упражнений стал понятен, моему вниманию предлагались соответствующие философские идеи и объяснения.

Целью всего, что я изучала, было научиться накапливать и перераспределять энергию, которая затем может быть использована для совершения самых непредсказуемых манипуляций с восприятием, необходимых для осуществления магических действий. В основе всех занятий лежала идея о том, что, как только навязчивые привычки, предвзятые мнения, ожидания и ощущения исчезают, человек сразу же получает возможность накопить достаточное количество энергии для того, чтобы жить, руководствуясь представлениями, которые бытуют в магической традиции, — и убеждаться в их правильности, непосредственно постигая реальность на более глубоком уровне.

Я выбрала уединенное место, подальше от шоссе и людей. Мне хотелось ранним утром сделать зарисовку теней на склонах гор удивительного горного массива вулканического происхождения, который окаймляет пустыню Гран-Дезьерто на юге штата Аризона. Темно-коричневые остроугольные скалы засверкали, когда первые лучи солнца выплеснулись на их вершины. Вокруг меня были разбросаны огромные глыбы пористых пород — застывшая лава, напоминающая о том, что в далеком прошлом здесь произошло гигантское извержение вулкана. Я устроилась поудобнее на большой глыбе и, позабыв обо всем на свете, погрузилась в свою работу, как случалось нередко в этом диком, но прекрасном месте. Я как раз закончила рисовать выступы и впадины далекой горной гряды, когда заметила, что за мной наблюдает какая-то женщина. Мне стало крайне неприятно, что кто-то снова вторгся в мое одиночество. Я изо всех сил старалась не замечать ее, но когда она подошла поближе, чтобы посмотреть на мой рисунок, я рассерженно повернулась к ней лицом.

По ее широким скулам и черным волосам, спадающим на плечи, ее можно было принять за евроазиатку. Крепкое, красиво сложенное тело не давало возможности судить о ее возрасте. Он мог быть любым в пределах от тридцати до пятидесяти. Она, вероятно, была дюйма на два выше меня — а это означало, что ее рост равен пяти футам и девяти дюймам, — но казалась вдвое крупнее меня. И в то же время, в своей куртке восточного покроя и черных шелковых брюках она выглядела очень изящно.

Я обратила внимание на ее глаза. Они были зелеными и сверкающими. Именно этот дружелюбный блеск в одно мгновение погасил всю мою злость, и я услышала, как задаю ей нелепый вопрос:

— Вы живете где-то поблизости?

— Нет, — сказала она, сделав несколько шагов в моем направлении. — Я направляюсь в сторону пропускного пункта на границе Штатов в городок, Сонойта. Я остановилась здесь, чтобы поразмять ноги, и вот зашла в это безлюдное место. Увидев, что в этой глуши уже кто-то есть, я так удивилась, что не смогла удержаться, чтобы не полюбопытствовать. Позвольте представиться. Меня зовут Клара Грау.

Она протянула мне руку, и я пожалала ее, а затем без каких-либо колебаний сказала ей, что сразу после рождения мне дали имя Тайша, но впоследствии мои родители решили, что это имя не слишком подходит для Америки, и начали называть меня Мартой, так же, как зовут мою мать. Я невзлюбила это имя и решила, что пусть уж лучше меня зовут Мэри.

— До чего интересно! — изумилась она. — У тебя три имени, и все они различны. Я буду величать тебя Тайша, потому что это твое первое имя.

Мне было приятно, что она выбрала именно это имя. Оно было мне ближе всего. Хотя я и согласилась со своими родителями, что оно звучит слишком непривычно, мне настолько не нравилось имя Марта, что я втайне вынашивала мысль о том, чтобы вернуть себе имя Тайша.

Резким тоном, который она, тем не менее, смягчила ласковой улыбкой, она произнесла целый ряд утверждений, которые явно были скрытыми вопросами.

— Ты не уроженка Аризоны, — начала она.

Я прямо ответила ей, что было для меня очень нетипично из-за моей привычки не доверять людям, особенно незнакомцам.

— Я приехала в Аризону год назад на работу.

— Тебе не больше двадцати лет.

— Через пару месяцев мне исполнится двадцать один.

— У тебя едва заметный акцент. По-видимому, ты не американка, но я не могу точно указать твою национальность.

— Я — американка, но детство провела в Германии, сказала я. — Мой отец — американец, а мать — венгерка. Я оставила родительский дом, когда поступила в колледж, и уже не вернулась туда, потому что не хотела иметь ничего общего со своей семьей.

— Надо полагать, ты не поладила с ними?

— Нет. Дома я чувствовала себя отвратительно. Все никак не могла дожидаться возможности уйти оттуда.

Она улыбнулась и понимающе кивнула, будто сама тоже была хорошо знакома с желанием убежать из дому.

— Ты замужем? — спросила женщина.

— Нет. У меня нет никого во всем мире, — ответила я, жалея себя, как делала всегда, когда мне приходилось говорить о себе.

Она никак не отреагировала на мои слова, но начала спокойно и деловито рассказывать о себе, как будто старалась завоевать мое доверие и в то же время сообщить мне в каждой своей фразе как можно больше сведений.

Когда она говорила, я положила карандаши в сумку и не отрывала взгляда от незнакомки, потому что мне не хотелось создавать впечатление, что я слушаю ее невнимательно.

— Я была единственным ребенком в семье, и моих родителей сейчас уже нет в живых, — сказала она. — Мой отец родом из мексиканской семьи из города Оахака. Но мать моя — американка немецкого происхождения. Ее родня и сейчас живет в восточных штатах, в Фениксе. Я как раз возвращаюсь со свадьбы одного из своих двоюродных братьев.

— Вы тоже живете в Фениксе? — спросила я.

— Полжизни я провела в Аризоне, а другую половину в Мексике, — ответила она. — Сейчас я живу в мексиканском штате Сонора.

Я начала застегивать свой портфель. Встреча и разговор с этой женщиной несколько выбили меня из колеи, и я поняла, что в этот день уже не смогу больше ничего рисовать.

— А еще я путешествовала по Востоку, — сказала она, вновь привлекая мое внимание. — Там я изучала боевые искусства, акупунктуру и местную медицину. Несколько лет я даже жила в буддистском храме.

— Серьезно? — Я удивленно посмотрела в ее глаза. По ним действительно можно было сказать, что она долго занималась медитацией. В них чувствовалась сила, но взгляд был спокоен.

— Я очень интересуюсь Востоком, — сказала я, — особенно Японией. Я тоже читала о буддизме и изучала боевые искусства.

— Серьезно? — Она с удивлением задала мне тот же вопрос. — С удовольствием поведала бы тебе свое буддистское имя, но тайные имена можно произносить лишь при определенных обстоятельствах.

— Я сказала вам свое тайное имя, — упрекнула я, застегивая ремешки своего портфеля.

— Да, Тайша, это так, и для меня это имеет большое значение, — ответила она неподдельно серьезным тоном. И все же, сейчас не время для этого.

— Вы приехали сюда на машине? — спросила я, оглядываясь в поисках ее автомобиля.

— А я как раз то же самое собиралась спросить у тебя, — сказала она.

— Я оставила свою машину за четверть мили к югу отсюда, на грязной дороге. А вы?

— Ты приехала на белом «Шевроле»? — спросила она весело.

— Да.

— Ну, в таком случае моя машина стоит рядом с твоей, — ответила она, хихикая так, будто

это было очень забавно. Я была удивлена, когда заметила, что у нее такой неприятный смех.

— Я уже собралась уходить, — сказала я. — Было очень приятно с вами познакомиться. До свидания!

Я направилась в сторону своей машины, ожидая, что женщина задержится еще на некоторое время для того, чтобы полюбоваться пейзажем.

— Давай пока не будем прощаться, — запротестовала она. — Я иду с тобой.

Мы пошли вместе. Рядом с моими ста десятью фунтами она выглядела как большой валун. Не тело было плотным и сильным. Глядя на нее, можно было сказать, что она склонна к полноте, но она не была тучной.

— Можно задать вам нескромный вопрос, миссис Грау? — сказала я для того, чтобы прервать неловкое молчание.

Она остановилась и повернулась ко мне лицом.

— Я тебе — не чья-нибудь миссис! — резко произнесла она. — Я — Клара Грау. Можешь называть меня Кларой и обращаться ко мне на «ты», и еще, можешь без предупреждения спрашивать меня о чем пожелаешь.

— Вижу, ты не очень лестного мнения о любви и браке, — заметила я, обратив внимание на ее тон.

Какое-то мгновение она смотрела на меня испепеляющим взглядом, но через миг смягчилась.

— Я нелестного мнения о рабстве, — ответила она. Однако я имею в виду не только женщин. Так что ты там собиралась спрашивать?

Ее поведение было таким неожиданным для меня, что я забыла, что было у меня на уме, когда я обращалась к ней после паузы. Я смущенно уставилась на нее.

— Почему ты решила отъехать так далеко от шоссе? — поспешно спросила я.

— Я свернула сюда потому, что это место силы, ответила она, указывая на большие нагромождения лавы вдали. — Когда-то эти горы выступили на поверхности земли так, как на теле выступает кровь. Проезжая через Аризону, я всегда делаю крюк, чтобы заехать сюда. Это место излучает особую земную энергию. А теперь разреши мне спросить тебя то же самое, почему ты избрала для рисования именно это место?

— Я часто бываю здесь. Это одно из моих любимых мест.

Я не думала, что мои слова покажутся ей смешными, но она залилась смехом.

— Этим все сказано! — воскликнула она, а затем продолжила более спокойным голосом:

— Я собираюсь попросить тебя сделать то, что тебе может показаться странным и даже глупым, но сначала выслушай меня. Я хочу пригласить тебя в свой дом погостить на несколько дней.

Я было уже подняла руку, чтобы поблагодарить ее и отказаться, но она попросила меня не торопиться. Она уверила меня, что наш общий интерес к Востоку и боевым искусствам могут послужить основанием для серьезного обмена мнениями.

— Где именно ты живешь? — спросила я.

— Недалеко от городка Навохоа.

— Но это более чем в четырехстах милях отсюда.

— Да, это довольно далеко. Но там такие тихие и красивые места, что я не сомневаюсь: ты будешь довольна.

Она помолчала некоторое время, как бы ожидая моего ответа.

— Кроме того, мне кажется, что а настоящее время ты как раз ничем не занята, — продолжила она, — и ты сама не знаешь, что будешь делать дальше. Знаешь, может быть, я предлагаю тебе именно то, что ты уже давно ищешь.

Она была права в том отношении, что я действительно понятия не имела, что мне делать дальше. Недавно я бросила работу секретарши, собираясь заняться рисованием. Однако у меня не было ни малейшего желания ехать к кому-либо в гости.

Я оглянулась вокруг в поисках чего-нибудь, что бы могло подсказать мне, как правильно поступить. Я никогда не могла объяснить, откуда у меня появилось представление о том, что человек может черпать помощь и советы из своего окружения. Но мне почти всегда удавалось получить подсказку таким образом. У меня был метод, который, казалось, родился вместе со мной и с помощью которого я могла узнавать ответы на интересующие меня вопросы. Для этого я обычно давала своим мыслям уплыть, сосредоточивая взгляд на линии горизонта на юге, хотя и не имела ни малейшего представления, почему выбрала именно юг. После нескольких минут молчания ко мне, как правило, приходили прозрения, помогающие понять, чем заниматься или как действовать в данной ситуации.

Шагая по тропинке вместе с Кларой, я остановила взгляд на горизонте в южном направлении и неожиданно увидела, что жизнь простирается передо мной, как эта бесплодная пустыня. Я искренне могла сказать, что никогда раньше не замечала, насколько одинока и заброшена эта земля, хотя я и до этого не раз бывала в Соноранской пустыне, которая занимает весь юг штата Аризона, часть Калифорнии и половину мексиканского штата Сонора.

Потребовалось всего лишь мгновение для того, чтобы вид бесплодной и безлюдной пустыни воплотился в конкретные мысли. Я порвала со своей семьей, но не завела еще своей собственной. У меня даже не было никаких планов на будущее. Я нигде не работала. Я жила на скудные сбережения, доставшиеся мне по наследству от тети, в честь которой я получила свое имя, но они уже подходили к концу. В этом мире я была совсем одинока. Необъятное пространство, простирающееся во всех направлениях, было жестоко и безразлично. Его вид вызвал во мне прилив жалости к себе. Я почувствовала, что мне нужен друг, который сможет положить конец моему одиночеству.

Я знала, что с моей стороны очень глупо принимать приглашение Клары и оказаться в ситуации, которую я едва ли смогу контролировать, но в прямоте ее характера и энергичности было что-то такое, что вызывало во мне любопытство и заставляло ее уважать. Я заметила, что восхищаюсь ее красотой и силой, а может быть, даже завидую ей. Я подумала, что это была самая удивительная и яркая женщина из всех, которых я знала, — независимая, уверенная в своих силах, спокойная и в то же время незакомплексованная и не без чувства юмора. Она была наделена как раз теми качествами, которыми мне самой больше всего хотелось бы обладать. Но, помимо всего прочего, ее присутствие, казалось, может положить конец бесцельности моей жизни. Пространство вокруг нее становилось насыщенным энергией, полным надежд и возможностей.

Однако у меня было незыблемое правило не принимать приглашений погостить, которое в данном случае подкреплялось еще и тем, что Клару я встретила в пустыне случайно. Я подумала, что согласие погостить у нее будет означать, что я должна буду пригласить ее потом к себе, а к этому я совершенно не была готова, потому что в Туксоне жила в небольшой квартирке. Какое-то время я не могла принять решение, не зная, куда повернуть.

— Пожалуйста, соглашайся, — настаивала Клара. Ты сделаешь мне большое одолжение.

— Ладно, мне кажется, что я смогу поехать с тобой, вяло произнесла я, желая на самом деле сказать обратное.

Она радостно взглянула на меня и мне пришлось скрыть свою панику нарочито задорной фразой, хотя мне было совсем не весело.

— Мне пойдет на пользу перемена обстановки, — сказала я. — Новое приключение!

Она одобрительно кивнула.

— Ты не пожалеешь об этом, — сказала она тоном, в котором чувствовалась такая уверенность, что все мои сомнения сразу же рассеялись.

— Мы сможем вместе позаниматься боевыми искусствами.

Она сделала руками несколько быстрых движений, которые были одновременно грациозны и энергичны. Мне казалось невероятным то, что эта плотно сложенная женщина может быть такой подвижной.

— Какие конкретно стили восточных единоборств ты изучала? — спросила я, замечая, что она непринужденно заняла стойку борца с длинным шестом.

— На Востоке я изучала все стили, но не останавливалась надолго ни на одном из них, — сказала она, будто собираясь улыбнуться. — Когда мы приедем ко мне, я с удовольствием покажу их тебе.

Остаток пути мы прошли в тишине. Придя на то место, где стояли машины, я села за руль и ждала, что скажет Клара.

— Что ж, трогаемся, — отозвалась она. — Я буду ехать впереди и показывать тебе дорогу. Ты как любишь ездить, быстро или медленно, Тайша?

— Как черепаха.

— И я тоже. Жизнь в Китае отучила меня от спешки.

— Можно задать тебе вопрос о Китае, Клара?

— Конечно. Я уже говорила, что ты можешь без разрешения спрашивать у меня все что хочешь.

— Ты, наверное, была в Китае до Второй Мировой войны, правда?

— О да. Я была там в прошлой жизни. Полагаю, что ты в самом Китае никогда не бывала?

— Да, не бывала. Я бывала только на Тайване и в Японии.

— Конечно же, после войны там многое изменилось, многозначительно произнесла Клара. — Порвалась связь с прошлым. Теперь это совсем другая страна.

Сама не знаю почему, но я побоялась спрашивать ее, что она имеет в виду, и поэтому задала вопрос о том, как долго ехать до ее дома. Клара высказалась очень неопределенно, и это обеспокоило меня. Она лишь предупредила меня, чтобы я была готова к длительной поездке. Затем ее голос смягчился, и она отметила, что моя смелость определенно ее радует.

— Если кто-то ведет себя так беспечно с незнакомым человеком, — сказала она, — это свидетельствует либо о крайней глупости, либо о великом дерзании.

— Обычно я очень осторожна, — объяснила я, — но сегодня я что-то совсем на себя не похожа.

Это была правда, и чем больше я думала о своем необъяснимом поведении, тем больше мне становилось не по себе.

— Пожалуйста, расскажи мне побольше о себе, попросила она ласковым голосом, а затем подошла и стала рядом с дверцей моей машины, словно для того, чтобы вселить в меня уверенность.

И снова я обнаружила к своему удивлению, что начала рассказывать о себе всю правду.

— Моя мать — венгерка, но из старого австрийского рода, — сказала я.

— Она встретила с отцом во время Второй Мировой войны, когда они вместе работали в полевом госпитале. После войны они переехали в Соединенные Штаты, а затем отправились в ЮАР.

— Что они делают в ЮАР?

— Моя мать всегда хотела быть вместе с родней, которая проживает там.

— У тебя есть братья и сестры?

— У меня двое братьев, возраст которых отличается на один год. Старшему сейчас двадцать

шесть.

Ее глаза были устремлены на меня. И с неожиданной легкостью я поведала ей обо всех своих горестных переживаниях, которые были заперты в моей памяти в течение всей жизни. Я сказала ей, что выросла в одиночестве. Мои братья никогда не обращали на меня внимания, потому что я была девочкой. Когда я была маленькой, они часто привязывали меня к столбу, как собаку, а сами бегали по двору или играли в футбол. Все, что я могла делать, это ходить туда-сюда, натягивая веревку, и смотреть, как они развлекаются. Потом, когда я подросла, я начала бегать за ними. Но к тому времени у них обоих уже были велосипеды, и я никак не могла за ними угнаться. Когда я начинала жаловаться матери, что бывало довольно часто, она отвечала, что мальчишки — это мальчишки, а я девочка и поэтому должна играть с куклами и помогать по дому.

— Твоя мать воспитывала тебя в традиционном европейском духе, — сказала она.

— Знаю, но от этого мне не легче.

Стоило мне только начать, как я уже не могла остановиться и продолжала рассказывать этой женщине все, что помнила о своем детстве. Я сказала, что с каждым годом все чаще оставалась единственным ребенком в доме, потому что братья часто ездили в путешествия, а позже поступили в колледж с проживанием по месту учебы. Я хотела, чтобы моя жизнь была полна приключений, но мать учила меня, что девочки должны застилать кровати и гладить белье. Забота о семье — это уже приключение, любила повторять мать. Женщины рождаются для того, чтобы подчиняться. Я была уже на грани слез, когда рассказывала Кларе, что, сколько себя помню, должна была прислуживать трем хозяевам-мужчинам: отцу и двум братьям.

— Это звучит впечатляюще, — заметила Клара.

— Это было ужасно. Я вырвалась из дому и решила держаться от него как можно дальше, — сказала я. — И конечно, жить с приключениями. Но вплоть до настоящего времени мне так и не удалось получить то, к чему я стремилась. Наверное, меня просто воспитали так, что я не могу быть счастливой и беззаботной.

Описав свою жизнь незнакомке, я почувствовала себя очень неудобно. Я перестала рассказывать и посмотрела на Клару, ожидая от нее реакции, которая либо устранил мое беспокойство, либо усилит его до такой степени, что я решу никуда с ней не ехать.

— Что ж, кажется ты умеешь делать хорошо только одно, и поэтому предаешься этому занятию сколько хочешь, — сказала она.

Я думала, что она имеет в виду мое увлечение живописью и графикой, и была вконец раздосадована, когда она добавила:

— Все, что ты умеешь делать, — это жаловаться на СВОЮ ЖИЗНЬ.

Я плотно сжала пальцами ручку дверцы кабины.

— Неправда! — запротестовала я. — Кто ты мне, чтобы говорить так?!

Она засмеялась и понимающе покачала головой.

— Мы с тобой во многом похожи, — сказала она. Нас учили быть пассивными и послушными, приспособляться к обстановке, но внутри у нас все кипит. Мы подобны вулкану, который вот-вот должен начать извергаться, и наше положение усугубляется еще и тем, что у нас нет другой надежды, кроме мечты о том, что в один прекрасный день мы встретим хорошего мужчину, который вытянет нас из этого болота.

От удивления я не могла ничего сказать.

— Ну что? Разве я не права? Разве это не так? — настаивала она. — Скажи, положи руку на сердце, разве я не права?

Я сжала пальцы в кулаки, собираясь послать ее подальше. Но Клара тепло улыбнулась, излучая одновременно силу и благополучие, и я тут же почувствовала, что не могу лгать ей или

скрывать от нее то, что думаю.

— Ты прочла мои мысли, — согласилась я.

Мне пришлось признать, что единственным, что придавало смысл моему ужасному существованию, кроме занятий рисованием, была надежда на то, что когда-нибудь я все-таки встречу мужчину, который поймет меня и оценит по достоинству все уникальные качества моей личности.

— Может быть и так, что в ближайшее время твоя жизнь изменится к лучшему, — сказала она с ноткой надежды в голосе.

Она села в свою машину и жестом пригласила меня следовать за собой. И только тут я поняла, что она ни разу так и не спросила меня, есть ли у меня паспорт, одежда, деньги или какие-то срочные дела. Но это меня не испугало и не обескуражило. Сама не зная почему, я почувствовала, что приняла правильное решение, как только сняла машину с ручного тормоза и начала двигаться. Должна же была моя жизнь когда-нибудь измениться.

После более чем трех часов непрерывной езды мы остановились пообедать в городе Гуаймас. Пока мы ждали, когда нам подадут еду, я выглянула из окна на узкую улочку, примыкающую к заливу. Орава голых до пояса мальчишек гоняла мяч. Неподалеку рабочие строили кирпичный дом. У некоторых из них уже начался обеденный перерыв, и они потягивали из бутылок газировку, прислонившись спиной к штабелям запечатанных мешков с цементом. Я подумала, что Мексика повсюду — очень шумное и грязное место.

— В этом ресторане всегда подают вкуснейший черепаховый суп, — сказала Клара, привлекая к себе мое внимание.

Через мгновение улыбающаяся официантка с серебряным передним зубом поставила на стол перед нами две тарелки с супом. Клара вежливо обменялась с ней несколькими репликами на испанском, прежде чем официантка принялась поспешно обслуживать других посетителей.

— Я никогда раньше не ела черепахового супа, — сказала я, взяв в руки ложку и внимательно рассматривая, насколько она чистая.

— Тебе предстоит получить море удовольствия, — сказала Клара, наблюдая, как я вытираю ложку бумажной салфеткой.

Я неохотно попробовала суп. Кусочки белого мяса, которые плавали в густом томатном соусе, были на самом деле очень вкусны.

Я съела несколько ложек супа, а затем спросила:

— Где они берут черепах?

Клара указала на окно.

— Прямо из залива.

Статный мужчина средних лет, сидевший за соседним столиком, повернулся ко мне и подмигнул. Этот его жест, как мне показалось, скорее напоминал поведение весельчака, чем заигрывание. Он повернулся ко мне и, словно продолжая начатый разговор, сказал по-английски с сильным акцентом:

— Черепаха, которую вы едите, была очень большая.

Клара посмотрела на меня и подняла брови, будто не могла поверить, что незнакомец оказался таким нахальным.

— Эта черепаха была такой большой, что ее хватило бы, чтобы накормить дюжину голодных людей, — продолжал он. — Они ловят черепах в море. Для того, чтобы вытянуть одну такую тварь на берег, нужно несколько человек.

— Наверное, они бьют их гарпунами, как китов, заметила я.

Мужчина проворно переставил свое кресло к нашему столу.

— Нет, я знаю, что они используют большие сети, сказал он. — Затем они бьют черепах дубинками, чтобы те потеряли сознание, прежде чем вскрыть им живот. Если поступать таким образом, мясо не становится жестким.

Мой аппетит улетел в окно. В этот момент мне меньше всего хотелось, чтобы этот простодушный навязчивый незнакомец забавлял нас своими рассказами, сидя у нас за столом, — но я не знала, как себя повести.

— Коли мы уж заговорили о еде, нужно отметить, что Гуаймас славится своими блюдами из креветок, — продолжал мужчина с обезоруживающей улыбкой на лице. Если позволите, я закажу одно такое блюдо для вас обеих.

— Я уже сделала это, — сказала Клара резко.

Как раз в этот момент снова подошла официантка и принесла тарелки с самыми большими

креветками, каких я когда-либо видела. Одной этой креветки хватило бы на целый банкет, и было очевидно, что мы просто не сможем вдвоем съесть все это, как бы голодны мы ни были.

Наш непрошенный компаньон взглянул на меня так, словно ожидал, что я приглашу его присоединиться к нашей трапезе. Если бы я была одна, ему явно бы удалось вопреки моей воле привязаться ко мне. Но у Клары были другие планы, и она поступила решительно. Она с кошачьей грацией вскочила на ноги и, повернувшись к мужчине, посмотрела прямо ему в глаза.

— Проваливай отсюда, идиот! — закричала она по-испански. — Как ты осмелился сесть за наш стол?! Это моя племянница, а не какая-нибудь шлюха!

В ней чувствовалась такая сила, а голос звучал так властно, что все в зале замерли. Со всех сторон глаза уставились на наш столик. Мужчина съежился так беспомощно, что мне стало его жаль. Он боком выскользнул из кресла и, можно сказать, выполз из ресторана.

— Я знаю, что тебя приучили уступать мужчинам уже только потому, что они мужчины, — сказала мне Клара, снова сев на свое место. — Ты всегда любезничаешь с ними, а они выжимают из тебя все твои соки. Разве ты не знаешь, что мужчины питаются женской энергией?!

Мне было слишком не по себе, чтобы пререкаться с ней. Я чувствовала, что все глаза в зале устремлены на меня.

— Ты потакаешь им потому, что чувствуешь к ним жалость, — продолжала Клара. — В глубине своей души ты отчаянно стремишься к тому, чтобы позаботиться о мужчине, о любом из них. Если бы этот недоумок оказался женщиной, ты бы никогда не позволила ему сесть за наш столик.

Мой аппетит был потерян безвозвратно. Я мрачно задумалась.

— Вижу, что задела болезненное место, — сказала Клара, криво улыбаясь.

— Это ты затеяла всю эту сцену. Ты поступила грубо, — сказала я с упреком.

— Конечно, — ответила она, посмеиваясь. — И к тому же напугала его чуть ли не до смерти. — Ее лицо было так открыто, и говорила она настолько беззаботно, что мне тоже ничего не оставалось делать, как рассмеяться, вспомнив, какой вид был у этого типа.

— Я поступаю точно как моя матушка, — проворчала я. — Следует признать, что ей удалось сделать из меня сущую мышь во всем, что касается мужчин.

Как только я выразила вслух эту мысль, мое плохое настроение исчезло, и я снова ощутила голод. Мало-помалу я съела почти всю креветку.

— Ничто не сравнится с удовольствием от продолжения поездки с полным желудком, — заявила Клара.

Креветка едва не зашевелилась в моем животе, когда я внезапно ужаснулась. Наше знакомство состоялось так неожиданно, что я даже не спросила у Клары о ее доме. Может быть, это разваливающаяся лачуга, похожая на те, что я видела, когда мы раньше проезжали по мексиканским городам. И что я там буду есть? Возможно, только что я ела нормальную пищу в последний раз. Какую воду я буду пить? Я вообразила себя с сильным расстройством желудка. Я совсем не представляла себе, как спросить у Клары о том, где мне придется жить, и при этом не обидеть ее и не показаться неблагодарной. Клара критически взглянула на меня. Казалось, она почувствовала мое беспокойство.

— Мексика — это суровое место, — сказала она. Приходится быть начеку постоянно. Но скоро ты привыкнешь.

Северная часть страны даже более неприглядна, чем все остальные. Люди съезжаются сюда отовсюду либо в поисках работы, либо как на перевалочный пункт перед тем, как пересечь границу со Штатами. Люди прибывают сюда целыми поездами. Некоторые из них остаются на побережье, а другие уезжают вглубь страны в кузовах грузовиков для того, чтобы найти работу

на огромных сельскохозяйственных угодьях, которыми владеют частные компании.

Еды и работы на всех просто не хватает, поэтому большинство уезжает в Соединенные Штаты в качестве сезонных рабочих.

Между тем я доела остатки супа, поскольку обычно чувствовала себя виноватой, если что-то оставляла в тарелке.

— Расскажи мне больше об этих местах, Клара.

— Все местные индейцы принадлежат к племени яки, которое было переселено когда-то в Соноранскую пустыню согласно постановлению правительства.

— Ты хочешь сказать, что они раньше жили не здесь?

— Это действительно их исконные земли, — ответила Клара, — но в двадцатых или тридцатых годах их оторвали от земли и десятками тысяч отправили на жительство в центр страны. Затем в конце сороковых их вернули назад в Соноранскую пустыню.

Клара наполнила минеральной водой свой стакан, а затем мой.

— Жить в Соноранской пустыне нелегко, — сказала она. — Ты, наверное, видела, когда мы проезжали по ней, что земли здесь неплодородные, негостеприимные. Однако у индейцев племени яки нет другого выбора. Им приходится селиться в лачугах там, где была когда-то река Яки. В далеком прошлом предки нынешних яки построили возле реки свои священные города и жили в них сотни лет, пока не пришли испанцы.

— Мы будем проезжать мимо этих городов? — спросила я.

— Нет, сейчас у нас нет для этого времени. Я хочу добраться в Навохоа до наступления темноты. Возможно, когда-нибудь мы специально съездим туда, чтобы посмотреть эти священные города.

— А почему они священны?

— Потому что для индейцев местоположение каждого города вдоль реки соответствует определенному аспекту их мифологического мира. Как и вулканические горы в Аризоне, это места силы. У индейцев очень богатая мифология. Они верят, что могут входить в мир снов и выходить из него в одно мгновение. Видишь ли, их представление о реальности совершенно отлично от нашего.

В соответствии с мифами яки, эти города существуют также и в ином мире, — продолжала Клара, — и именно из этой тонкой сферы черпают индейцы свою силу. Они называют себя людьми без разума для того, чтобы отличить себя от нас, людей с разумом.

— Что такое та сила, которую они получают оттуда? — спросила я.

— Это магия, волшебство, знание. Все это приходит к ним непосредственно из мира снов. Этот мир описан в их легендах и преданиях. У индейцев яки существует богатая, многообразная традиция устных преданий.

Посмотрев вокруг себя на переполненный ресторан, я спросила себя, кто из сидящих за столиками является индейцами, если таковые здесь вообще есть, а кто мексиканцами. Некоторые люди были высокими и жилистыми, тогда как другие — низкими и коренастыми. Все они казались мне чужими, и я втайне чувствовала свое превосходство над ними. Поэтому мне казалось, что я определенно нахожусь не на своем месте.

Клара доела свою криветку, а также фасоль и рис. Я знала, что объелась, но несмотря на мой протест, она настояла на том, чтобы заказать еще заварной карамельный крем в качестве десерта.

— Наедайся как следует, — сказала она, подмигивая мне. — Кто знает, когда можно будет поесть в следующий раз, и что это будет. Здесь, в Мексике, мы всегда едим до отвала.

Я знала, что она подшучивает надо мной, но все же чувствовала правду в ее словах. Раньше в этот день я видела мертвого осла, лежащего на обочине шоссе. Его сбила машина. Я знала, что в

сельской местности нет холодильников, и поэтому люди едят любое мясо, которое имеется в наличии. Я не могла не беспокоиться по поводу того, что мне придется есть в следующий раз. Про себя я решила ограничить свое пребывание у Клары несколькими днями.

Более серьезным голосом Клара продолжала свой рассказ.

— Но час от часу не легче, и у индейцев появились новые трудности, — сказала она. — Когда правительство возвело плотину, чтобы построить гидроэлектростанцию, русло реки Яки так изменилось, что людям пришлось собрать свои вещи и переехать в другое место.

Суровость этой страны контрастировала с моим привычным окружением, где всегда хватало еды и уюта. Я спрашивала себя, не могло ли быть так, что мой приезд в Мексику был проявлением моего глубинного желания полной перемены обстановки. Всю свою жизнь я искала приключений, но теперь, когда моя мечта могла осуществиться, меня сковывал страх перед неизвестным.

Я попробовала карамельного крема и выбросила из головы все те опасения, которые преследовали меня с момента встречи с Klarой в пустыне Аризоны. Мне было приятно в ее компании. И хотя сейчас, когда я была сыта после креветки и черепахового супа, Клара предупредила, что это, возможно, моя последняя нормальная еда, я решила довериться ей и предоставить возможность приключению развиваться.

Клара настояла на том, чтобы уплатить по счету. Мы заполнили баки горючим и снова выехали на трассу. Проехав еще несколько часов, мы прибыли в Навохоа. Не останавливаясь в самом городе, мы проехали через него, а затем свернули с шоссе «Пан Америкэн» на посыпанную гравием дорогу, ведущую на восток. Было далеко за полдень, но я совсем не устала и даже наслаждалась оставшимся путем. Чем дальше мы продвигались на север, тем большая радость и покой сменяли мое обычное угнетенное состояние.

После часа езды по выбоинам Клара свернула с дороги и пригласила меня следовать за собой. Через некоторое время грунтовая дорога привела нас к высокой стене, по которой вилась цветущая бугенвиллея (*Бугенвиллея — американское тропическое вьющееся растение, которое используется в декоративном садоводстве. Цветет красными или пурпурными соцветиями. (Вебстер).*). Мы оставили машины на поляне у конца стены, где трава была сильно вытоптана.

— Вот здесь я и живу, — сказала мне Клара, вылезая из кабины.

Я подошел к ее машине. Клара выглядела уставшей и как будто еще более полной.

— Ты так хорошо выглядишь, что можно подумать, будто ты и не ехала так долго, — заметила она. — О чудеса молодости!

По другую сторону стены между деревьями и густым кустарником кое-где проглядывал крытый черепицей дом с зарешеченными окнами и несколькими балконами. Будто во сне, я проследовала за Klarой через калитку из фигурных железных прутьев, мимо мощеного кирпичом внутреннего дворика, до тяжелой деревянной двери, которая явно была черным ходом. Терракотовый черепичный пол в прохладном пустом холле подчеркивал строгость выбеленных стен и темные перекладки потолка, сделанные из цельных неокрашенных бревен. Через холл мы прошли в просторную гостиную.

Белые стены здесь окаймлялись по краям со вкусом разрисованной черепицей. Два безусловно чистых бежевых дивана и четыре кресла были расположены вокруг тяжелого деревянного кофейного столика. На столе лежало несколько раскрытых испанских и английских журналов. Мне показалось, что кто-то только что читал их, сидя в одном из кресел, но поспешно удалился, когда мы вошли через заднюю дверь.

— Что скажешь о моем доме? — спросила Клара с гордой улыбкой.

— Это фантастика, — сказала я. — Кто бы мог подумать, что здесь, в пустыне, может быть такой дом.

Затем высунулось мое завистливое «я», и мне стало не по себе. Этот дом был похож на дом моей мечты, но я знала, что никогда не смогу приобрести ничего подобного.

— Ты даже не представляешь, насколько недалеко от истины, когда говоришь о фантастике, — ответила она. Все, что я сейчас могу сказать тебе об этом доме, — это то, что он, как и вулканические горы, которые мы видели сегодня утром, содержит в себе силу. По нему беззвучно циркулирует утонченная энергия, подобно тому, как электрический ток течет по проводам.

Когда я это услышала, случилась необъяснимая вещь: вся моя зависть исчезла. Она пропала полностью, как только Клара договорилась до конца последнюю фразу.

— А сейчас я покажу тебе дорогу к твоей спальне, объявила она. — А также познакомлю тебя с некоторыми основными правилами, которым ты должна следовать, пока находишься в этом доме в качестве гостя.

Все те части дома, которые расположены справа и сзади от гостиной, предоставляются в твое распоряжение так же, как и весь двор. Здесь ты можешь ходить и рассматривать все, что хочешь. Но ты не должна заходить ни в одну из спален, кроме, разумеется, своей. В своей спальне можешь пользоваться всем, что видишь. Даже можешь разбить что-нибудь вдребезги в порыве гнева или долго любоваться чем-то при наплыве нежности. Однако пребывать в левой части дома тебе не разрешается ни в какое время и ни под каким предлогом. Поэтому туда не ходи.

Я была шокирована странным требованием, но заверила ее, что поняла ее правильно и непременно буду выполнять то, о чем она просит. В действительности же я думала, что это требование нетактично и является чистым капризом с ее стороны. Фактически, чем больше она предостерегала меня против того, чтобы я заходила в эти части дома, тем сильнее разгоралось мое любопытство.

Клара, казалось, думала о чем-то другом, потому что добавила:

— Конечно же, ты можешь сидеть в гостиной. Можешь даже спать там на диване, если устала или ленишься идти в спальню. Еще одно место, куда тебе запрещено ходить, это та часть усадьбы, которая находится перед главным входом в дом. Этот вход сейчас закрыт на замок, поэтому заходи в дом через черный ход.

Клара не дала мне времени для того, чтобы ответить. Она увлекла меня за собой в длинный коридор, и мы прошли мимо нескольких закрытых дверей, которые, по ее словам, были входами в другие спальни, куда мне входить не разрешалось. Наконец мы вошли в большую спальню. Первым, что я заметила, оказавшись здесь, была резная деревянная двуспальная кровать. Она была накрыта прекрасным белоснежным покрывалом, вышитым тамбуром. Рядом с окном, которое выходило на задний двор дома, находилась ручной работы этажерка из красного дерева, полностью заставленная старинными предметами, фарфоровыми вазами и статуэтками, эмалированными шкатулками и крохотными чашечками. На противоположной стене находился выполненный в том же стиле шкафчик, который Клара открыла. В нем висела разнообразная женская одежда и аксессуары: накидки, шляпы, туфли, зонтики, трости — все это, казалось, было подобрано с незаурядным вкусом.

Прежде чем я успела спросить Клару, где она достала все эти вещи, она закрыла дверцу шкафчика.

— Пользуйся всем, что тебе может понадобиться, сказала она. — Вся эта одежда — твоя, а комната будет в твоем распоряжении, сколько бы ты не находилась в этом доме.

Затем она взглянула себе через плечо так, будто в комнате был кто-то еще, и добавила:

— А кто может сказать, как долго это будет продолжаться!

Создавалось впечатление, что она говорит о том, что мое пребывание в ее доме может

оказаться продолжительным. Я почувствовала, как у меня на ладонях выступает пот, и несмело сказала ей, что в лучшем случае смогу остаться у нее лишь на несколько дней. Клара заверила меня, что живя в ее доме, я нахожусь в полной безопасности. Здесь, по ее словам, мне будет даже намного безопаснее, чем в других местах. Она добавила, что с моей стороны было бы глупо упустить такую хорошую возможность получить новые знания.

— Но ведь мне нужно искать себе работу, — сказала я, оправдываясь. — У меня почти не осталось денег.

— О деньгах не беспокойся, — ответила она. — Я обеспечу тебя всем необходимым и дам тебе столько денег, сколько тебе будет нужно. Это — не проблема.

Я поблагодарила ее за это предложение и сообщила, что с детства привыкла считать, что брать деньги у чужих людей крайне нетактично, с какими бы хорошими пожеланиями мне их не предлагали.

Она остановила меня словами:

— Я думаю, что дело вот в чем, Тайша. Ты сердишься на меня за то, что я велела тебе не ходить в левую часть дома и не приближаться к главному входу. Я знаю, что ты подумала, что я слишком своенравна и чересчур скрытна. И теперь ты не хочешь согласиться провести у меня больше, чем день или два, как требуют того правила хорошего тона. Возможно, ты даже считаешь меня ненормальной старухой, у которой не все дома.

— Нет, нет, Клара, дело не в этом. Мне скоро нужно будет платить за свою квартиру в Штатах, и если я не найду к тому времени работу, у меня не будет для этого денег. А возможность взять их у другого человека для меня исключена.

— Ты хочешь сказать, что тебя совсем не задела моя просьба не заходить в некоторые части дома?

— Разумеется, нет.

И тебя совсем не заинтересовало, почему я попросила тебя об этом?

— Очень заинтересовало.

— Дело в том, что в той части дома живут другие люди.

— Твои родственники, Клара.

— Да, у нас большая семья. В этом доме на самом деле живет даже две семьи.

— И обе большие?

— Да. В каждой из них по восемь человек, а всего нас здесь шестнадцать.

— И все они живут в левом крыле дома, Клара?

За всю свою жизнь ни разу не слыхала о таком странном расположении жильцов.

— Нет, там живут только восьмеро. Другие восемь составляют непосредственно мою семью и живут в правом крыле дома. Ты — мой гость, и поэтому должна проживать на правой стороне. Очень важно, чтобы ты понимала это. Это, наверное, необычно, но все же не непонятно.

Я удивлялась тому, какую власть надо мной она обрела. Ее слова успокоили мои эмоции, но не разум. Тогда я поняла, что для того, чтобы действовать решительно, я должна согласовать оба эти проявления — тревогу разума и эмоциональное беспокойство. В противном случае я остаюсь пассивной, ожидая следующего внешнего импульса для того, чтобы начать что-либо предпринимать. Знакомство с Кларой привело меня к выводу о том, что несмотря на все мои усилия, направленные на то, чтобы быть собой, действовать независимо, я не могла ясно мыслить и принимать собственные решения.

Клара с большим интересом взглянула на меня, словно она все это время следила за моими невысказанными мыслями. Я попыталась скрыть неловкость своего положения, обратившись к ней:

— Твой дом прекрасен, Клара. Он очень старый?

— Конечно, — сказала она, так и не уточнив, что имеет в виду: то, что дом прекрасен, или что он старый. С улыбкой она добавила:

— Теперь, когда ты уже побывала в доме — то есть в его холле, — у нас осталось на повестке дня еще одно небольшое дельце.

Из одного из шкафчиков она достала фонарь, а из одежного шкафа — утепленную китайскую куртку и пару походных ботинок. Она сказала мне, что после того, как мы перекусим, я оденусь, обуюсь, и мы пойдем на прогулку.

— Но мы ведь еще совсем не передохнули с дороги, запротестовала я. — И к тому же, разве на улице еще не темнеет?

— Темнеет. Но я хочу сводить тебя в одно место на холме, откуда ты увидишь дом и двор как на ладони. Будет лучше, если ты впервые увидишь дом именно в эту пору суток. Мы все начинали свое знакомство с ним в сумерках.

— Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы»? спросила я.

— Шестнадцать человек, которые живут здесь естественно. Все мы занимаемся в точности одним и тем же.

— У вас всех одна профессия? — спросила я, не в силах скрыть удивления.

— Нет, что ты! — воскликнула она, засмеявшись и поднося руку к лицу.

— Я хотела сказать, что все, что должен делать один из нас, другие должны делать также. Каждый из нас впервые взглянул на этот дом и окружающую его местность в сумерках, поэтому ты тоже должна начать свое пребывание здесь с этого.

— Почему ты уподобляешь меня вам, Клара?

— Давай пока ограничимся тем, что скажем: я делаю это потому, что ты — мой гость.

— А я позже встречусь с твоими родственниками?

— Ты познакомишься со всеми, — уверила она меня. — А сейчас в доме нет никого, кроме нас с тобой и сторожевой собаки.

— Они куда-то уехали?

— Именно так. Они все отправились в далекое путешествие, а я с собакой осталась сторожить дом.

— Когда ты ожидаешь их возвращения?

— Через несколько недель, а может быть, и месяцев.

— Где они путешествуют?

— Мы всегда в разъездах. Иногда и я отсутствую месяцами, а кто-то другой остается на хозяйстве.

Только я собиралась повторить свой вопрос о том, куда они отправились, как она ответила на него.

— Они уехали в Индию, — сказала она.

— Все пятнадцать человек?

— Но разве это не замечательно? Ведь это подарок судьбы! — воскликнула она голосом, который настолько карикатурно отразил мою затаенную зависть, что я должна была засмеяться вопреки себе самой.

Затем мне в голову пришла мысль о том, что мне одной будет небезопасно находиться в этом удаленном от других поселений пустом доме, живя в нем только с Кларой.

— Мы здесь одни, но в этом доме тебе нечего бояться, — сказала она со странной убежденностью. — Кроме, быть может, пса. Когда мы вернемся с прогулки, я познакомлю тебя с ним. При встрече с ним ты должна быть очень спокойной. Он видит людей насквозь и набросится на тебя, если почувствует, что ты относишься к нему враждебно или испугана.

— Но я уже сейчас испугана, — выпалила я.

Меня начинало трясти.

Я ненавидела собак с самого детства, когда один из доберман-пинчеров моего отца прыгнул на меня и сшиб с ног. Он тогда все-таки не укусил меня, а лишь зарычал и показал свои острые зубы. Я позвала на помощь, потому что была так испугана, что не могла двигаться. Помню, что от страха я намочила штанишки, и братья долго высмеивали меня, когда увидели это, называя младенцем, которому впору быть в пеленках.

— Я сама тоже недолголюбиваю собак, — сказала Клара, — но наша собака — это в действительности совсем не собака. Это что-то другое.

Она меня заинтриговала, но это не развеяло моих дурных предчувствий.

— Если хочешь, в первый раз я проведу тебя в туалет во дворе. Ведь может оказаться, что собака рыскает где-то поблизости, — сказала она.

Я согласилась, чувствуя себя уставшей и раздраженной, — длительная поездка наконец-то дала о себе знать. Мне хотелось смыть пыль с лица и расчесать взлохмаченные волосы.

Клара провела меня по другому коридору, который тоже выходил на задний двор. На некотором расстоянии от дома находились две небольших постройки.

— Это мой спортивный зал, — указала она на одну из них. — Пока не ходи туда. Когда-нибудь я сама тебя туда поведу.

— Там ты занимаешься боевыми искусствами?

— Да, — ответила Клара сухо. — А другое строение — это уборная. Я подожду тебя в гостиной и приготовлю пару сэндвичей. Но не надейся, что сможешь покрасоваться перед зеркалом, расчесывая волосы, — сказала она, как бы зная о чем я подумала. — Зеркал в этом доме нет. Ведь они, как и часы, свидетельствуют о течении времени. А важно научиться останавливать его.

Я хотела было спросить ее, как следует понимать ее слова об остановке времени, но она подтолкнула меня в направлении уборной. Войдя внутрь постройки, я заметила несколько дверей. Поскольку Клара не дала мне никаких указаний по поводу того, куда можно входить, а куда — нельзя, и поскольку я не знала какая из них является дверью туалета, я осмотрела все помещения. С одной стороны от маленького предбанника находилось шесть клозетов, в каждом из которых размещался низкий деревянный унитаз. Здесь необычным было лишь то, что я не заметила никакой вони и даже запаха хлорки от вымытых отверстий. Было слышно, как под унитазами журчит вода, но я не имела ни малейшего представления как и откуда она подводится.

С другой стороны предбанника были три одинаковых комнаты, выложенные красивой плиткой. В каждой из них находилась старинная ванна передвижного образца и продолговатый столик, на котором стояло ведро с водой и соответствующий ему по размеру фарфоровый тазик. В комнатах действительно не было зеркал или каких-нибудь хромированных поверхностей, в которых можно было бы увидеть свое отражение. Фактически здесь не было даже водопровода.

Я налила воды в тазик, умыла лицо, а затем провела мокрыми пальцами по спутанным волосам. Вместо того, чтобы воспользоваться одним из белых махровых полотенец, боясь испачкать его, я вытерла руки о какие-то куски ткани, которые лежали в ящичке на столике. Я несколько раз глубоко вздохнула и потеряла уставшую шею, прежде чем выйти к Кларе.

Я нашла ее в гостиной, где она составляла цветочные композиции в белой и голубой китайских вазах. Журналы, которые раньше валялись разбросанными по столу, теперь лежали аккуратной стопочкой, а рядом с ними находилась тарелка с едой. Она улыбнулась, увидев меня.

— Ты свежа, как маргаритка, — сказала она. — Бери сэндвич. Скоро совсем стемнеет. Нам пора.

Проглотив половину бутерброда с ветчиной, я поспешно одела куртку и ботинки, которые мне дала Клара, и мы вышли из дома. В руках у нас были мощные электрические фонари. Ботинки оказались тесными, и левый тут же начал натирать мне пятку. Я была уверена, что у меня будет волдырь. Но было приятно, что для меня нашлась куртка, потому что вечер обещал быть холодным. Я подняла воротник и застегнула верхнюю пуговицу.

— Мы обойдем вокруг этого места и поднимемся на холм, — сказала Клара. — Я хочу показать тебе дом в сумерках с некоторого расстояния. Я буду показывать тебе то, что ты должна запомнить, поэтому будь внимательна.

Мы шли по узкой тропинке. Вдали на востоке я могла различить темные иззубренные силуэты гор на фоне фиолетового неба. Когда я заметила, что они выглядят очень зловеще, Клара сказала, что эти горы вызывают благоговейный страх потому, что у них очень древняя тонкая сущность. Она сказала мне, что все видимое и невидимое обладает тонкой сущностью, и что для того, чтобы понимать происходящее, человек должен научиться ее чувствовать.

То, что она сказала, напомнило мне о моем методе получения ответов на сложные вопросы с помощью устремления взгляда на горизонт в южном направлении. Не успела я спросить ее об этом, как она продолжила рассказ о Горах, деревьях и тонкой сущности камней. Мне казалось, что Клара так глубоко проникла в тайны китайской культуры, что могла говорить загадками, напоминая те, которые восточная литература приписывает просветленным людям. Я поняла тогда, что в глубине души я целый день насмеялась над ней. Это было странное ощущение, потому что Клара едва ли принадлежала к числу людей, которые заслуживали снисходительного отношения с моей стороны. Обычно на работе и в школе я насмеялась над слабыми или теми, кто напускает на себя важность, но Клару нельзя было отнести ни к тем, ни к другим.

— Вон то место, — сказала Клара, указывая на небольшую ровную поляну на вершине одного из холмов. — Оттуда ты сможешь видеть дом.

Мы свернули с тропинки и поднялись туда, куда она указывала. Здесь перед нами открылся завораживающий вид на всю долину, раскинувшуюся внизу. Я могла разглядеть большие группы темно-зеленых деревьев, окруженные еще более темными, коричневыми областями, но самого дома не было видно, потому что деревья и кусты полностью закрывали его.

— Дом идеально сориентирован в соответствии с четырьмя сторонами света, — сказала Клара, указывая на зеленые заросли. — Твоя спальня на северной стороне, а запретная часть дома — на южной. Задняя дверь и внутренний дворик расположены с западной.

Клара указала, где расположены все эти части дома, но, как ни старалась, я не могла их разглядеть. Все, что было в полутьме доступно моим глазам, представляло собой темно-зеленые очертания.

— Чтобы увидеть дом, мне придется просвечивать местность рентгеновскими лучами, — пожаловалась я. — Он полностью скрыт за деревьями.

И очень важными деревьями, кстати, — сказала Клара дружелюбно, не обращая внимания на мой огорченный тон. — Каждое из них является самостоятельным живым существом, которое преследует в жизни определенную цель.

— Разве не верно, что каждое живое существо на этой планете имеет определенную цель? — спросила я раздраженно.

Мне не нравилось что-то в том, с каким энтузиазмом Клара показывала мне свои владения. Тот факт, что я не могу разглядеть то, что она мне показывает, еще больше вывел меня из

равновесия. Сильный порыв ветра надул мою куртку, и мне в голову пришла мысль о том, что мое раздражение может быть проявлением обычной зависти.

— Я имела в виду не это банальное суждение, объяснила Клара. — Я хотела сказать, что в моем доме каждая вещь и каждый человек появляются не случайно. Это касается и деревьев, и меня, и, конечно же, тебя.

Мне захотелось перевести разговор на другую тему, и поскольку я не смогла выдумать ничего лучшего, я спросила:

— Ты купила этот дом, Клара?

— Нет, мы его унаследовали. Он принадлежит нашей семье уже многие поколения, хотя если принять во внимание все те беспорядки, через которые прошла Мексика, нетрудно догадаться, что его разрушали и восстанавливали неоднократно.

Я поняла, что лучше всего себя чувствую, задавая самые простые вопросы, потому что Клара дает на них прямые ответы. Ее рассуждения о «тонких сущностях» показались мне такими высокими материями, что хотелось передохнуть, поговорив о чем-нибудь обыденном. Но к моему огорчению Клара оборвала наш нормальный диалог и снова начала говорить о своих абстракциях.

Этот дом является отражением всех поступков живущих в нем людей, — сказала она почти благоговейным тоном. — Главная его особенность в том, что он скрыт. Он расположен на самом видном месте, но его никто не видит. Запомни это. Это очень важно!

Интересно, как бы я могла этого не запомнить, думала я. В течение двадцати предшествующих минут я напрягала зрение для того, чтобы разглядеть дом в полутьме. Мне бы хотелось, чтобы сейчас здесь оказался бинокль, с помощью которого я смогла бы наконец удовлетворить свое любопытство. Прежде чем я успела об этом сказать Кларе, она начала спускаться с холма. Я была бы не прочь остаться на холме сама еще некоторое время, чтобы подышать прохладным ночным воздухом, но я боялась, что одна не смогу во тьме найти дорогу назад. Я решила про себя, что вернусь сюда днем и выясню, можно ли на самом деле видеть отсюда дом так, как об этом сказала Клара.

Возвращаясь обратно, мы пришли к черному ходу ее особ; яка на удивление быстро. Вокруг царил непроглядная темень. Я могла видеть лишь небольшие участки тропинки, освещенные светом фонарей. Войдя в дом, Клара осветила деревянную скамейку и велела мне сесть на нее, снять куртку и ботинки, а затем повесить их на вешалку, находящуюся рядом с дверью.

Я почувствовала необычайный голод. Не припомню когда в своей жизни я так сильно хотела есть, но все же на решилась прямо спросить у Клары, будем ли мы ужинать. Возможно, она считала, что роскошного обеда в Гуаймасе было достаточно на целый день. Однако, судя по комплекции Клары, она была не из тех, кто любит экономить на еде.

— Давай пройдем на кухню и посмотрим, что там можно найти перекусить, — предложила она. — Но вначале я покажу тебе, где находится наш генератор и как его включать.

Освещая путь фонарем, она провела меня по тропинке вдоль забора до кирпичного сарайчика, крытого гофрированной жостью. В нем находился небольшой дизель-генератор. Я знала, как его включать, потому что мне случалось жить в сельском доме, в котором был похожий генератор на случай перебоя в электроснабжении. Потянув за рычаг рубильника, я увидела через окошко в сарайчике, что электричеством освещена только одна часть дома и холла: в них свет зажегся, тогда как весь остальной дом оставался во тьме.

— Почему электричество проведено у тебя не на весь дом? — спросила я у Клары. — Какой смысл оставлять полдома во тьме? — Затем, повинувшись неожиданному импульсу, я доставила. — Если хочешь, я смогу сделать там проводку.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Это правда? Ты уверена, что после этого дом не сторит?

— Конечно. Мои домашние говорили мне, что я — волшебница во всем, что касается электричества. Некоторое время я работала помощницей электромонтера — до тех пор, пока не надоела ему своими советами.

— Что ты ему советовала? — спросила Клара.

— Я говорила ему, куда следует что подключать. Потом пришлось распрощаться с ним.

Клара громко рассмеялась. Но я не могла понять, что она нашла смешного в моих словах о том, что я была когда-то электриком, а потом бросила это.

— Спасибо за твое предложение, — сказала Клара, возвращая своему голосу серьезное звучание. — Дело в том, что дом оснащен электричеством как раз так, как мы того хотим. Мы пользуемся им только в случае необходимости.

Я заключила, что электричество нужно прежде всего на кухне, и поэтому свет зажегся только в этой части дома. Не задумываясь, я направилась в ту сторону, где горел свет, но Клара дернула меня за рукав, чтобы остановить.

— Куда ты? — спросила она.

— На кухню.

— Ты направляешься не в ту сторону, — сказала она. — В мексиканских загородных домах ни кухня, ни ванная не находятся в основном доме. Что, по-твоему, стоит у нас на кухне? Электрохолодильники и газовые плиты?

Она провела меня вдоль дома, мимо своего спортивного зала, к небольшому домику, которого я раньше не заметила. Он был почти полностью закрыт пышными цветущими деревьями. То, что она назвала кухней, представляло собой одну большую комнату с полом из терракотовых плиток, недавно побеленными стенами и несколькими рядами лампочек над головой. Кто-то, наверное, немало потрудился для того, чтобы так хорошо здесь все устроить. Но вся утварь здесь была старой — каждый предмет выглядел как музейный экспонат. С одной стороны комнаты стояла огромная железная печь, которая топилась дровами и, к моему удивлению, выглядела так, будто ее только что протопили. Печь находилась на массивной подставке, а дымовая труба выходила в отверстие в потолке. С другой стороны комнаты находились два длинных кухонных стола, возле которых с обеих сторон стояли скамейки. Рядом с ними находился рабочий стол повара, на котором лежала доска толщиной в три дюйма для разделки мяса. Ее поверхность выглядела далеко не гладкой: нож оставил на ней немало следов.

В удобных местах на стенах были расположены крюки, на которых висели корзинки, чугунные кастрюли и сковородки, а также много других кухонных принадлежностей. Вся комната производила впечатление сельской, но тем не менее хорошо оснащенной кухни из ряда тех, какие можно иногда увидеть в иллюстрированных журналах.

На печке стояли три глиняных горшка с крышками. Клара предложила мне сесть за один из столов. Она подошла к печке и, повернувшись ко мне спиной, принялась помещивать в горшочках и накладывать в тарелки. Через несколько минут она поставила передо мной плов, приготовленный из тушенки, риса и фасоли.

— Когда ты успела приготовить эту еду? — спросила я, искренне удивляясь, потому что за все время нашего пребывания в ее доме она явно никуда не отлучалась.

— Я состряпала все это перед нашим выходом на прогулку и поставила на печку, — сказала она полушутя.

За кого она меня принимает? — думала я. Для того, чтобы приготовить эту еду, нужно несколько часов. Она загадочно засмеялась в ответ на мой удивленный взгляд.

— Ты права, — сказала она тоном человека, который прекращает розыгрыш. — Есть здесь смотритель, который иногда готовит для нас пищу.

— Этот зритель сейчас находится здесь?

— Нет, что ты. Он, должно быть, был здесь утром, но потом ушел. Ешь и не забивай себе голову такими незначительными вопросами, как то, откуда он пришел.

Клара и ее дом были полны неожиданностей, подумала я. Но усталость и голод давали о себе знать, и я не могла больше ни спрашивать, ни размышлять о чем-то, не имеющем отношения непосредственно к настоящему. Кровать, которая казалась за обедом такой большой, теперь ушла так далеко в прошлое, что мне едва удавалось о ней вспомнить. Тому, кто любит есть медленно, могло показаться, что я набросилась на плов, как голодный волк. Еще ребенком я никогда не могла расслабиться за столом и просто получать удовольствие от еды. Я всегда воображала себе ту гору посуды, которую мне придется мыть потом. Каждый раз, когда один из моих братьев брал еще одну тарелку или ложку, внутри меня все сжималось. Я была уверена, что они специально пачкают как можно больше посуды, чтобы мне потом было что мыть. К тому же, каждый раз во время еды мой отец затевал споры с матерью. Он знал, что она не сможет уйти из-за стола, пока все не закончат есть, поэтому использовал эту возможность для того, чтобы излить ей все свои жалобы и замечания.

Клара сказала, что мне не нужно мыть тарелки, хотя я и предложила ей свою помощь. Мы пошли в гостиную очевидно, одну из тех комнат, которые по ее мнению, не нуждались в электрическом освещении, потому что здесь царил полный мрак. Клара зажгла керосиновую лампу. Она загорелась ярко, придавая всему таинственный, но в то же время спокойный и уютный вид. Везде покачивались тени. Мне казалось, будто нахожусь во сне вдали от реальности, которую освещают электрическим светом. Клара, ее дом, эта комната — все, казалось, относится к какому-то другому времени, находится в каком-то потустороннем мире.

— Я обещала, что познакомлю тебя с нашей собакой, — начала Клара, садясь на диван. — Эта собака является неотъемлемой частью здешней обстановки. И ты должна быть очень внимательной с тем, что думаешь или говоришь о ней.

Я уселась рядом с ней.

— Что, это чувствительная, нервная собака? — спросила я, рисуя в воображении неприятную встречу с ней.

— Чувствительная — да, нервная — нет. Я считаю, что эта собака представляет собой очень развитое существо, но, являясь собакой, ей очень трудно, если вообще возможно, выйти за пределы представления о себе.

Я громко засмеялась, когда услышала, что у собаки может быть представление о себе. Я сказала Кларе, что ее утверждение кажется мне бессмысленным.

— Ты права, — согласилась Клара, — в данном случае не стоит говорить о представлении. Лучше сказать, что собака заблуждается, чувствуя свою важность.

Я знала, что она шутит со мной, но мой смех на этот раз был более осторожным.

— Ты можешь смеяться, но я говорю вполне серьезно, — сказала Клара тихим голосом. — Я дам тебе возможность убедиться в этом. — Она наклонилась ближе ко мне и понизила голос до шепота. — В ее отсутствие мы называем ее заро, что по-испански означает «жаба», потому что Эта собака похожа на большую лягушку. Но осмелюсь лишь при ней назвать ее так, и она разорвет тебя на куски. Теперь, если ты не веришь мне или если у тебя достаточно смелости, чтобы попробовать назвать ее так, знай, что когда собака придет в ярость, существует только один выход.

— И что же это? — спросила я насмешливо, хотя в этот раз почувствовала какую-то тень страха.

— Нужно очень быстро сказать: «Клара тоже похожа на белую жабу». Собаке приятно это слышать.

Но на таком меня не проведешь. Я была уверена, что достаточно умудрена опытом, чтобы понять, что это — бессмыслица.

— Наверное, ты научила свою собаку отрицательно реагировать на слово заро, — предположила я. — У меня есть некоторое представление о воспитании собак и я знаю, что они не настолько разумны, чтобы понимать слова людей, не говоря уже о том, чтобы приходить от этого в ярость.

— Тогда давай сделаем следующее, — предложила Клара. — Давай я познакомлю тебя с ней, а затем мы будем просматривать книгу по зоологии с картинками, на которых изображены лягушки, и обмениваться мнениями о них. Потом в один прекрасный момент ты скажешь: «Он действительно похож на жабу», и мы посмотрим, что произойдет.

Прежде чем я успела принять или отвергнуть это предложение, Клара вышла через боковую дверь, оставив меня в одиночестве. Я уверяла себя, что вполне представляю о чем идет речь, и не допущу, чтобы меня водила за нос женщина, которая утверждает, что собаки обладают высшими проявлениями сознательной деятельности.

Я бодро болтала с собой в воображении, чтобы вернуть себе уверенность, когда через боковую дверь вошла Клара, ведя за собой самую большую из когда-либо виденных мною собак. Это был огромный кобель, толстые лапы которого достигали размера кофейных блюдец. Его шерсть была черной, лоснящейся. В желтых глазах собаки можно было прочесть взгляд человека, смертельно уставшего от жизни. Ее уши были закруглены, а морда — неровной и со всех сторон покрытой морщинами. Клара была права, пес определенно был похож на исполинскую лягушку. Собака подошла прямо ко мне и остановилась, а затем посмотрела на Клару, как бы ожидая, что та скажет.

— Тайша, я хочу познакомить тебя со своим другом Манфредом. Манфред, это — Тайша.

Я готова была протянуть руку и пожать его лапу, но Клара, качнув головой, подала мне знак, чтобы я этого не делала.

— Рада с тобой познакомиться, Манфред, — сказала я, стараясь не засмеяться и в то же время не выглядеть испуганной.

Собака подошла еще ближе и начала нюхать мой пах. С отвращением я отскочила назад. В одно мгновение собака подскочила ко мне, повернулась задней частью своего туловища и ударила меня под колени так, что я потеряла равновесие. Я опомнилась, стоя на полу сначала на коленях, я потом на всех четырех. Собака лизнула мою щеку, и прежде, чем я успела подняться на ноги или отвернуться, выпустила газы прямо перед моим носом.

Я с криком вскочила. Клара так смеялась, что не могла вымолвить ни слова. Я могла поклясться, что Манфред тоже смеялся. Он с ликующим видом спрятался за Кларой и вопросительно смотрел на меня, переминаясь по полу своими большими лапами.

Я была так разъярена, что закричала:

— Ты — не собака, а проклятая вонючая жаба!

В одно мгновение пес бросился ко мне и ударил меня головой. Я упала назад на пол, а он оказался сверху. Его челюсти были в нескольких дюймах от моего лица. Я увидела, что в его желтых глазах искрится ярость. Одного зловонного дыхания этой пасти было достаточно для того, чтобы вызвать тошноту, и я почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Чем громче я кричала, чтобы Клара убрала подальше свою проклятую собаку, тем ожесточеннее рычал надо мной пес. Я чувствовала, что от страха нахожусь на грани потери сознания, когда услышала сквозь шум и собственные вопли, как Клара кричит:

— Скажи ему то, о чем я тебе говорила! Скорее, скажи ему!

Я была слишком испугана, чтобы говорить что-то. В отчаянии Клара попыталась оттянуть собаку в сторону за уши, но это лишь пуще разъярило ее.

— Скажи ему! Скажи ему то, о чем я тебе говорила! — вопила Клара.

В том ужасном положении, в котором я находилась, я никак не могла вспомнить, что же такого должна ему сказать. Но когда я поняла, что сознание уже начинает оставлять меня, я услышала собственный крик:

— Клара тоже похожа на белую жабу! Прости меня!

Собака мгновенно перестала рычать и отошла от меня. Клара помогла мне встать и сесть на диван. Собака шла рядом с нами, будто помогая ей. Клара дала мне выпить теплой воды, от чего меня затошнило еще больше. Едва я успела выскочить на улицу, как меня сильно вырвало.

Позже, когда я отдыхала в гостиной, Клара еще раз предложила посмотреть книгу о лягушках в присутствии Манфреда для того, чтобы я могла повторить при нем еще раз, что она выглядит как белая жаба. Она сказала, что я должна устранить все недоразумения, которые могли появиться в его уме.

— Он очень несчастен потому, что должен быть собакой, — объяснила она. — Бедняжка! Это ему очень не нравится, но он ничего не может поделать. Поэтому он приходит в ярость, когда кто-то насмеяется над ним.

Я сказала, что в том состоянии, в котором я нахожусь, дальнейшие эксперименты по собачьей психологии едва ли целесообразны. Но Клара настаивала на том, чтобы я доиграла эту игру до конца. Как только она открыла книгу, Манфред подошел, чтобы смотреть на картинки. Клара все восхищалась и шутила по поводу того, какими причудливыми бывают лягушки, и что среди них есть даже такие, которые выглядят довольно отвратительно. Я тоже вступила в игру со своей стороны. Я произносила слово «жаба» и испанское слово заре как можно чаще и как можно громче в течение всего нашего наигранного разговора. Но Манфред на это никак не реагировал. Он выглядел таким же скучающим, как и в первый раз, когда мои глаза увидели его.

Но когда, как было условлено, я громко заметила, что Клара определенно похожа на белую жабу, Манфред сразу же начал вилять хвостом, заметно оживившись. Я повторила ключевую фразу несколько раз, и чем больше я ее повторяла, тем более возбужденной становилась собака. Тут я неожиданно решила проявить инициативу и сказала, что сама похожа на неприглядную жабу, которая старается стать такой же, как Клара. Услышав это, собака так обрадовалась, что подскочила на месте, как ужаленная. Клара сказала:

— Ну, здесь ты перегнула палку в своей заботе о нем, Тайша.

Я заметила, что Манфред пришел в такое возбуждение, что не мог этого больше переносить. Он выбежал из комнаты. В изумлении я откинулась на спинку дивана. Несмотря на все свидетельства, которые подтверждали, что собака может так реагировать на обидное прозвище, я все же в глубине души не могла поверить в это.

— Скажи, Клара, — произнесла я, — в чем здесь фокус? Как ты научила его так себя вести?

— То, свидетельством чего ты была, не является фокусом, — ответила она. — Манфред — таинственное, неизвестное существо. Во всем мире есть только один человек, который может называть его заро или зарио, маленькая жабка, и при этом не привести его в бешенство. Скоро ты встретишься с этим человеком. Он ответственен за тайну Манфреда. Только он может объяснить тебе, что все это значит.

Внезапно Клара встала.

— Сегодня у тебя был нелегкий день, — сказала она, вручая мне керосиновую лампу. — Думаю, сейчас самое время отправиться спать.

Она провела меня в отведенную мне комнату.

Все что тебе может понадобиться, ты найдешь внутри, — сказала она. — Ночной горшок находится под кроватью, если ты боишься выходить во двор. Надеюсь, тебе будет уютно.

Коснувшись моей руки, она пошла по коридору, пока не исчезла во тьме. Я так и не поняла,

где находится ее спальня. Возможно, подумала я, ее спальня находится в том крыле дома, в которое мне нельзя было заходить. Клара так загадочно пожелала мне спокойной ночи, что некоторое время я просто стояла и держалась за дверную ручку, теряясь в догадках.

Затем я все же вошла в комнату. Керосиновая лампа освещала вещи, которые отбрасывали причудливые тени. На полу красовался узор из отблесков, которые давала ваза с цветами, стоявшая на столе. Должно быть, Клара принесла эти цветы из гостиной и оставила их здесь. Большой резной деревянный сундук, казалось, излучал серебристое сияние, а спинки кровати отбрасывали на стены тени, похожие на змей. Внезапно я поняла, почему в моей комнате стояла этажерка из красного дерева, на которой находились статуэтки и другие эмалированные предметы. Свет лампы полностью преображал их, создавая вокруг фантастический мир. Статуэтки из фарфора не предназначены для помещений, освещаемых электрическим светом, подумала я в этот момент.

Мне хотелось осмотреть комнату, но я чувствовала смертельную усталость. Я поставила лампу на небольшой прикроватный столик и разделась. На спинке стула лежала муслиновая ночная рубашка, которую я и надела. Казалось, она была мне впору, по крайней мере, не волочилась по земле.

Я взобралась на мягкую кровать и улеглась на подушку. Тени в комнате так заорожили меня, что я не погасила лампу сразу. Я вспомнила, что еще ребенком играла перед тем, как уснуть, в такую игру: сколько разных предметов я смогу узнать по их теням на стенах.

Сквозняк из полуоткрытого окна привел тени на стенах в движение. Несмотря на усталость, я вообразила, что вижу перед собой очертания животных, деревьев и летящих птиц. Затем в расплывах серого света я увидела смутное очертание морды собаки. У нее были закругленные уши, притупленный, покрытый морщинами нос. Казалось, она моргает мне. Я знала, что это Манфред.

Странные чувства и мысли наполнили мой ум. Что я вообще могу сказать о событиях этого дня? Ни одно из них мне не удавалось объяснить удовлетворительно. Но самой замечательной вещью было то, что я вне всяких сомнений поняла, что мое последнее замечание — о том, что я похожа на неприглядную жабу, которая старается стать похожей на Клару, — положило начало нашей с Манфредом взаимной симпатии. Я также ясно понимала, что не могу думать о нем как об обычном псе и что я больше не боюсь его. Несмотря на то, что мне было очень трудно в это поверить, я чувствовала, что он наделен каким-то особым разумом и может понимать то, о чем мы с Klarой разговариваем.

Внезапно порыв ветра растворил окно полностью, и тени замельтешили по стенам множеством причудливо мерцающих очертаний. Морда собаки слилась с другими рисунками на стене, и я подумала, что в действие вступили чары, которые дадут мне силу при встрече с ночью.

Как удивительно то, думала я, что ум может наполнять бесформенные рисунки на стене осмысленным содержанием так, будто является проекционным аппаратом, в который заряжена кассета с бесконечным фильмом.

Тени задрожали, когда я опустила пониже фитиль керосиновой лампы. Когда последний блик света угас, я осталась в кромешной тьме. Но я не боялась ее. Тот факт, что я нахожусь в чужом доме, лежу в незнакомой кровати, ничуть не смущал меня. Ранее Клара сказала, что это моя комната, и, побыв в ней так недолго, я почувствовала себя как дома. У меня было какое-то странное чувство, что я нахожусь под защитой.

Глядя в пустоту перед собой, я заметила, что воздух в комнате начинает отсвечивать. Я вспомнила слова Клары о том, что весь этот дом заряжен невидимой энергией, которая течет по нему, как ток по проводу. Я не чувствовала ее раньше потому, что мое внимание было занято другими вещами. Но сейчас, в абсолютной тишине я отчетливо расслышала ее тихий жужжащий

звук. Затем мне показалось, что я вижу, как по комнате на большой скорости летают едва заметные пузырьки. Они часто сталкивались друг с другом и гудели, как многотысячный пчелиный рой. Комната и весь дом, казалось, были пронизаны тонкой электрической энергией, которая заполняла все мое существо.

Как тебе спалось? — спросила меня Клара, когда я зашла на кухню.

Она как раз собиралась сесть за стол, чтобы приняться за еду. Я заметила, что стол накрыт на двоих, хотя она и не говорила мне накануне, в котором часу будет завтрак.

— Я спала как медведь, — сказала я, и мои слова были недалеко от истины.

Клара пригласила меня присоединиться к ней и положила в мою тарелку какое-то ароматное блюдо из нарезанного мяса. Я сказала ей, что пробуждение в незнакомом месте всегда было для меня неприятным мгновением. Мой отец очень часто менял работу, и семья должна была менять место жительства, когда он уезжал в другой город, чтобы занять там вакантную должность. Внезапное пробуждение утром на новом месте, когда я поначалу не могла понять, где я нахожусь, было невыносимым для меня. Но в это утро я не испытала никаких неприятных переживаний. Я проснулась с чувством, что комната и кровать, на которой я лежу, всегда были моими.

Клара выслушала меня внимательно и кивнула головой.

— Так произошло потому, что твой характер соответствует характеру того человека, кому принадлежит эта комната, — сказала она.

— А кому принадлежит эта комната? — спросила я с любопытством.

Когда-нибудь ты узнаешь это, — ответила она, положив на мою тарелку рядом с мясом огромную порцию риса. Затем она подала мне вилку. — Ешь, не стесняйся. Сегодня тебе понадобится вся твоя сила.

Она не стала продолжать беседу, пока я не съела все, что находилось на моей тарелке.

— И что же мы будем делать? — спросила я, когда она убирала со стола грязную посуду.

— Не мы, — поправила она меня. — Ты сама пойдешь в пещеру, чтобы начать занятия воспоминанием.

— Занятия чем, Клара?

— Вчера вечером я сказала тебе, что каждая вещь и каждый человек в этом доме появляется не случайно. Это касается и тебя.

— Зачем же тогда я оказалась здесь?

— Причина твоего появления здесь может быть объяснена тебе лишь в несколько этапов, — ответила она. — Рассуждая на самом простом уровне, можно сказать, что ты здесь потому, что тебе это нравится, что бы ты об этом ни думала. Вторая, и менее очевидная причина состоит в том, что ты приехала сюда для того, чтобы заниматься увлекательной практикой, которая называется воспоминанием.

— Что это за практика? Что она от меня требует?

— Об этом я скажу тебе, когда мы придем в пещеру.

— А почему ты не можешь сказать мне об этом здесь?

— Не возражай мне, Тайша. Сейчас я не могу ответить на все твои вопросы, потому что у тебя недостаточно энергии для того, чтобы понять мои ответы. Позже ты сама убедишься в том, что некоторые вещи бывает очень нелегко объяснить.

Надевай свои походные ботинки, нам пора уходить.

Мы вышли из дома и поднялись на невысокие холмы к востоку от долины, идя по той же тропинке, по которой мы шли в минувший вечер. Вскоре после начала нашего похода я заметила небольшую поляну на холме, где мы были вчера вечером и которую я собиралась посетить днем. Не ожидая, пока Клара предложит мне сделать это, я направилась туда, потому что мне не терпелось выяснить, виден ли оттуда дом в дневное время.

Моим глазам открылась чашеподобная долина между холмами, покрытая зарослями деревьев. Однако несмотря на то, что утро было солнечным и ясным, я не смогла различить никаких следов жилых строений. Мне стало очевидно лишь то, что в долине растет намного больше деревьев, чем я могла предположить, судя по вчерашним наблюдениям в сумерках.

— Ты, конечно, можешь заметить отсюда небольшой домик во дворе, — сказала Клара. — Видишь вон ту красноватую точку недалеко от зарослей мескитовых деревьев?

Я подпрыгнула от неожиданности, потому что была так поглощена созерцанием долины, что не услышала, как Клара подошла ко мне.

Для того, чтобы помочь мне сориентироваться, Клара указала на одну группу зеленых деревьев в долине. Я подумала, что могла бы из вежливости сказать ей, что вижу все, на что она мне показывает, но мне не хотелось начинать этот день с нечестности по отношению к ней. Я молчала. Кроме того, в этой скрытой долине было что-то столь изысканное, что у меня перехватило дыхание. Я смотрела на нее так увлеченно, что мне показалось, что я засыпаю. Прислонившись к камню, я дала возможность тому, что производило на меня такое сильное впечатление, унести себя. И меня действительно понесло. Я увидела себя среди людей, которые собрались на пикник. Все вокруг веселились, и я слышала смех...

Мое видение рассеялось, когда Клара подняла меня на ноги, взяв подмышки.

— Вот-те на, Тайша! — воскликнула она. — Такого я от тебя не ожидала. На какое-то мгновение мне показалось, что я тебя потеряла.

Я хотела было рассказать ей, что мне пригрезилось, потому что была уверена, что отключилась всего лишь на мгновение. Но Клара, казалось, не проявляла к этому никакого интереса и начала спускаться с холма.

Она шла уверенной и целенаправленной походкой так, будто точно знала, куда направляется. Что же касается меня, то я плелась бесцельно за ней, стараясь не отставать и не спотыкаться. Мы шли в полной тишине. Прошло уже более получаса, как мы снова вышли к нагромождению скал, о котором я могла с уверенностью сказать, что мы здесь уже были.

— Мы уже проходили здесь сегодня? — спросила я, прерывая молчание.

Она утвердительно кивнула.

— Мы ходим по кругу, — заметила она. — Что-то преследует тебя, и если мы не отделаемся от него, оно придет с нами в пещеру.

Я оглянулась, чтобы проверить, не идет ли кто-нибудь за нами. Но заметила я только кусты и переплетенные ветви деревьев. Я поспешила за Кларой, чтобы догнать ее, но споткнулась о пень. Падая вперед, я неожиданно вскрикнула. С невероятной скоростью Клара поймала меня за руку и не дала мне упасть, поставив передо мной свою ногу.

— Да, ходок из тебя не самый лучший, — заметила она.

Я сказала ей, что никогда не проводила много времени за пределами дома и с детства верила, что далекие прогулки и походы — удел сельских жителей, а не образованных горожан, ведь последние не привыкли жить в лесной глуши. Разгуливать по предгорьям — не самое приятное занятие для меня, и за исключением того вида на долину, в которой находится ее дом, я не нахожу ничего интересного в нашей прогулке, хотя кто-то другой, возможно, назвал бы ее увлекательной.

— Согласна с тобой, — ответила Клара. — Но ты здесь не для того, чтобы разглядывать по сторонам. Смотри себе под ноги. Здесь бывают змеи.

Действительно ли там водились змеи, осталось для меня загадкой, но ее совет, конечно, приковал мой взгляд к земле. По мере того как мы шли, я начала задыхаться. Ботинки, которые дала мне Клара, повисли у меня на ногах, как пудовые гири. Мне становилось все труднее поднимать ногу для того, чтобы поставить ее впереди другой.

— Нужна ли на самом деле эта прогулка по горам? — спросила я в конце концов.

Клара остановилась и повернулась ко мне.

— Прежде чем мы сможем поговорить о чем-то осмысленном, было бы неплохо, если бы ты по крайней мере немного почувствовала свое окружение, — сказала она. — Я делаю все что в моих силах для того, чтобы помочь тебе в этом.

— О чем ты говоришь? — настаивала я. — Какое окружение?

Меня вновь охватила моя обычная подозрительность.

— Я имею в виду скопление твоих обычных чувств и мыслей, твою личную историю, — объяснила Клара. — Все то, что делает тебя тем, кем ты себя считаешь, единственной и неповторимой личностью.

— Что плохого в моих обычных чувствах и мыслях? — спросила я.

Ее непонятные высказывания определенно начинали меня раздражать.

— Эти обычные чувства и мысли — источник всех твоих проблем, — заявила она.

Чем больше она говорила загадками, тем сильнее во мне росло разочарование. В это мгновение мне захотелось ударить себя за то, что согласилась принять предложение этой женщины посетить ее дом. Но моя реакция была запоздавшей. Опасения, которые все время теплились во мне, теперь разгорелись в полную силу. Я подумала, что она очень похожа на психопатку, которая может в любое мгновение выхватить нож и убить меня. Затем я подумала о том, что, судя по тому, что она хорошо владеет боевыми искусствами, нож ей не понадобится. Один хороший удар ее сильной ноги будет последним для меня. Я не смогу противостоять ей. Она была старше меня и очевидно намного сильнее. Я вообразила себе, что моя смерть станет еще одним случаем пропадания без вести, как об этом пишут в статистических сводках.

— Выбрось из головы все свои нездоровые мысли — сказала Клара, явно имея представление о том, что я подумала. — Я привела тебя сюда лишь для того, чтобы подготовить к тому, чтобы ты смогла взглянуть на жизнь немного более трезво. Но кажется, вместо этого мне удалось лишь вызвать в тебе лавину дурацких подозрений и страхов.

Я почувствовала себя неловко из-за того, что у меня появились такие безобразные мысли. Я не могла себе вообразить, как ей удастся так точно определять, когда меня охватывают подозрения и опасения, и как ей одной фразой удастся положить конец моему внутреннему беспокойству.

Мне захотелось извиниться перед ней и обо всем спокойно рассказать, но я еще не была готова к этому. Я подумала, что это могло бы создать для меня дальнейшие осложнения.

— Ты обладаешь необыкновенным даром успокаивать мои нервы, Клара, — сказала я вместо этого. — Ты научилась этому на Востоке?

— Научиться этому не так уж трудно, — ответила она. — Это легко не потому, что именно тебя нетрудно успокоить, а потому, что все мы похожи друг на друга. Для того, чтобы знать подробно, о чем ты думаешь, мне нужно лишь знать себя. Об этом, можешь не сомневаться, у меня есть кое-какое представление. А сейчас давай продолжим идти дальше. Я хочу добраться до пещеры до того, как ты окончательно свалишься с ног.

— Скажи мне еще раз, Клара, что мы будем делать в пещере? — спросила я, желая оттянуть необходимость двигаться дальше.

— Я собираюсь научить тебя удивительным вещам.

— Каким таким удивительным вещам?

— Вскоре узнаешь, — ответила она, глядя мне прямо в глаза.

Я хотела что-то спросить, но прежде чем я успела открыть рот, она уже шла впереди меня на полпути к следующему склону. С трудом волоча ноги, я прошла за ней еще около четверти мили, пока она не остановилась у ручья. Здесь листва на деревьях была такой густой, что я не

могла даже видеть небо. Я сняла ботинки. На пятке у меня был волдырь.

Клара нашла заостренную палочку и нажала ею на мою ногу между большим и вторым пальцами. Нечто похоже на слабый электрический ток ударило мне в лодыжки и потекло внутри бедер. Затем она попросила меня стать на четвереньки и, поднимая поочередно каждую ногу стопой вверх, уколола палочкой в то место, которое находится сразу же под выпуклостью большого пальца. Я завопила от боли.

— Это не так уж плохо, — сказала она тоном человека, который уже не в первый раз лечит больных. Традиционные китайские врачи часто использовали этот прием для того, чтобы вернуть силы слабым или ввести человека в состояние повышенной внимательности. Но в наши дни эти древние знания вымирают.

— Почему так происходит, Клара?

— Потому что преклонение перед материализмом увело человека в сторону от эзотерических наук.

— Это же самое ты имела в виду и тогда, когда в пустыне сказала мне, что разрушена связь с прошлым?

— Да. Великие перемены всегда влекут за собой резкие изменения в энергетической природе вещей. И эти изменения не всегда к лучшему.

Она велела мне опустить ноги в ручей и поводить ими по гладким камням, которые лежали на дне. Вода была холодной, как лед, и я непроизвольно вздрогнула.

— Повращай лодыжками по часовой стрелке, — предложила она. — Дай возможность текущей воде унести всю твою усталость.

После нескольких минут вращения лодыжками я почувствовала себя отдохнувшей, но мои ноги окоченели от холода.

— А теперь попытайся почувствовать, как все твоё напряжение концентрируется в ногах, а затем отбрось его резким движением лодыжек в стороны, — посоветовала Клара. — Так ты сможешь избавиться и от ощущения холода.

Я продолжала мутить воду до тех пор, пока ноги не онемели окончательно.

— Мне кажется, что то, о чем ты говоришь, не работает, Клара, — сказала я, вынимая ноги из воды.

— Это потому, что ты не даешь возможности напряжению уйти, — ответила она. — Текущая вода уносит с собой усталость, окоченелость, болезни и все другие нежелательные вещи, но для того, чтобы это произошло, ты должна выразить свое намерение. В противном случае можешь болтать ногами воду до тех пор, пока не пересохнет ручей, и все будет напрасно.

Она добавила, что если кто-то хочет проделать это упражнение, лежа в постели, для этого ему нужно просто вообразить себе текущий ручей.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я должна выразить свое намерение? — спросила я, вытирая ноги рукавами куртки. После активного растирания они наконец согрелись.

— Намерение — это сила, движущая вселенной, — сказала она. — Это сила, которая порождает все. Благодаря ей случается мир.

Я не могла поверить тому, что так внимательно слушаю каждое ее слово. Со мной явно что-то произошло, потому что мое обычное скучающее равнодушие сменилось просто невероятной внимательностью. И дело было не просто в том, что я понимала, что говорит мне Клара, — на самом деле я не понимала этого. Меня поразил тот факт, что я слушала ее, не отвлекаясь и не раздражаясь.

— Ты можешь описать мне эту силу более подробно? — попросила я.

— На самом деле о ней ничего нельзя сказать, кроме иносказаний, — ответила Клара. Она провела по земле подошвой своей туфли, отмечая в сторону сухие листья. Под сухими листьями

находится почва, поверхность огромной планеты. Намерение — это то, что лежит в основе всего.

Клара набрала пригоршню воды и плеснула ее себе в лицо. Я снова удивилась тому, что на ее коже нет морщин. На этот раз я сказала ей о том, как она выглядит.

— То, как человек выглядит, зависит от того, как он согласовал свою жизнь с окружающим миром, — сказала она, отряхивая с рук воду. — Все, что мы делаем, так или иначе влияет на эту согласованность. Мы можем быть молодыми и исполненными сил, а можем быть старыми и больными, как застывшая лава в горах Аризоны. Все зависит от нас самих.

Неожиданно для себя самой я спросила ее, можно ли восстановить эту гармонию, если она утрачена. Можно было подумать, что я верила ее словам.

Она утвердительно кивнула и сказала:

— Конечно же, можно. И ты сделаешь это с помощью того уникального упражнения, которому я собираюсь Мучить тебя. Оно называется вспоминание.

— Я не могу дождаться того времени, когда ты будешь меня учить, — сказала я возбужденно, надевая ботинки.

Затем без всяких видимых причин я так оживилась, что несколько раз подпрыгнула на месте и спросила:

— Не пора ли нам идти дальше?

— Мы уже пришли, — объявила Клара, указывая на небольшую пещерку на склоне холма. Когда я посмотрела туда, мой энтузиазм куда-то исчез. В этом зияющем отверстии было что-то зловещее и недоброе, но в то же время и заманчивое. У меня сразу же возникло желание исследовать его, но я боялась обнаружить внутри что-то неожиданное.

Я подозревала, что мы находимся где-то недалеко от ее дома, и эта мысль утешала меня. Клара сообщила мне, что это — место силы, то есть такое место, которое древние китайские маги, владевшие искусством фэн-шуй, несомненно выбрали бы для постройки храма.

— Здесь элементы воды, леса и воздуха находятся в идеальном равновесии, — сказала она. — Здесь энергия циркулирует в изобилии. Ты поймешь, что я имею в виду, когда войдешь в пещеру. Ты должна воспользоваться энергией этого неповторимого места для того, чтобы очиститься.

— Ты хочешь сказать, что я должна буду остаться здесь?

— А разве ты не знаешь, что на Востоке в древности монахи и ученые часто уходили в пещеры, чтобы пожить некоторое время в уединении? — спросила она. — Когда со всех сторон окружает земля, легче медитировать.

Она предложила мне забраться в пещеру. Набравшись смелости, я протиснулась внутрь, подавив в себе все мысли о летучих мышках и пауках. Внутри было темно и прохладно, и места хватало лишь на одного человека. Клара сказала мне, чтобы я села, скрестив ноги и опираясь спиной о стену. Я заколебалась, не желая запачкать свою куртку, но стоило мне прислониться к стене, как я почувствовала облегчение. Даже несмотря на то, что потолок находился сразу же над моей головой, а земля сильно давила мне в копчик, стиснутое пространство не угнетала меня. Легкий, почти незаметный поток воздуха двигался по пещере. Я почувствовала прилив сил, чего, по словам Клары, и следовало ожидать. Я собралась снять-с себя куртку и подложить ее под себя, когда Клара, сидевшая на корточках у входа в пещерку, заговорила.

— Вершиной того искусства, которому я хочу научить тебя, — начала она, — является то, что называется абстрактный полет, а средством овладения им есть вспоминание. — Она протянула руку в пещерку и коснулась левой и правой сторон моего лба. — Осознание должно переместиться отсюда сюда, — сказала она. — В детские годы мы могли это делать легко, но когда гармония нашего тела была нарушена вследствие вредных привычек, только особая работа

с осознанием, правильный образ жизни и воздержание могут восстановить потерянную энергию. Энергию, которая необходима для того, чтобы изменить уровень восприятия.

Я явно поняла все, что она сказала, и даже смогла почувствовать, что осознание подобно потоку энергии, который может перетекать из одной части головы в другую. Я представила себе расстояние между этими двумя частями как огромное пространство — пустоту, которая мешает переходу.

Я внимательно слушала то, что она рассказывала.

— Тело должно быть необычайно сильным, — сказала она. — Только тогда осознание может стать проникающим и текучим настолько, чтобы в одно мгновение преодолеть пропасть, которая отделяет нас от абстрактного полета.

Когда она говорила мне все это, случилось что-то необычайное. Я почувствовала абсолютную уверенность в том, что я останусь с Кларой в Мексике. Мне хотелось представить, как я возвращаюсь в Аризону через несколько дней, но я понимала, что в действительности вернусь туда не скоро. Я осознала также и то, что мое решение остаться здесь не является просто принятием того, к чему меня с самого начала подталкивала Клара. Дело было в том, что я просто не могла оказывать сопротивление ее намерениям, потому что на меня воздействовало нечто, относящееся не только к ней.

— Начиная с этого времени ты будешь жить жизнью, в которой нет ничего важнее осознания, — сказала она таким тоном, будто я дала молчаливое согласие остаться с ней. — Ты должна избегать всего, что может причинить вред телу или уму, либо ослабить их. Кроме того, в настоящее время для тебя очень важно порвать все физические и эмоциональные связи с миром.

— Почему это так важно?

— Потому что прежде всего ты должна стать целостной.

Клара объяснила, что люди склонны считать, что их природа дуалистична: что ум является их духовной, а тело — материальной составляющей. Это разделение приводит к тому, что наша энергия постоянно находится в хаотическом состоянии, и это мешает ее концентрации.

— Разделенность — это условие, в котором существует человек, — заметила она. — Но в действительности оно наблюдается не между умом и телом, а между телом, которое содержит в себе ум, или «я», и дублем, который являетсяместищем нашей основной энергии.

Она сказала, что до рождения этого разделения не существует, но, начиная со времени появления человека в этом мире, эти две его составляющие оказываются разделенными вследствие воздействия намерения всего человечества. Одна часть при этом превращается в физическое тело, тогда как другая, внутренняя, становится дублем. После смерти более тяжелая физическая составляющая возвращается обратно в землю, а более легкая, дубль, становится свободной. Но, к несчастью, дубль не может наслаждаться свободой дольше чем мгновение, потому что в силу своей недоразвитости он сразу же растворяется во вселенной.

— Если мы умрем, не искоренив ложного дуализма, который по нашему мнению существует между телом и умом, — мы умираем обычной смертью, — сказала она.

А как можно умереть по-другому?

Клара уставилась на меня, высоко подняв брови. Вместо ответа на мой вопрос она доверительным тоном сообщила мне, что мы умираем потому, что нам никогда не приходит в голову мысль о возможности изменить себя. Она подчеркнула, что это преображение должно быть совершено в течение жизни, и что успешное решение этой задачи это единственная подлинная цель, которую может иметь человеческая жизнь. Все остальные наши достижения проходящи, потому что смерть превращает их обладателя в ничто.

— Что представляет собой это преображение? — спросила я.

— Оно предполагает радикальное изменение, — сказала она. — И достичь этого изменения можно с помощью вспоминания, этого краеугольного камня свободы. Искусство, которому я собираюсь научить тебя — это искусство быть свободной. Заниматься им очень трудно, но еще труднее объяснить его суть другим.

Клара сказала, что каждый метод, которому она будет меня обучать, и каждое задание, которое она будет мне давать, каким бы необычным оно мне ни показалось, в действительности является шагом к достижению конечной цели искусства быть свободной — постижению абстрактного полета.

— Вначале я покажу тебе простые движения, которые ты должна будешь выполнять каждый день, — продолжала она. — Считай их неотъемлемой частью своей жизни. Первым делом давай рассмотрим технику правильного дыхания, которая хранилась в тайне в течение многих веков. Эта техника отражает двойственную суть возникновения и исчезновения, света и тьмы, бытия и небытия.

Она попросила меня выйти из пещеры, а затем легкими движениями показала, как мне сесть, наклонившись вперед и придвинув колени как можно ближе к груди. Не отрываясь ногами от земли, я должна была обнять икры, плотно охватить их руками перед собой и положить ладони на локти, если мне так было удобнее. Легким нажатием она опустила мою голову так, что подбородок касался груди.

Мне пришлось сильно напрячь мышцы рук для того, чтобы удерживать колени перед собой. Моя грудь и живот оказались сдавленными, а в шее что-то хрустнуло; когда я опускала подбородок вниз.

— Это очень активный метод, — сказала она. Может даже случиться так, что скоро ты потеряешь сознание или уснешь. В любом случае, когда придешь в себя, возвращайся в дом. Пещера, кстати, находится сразу же за домом. Иди по тропинке, и ты выйдешь прямо к нему через две минуты.

Клара сказала мне, что следует делать короткие, поверхностные вдохи. Я ответила, что ее указание ничего не меняет, потому что в этом положении я могу дышать только так, и не иначе. Она сказала, что если я хотя бы частично расслаблю руки, мое дыхание снова станет нормальным. Но этого не должно было происходить. Она хотела, чтобы я дышала поверхностно хотя бы минут десять.

Я оставалась в таком положении наверное около получаса, все это время дыша короткими вдохами, как она меня наставляла. После того, как колики в животе прошли и ноги перестали ныть, дыхание, казалось, размягло мои внутренности и растворило их. Затем через мучительно долгое время Клара толкнула меня так, что я перекатилась на спину и продолжала лежать на земле, но она не разрешила мне ослабить напряжение в руках. Когда моя спина коснулась земли, я почувствовала некоторое облегчение, но полное освобождение наступило только тогда, когда Клара позволила мне разжать руки и вытянуть ноги. Единственное, что я могу сказать о своих ощущениях, — это то, что с помощью такого дыхания что-то внутри меня освободилось, а затем начало растворяться и в конце концов исчезло полностью. Как и предупреждала Клара, я почувствовала такую сонливость, что заснула, едва успев добраться до пещерки.

Я проспала в пещере, должно быть, не менее двух часов. Судя по положению, в котором я проснулась, можно было сказать, что за все время сна я не шевельнула ни одним мускулом. Я подумала, что это, должно быть, случилось потому, что в пещерке не было места для движений и поворотов. Но вполне могло быть и так, что я спала неподвижно потому, что полностью расслабилась и не нуждалась в движениях для того, чтобы найти более удобное положение.

Я пошла в направлении к дому, как мне сказала Клара. Она сидела в плетеном кресле во

внутреннем дворике возле дома. У меня создалось впечатление, что рядом с ней сидела другая женщина, но когда они услышали, что я иду, та быстро поднялась на ноги и ушла.

— О да, ты выглядишь отдохнувшей, — сказала Клара. — Этот метод дыхания и поза просто творят с нами чудеса.

Клара сказала, что если это упражнение проделывать регулярно в спокойном и сосредоточенном расположении духа, то оно способствует постепенному приведению в равновесие нашей внутренней энергии.

Прежде чем я успела сказать ей, как хорошо я себя чувствую, она попросила меня присесть и научиться еще одному способу дыхания, который играет важную роль в искоренении ложного дуализма. Она попросила меня сидеть, выпрямив позвоночник, и немножко свести глаза так, чтобы я могла видеть кончик носа.

— Это дыхательное упражнение следует выполнять, сняв с себя одежду, — начала она. — Но для того, чтобы не раздевать тебя здесь во дворе, на этот раз мы сделаем исключение. Прежде всего ты начинаешь глубокий вдох, набирая воздух в легкие так, будто дышишь через влагалище. Втяни живот и вдыхай так, словно воздух поднимается вверх вдоль позвоночника, минуя почки, до места, которое находится между лопатками. Задержи воздух здесь на некоторое время, а затем продолжай поднимать его дальше, в затылок, затем поверх макушки головы в точку, которая находится между бровями.

Она сказала, что, задержав его там на мгновение, я должна начать выдох через нос и при этом в воображении проводить воздух вниз вдоль тела до места, которое находится чуть-чуть ниже пупка, а затем дальше, до влагалища, откуда начинался весь цикл.

Я начала проделывать это дыхательное упражнение.

Клара положила руку на основание моего позвоночника, а затем вычертила линию вдоль моей спины, над головой и до точки между бровями, на которую она легонько нажала.

— Старайся доносить воздух сюда, — сказала она. А глаза нужно держать скошенными для того, чтобы тебе легче было концентрировать внимание на переносице. Так ты сможешь вращать воздух по линии вдоль позвоночника и над головой до этой точки. Можешь также, если хочешь, Следить взглядом за воздухом, когда он опускается вдоль тела вниз и возвращается в половые органы.

Клара сказала, что циркуляция воздуха подобным образом создает непробиваемый заслон для внешних враждебных влияний, которые стремятся воздействовать на энергетическое поле тела. Это упражнение также помогает предотвратить утечку жизненно важной внутренней энергии во внешнее пространство. Она подчеркнула, что вдохи и выдохи должны быть беззвучными и что это упражнение можно выполнять стоя, сидя или лежа, хотя поначалу лучше всего делать его, сидя на подушке или на стуле.

— А теперь, — сказала она, пододвигая свое кресло поближе к моему, — давай поговорим о том, что мы уже начали обсуждать сегодня утром, о воспоминании.

Я внутренне содрогнулась. Затем я сказала ей, что хотя не имею ни малейшего представления, о чем она собирается мне поведать, и догадываюсь, что это будет нечто монументальное, я не уверена, что готова сейчас это воспринять. Она сказала, что я нервничаю потому, что какая-то часть моего существа, возможно, почувствовала, что ей вот-вот откроется один из самых важных методов самообновления. Она терпеливо объяснила мне, что воспоминание представляет собой действие, направленное на возвращение энергии, которую мы уже израсходовали когда-то в прошлом. Воспоминание подразумевает припоминание всего прожитого. Мы должны воссоздать в воображении все места, в которых когда-то бывали, всех людей, которых когда-либо встречали, и все чувства, которые когда-либо переживали. Так нужно пройтись по всей своей жизни, начиная с настоящего и доходя до самых ранних

воспоминаний и очищая их при этом одно за другим с помощью специального выметающего дыхания.

Я увлеченно слушала ее, но была более чем уверена, что все ее слова ровным счетом ничего не говорят мне. Прежде чем я успела сказать ей что-либо в ответ, она крепко взяла мой подбородок в свои руки и приказала мне вдохнуть через нос, поворачивая при этом мою голову влево, а затем выдохнуть, поворачивая ее вправо. Затем мне следовало повернуть голову слева направо еще раз без дыхания. Она сказала, что такое дыхание — это чудесный способ очищения, который к тому же является залогом успешного вспоминания, потому что вдох позволяет нам возвращать потерянную энергию, а выдох дает возможность исторгать из себя враждебную, ненужную энергию, которая накопилась в нас в течение многих лет общения с другими людьми.

— Для того чтобы жить и действовать, нам нужна энергия, — продолжала Клара. — Как правило, энергия, которую мы израсходовали, уходит от нас навсегда. Поэтому, если бы не вспоминание, мы бы никак не могли вновь обрести потерянное когда-то. Вспоминание наших жизней и выметание нашего прошлого с помощью очищающего дыхания работают совместно.

Припоминать всех, кого я знала, и все, что я когда-либо чувствовала, казалось мне абсурдной и бессмысленной задачей.

— На это может уйти вся оставшаяся жизнь, — сказала я в надежде, что это практическое замечание поможет Кларе более трезво взглянуть на вещи.

— Может уйти, — согласилась она. — Но уверяю тебя, Тайша, что, позанимавшись вспоминанием, ты ничего не потеряешь, но можешь приобрести нечто превосходящее все твои ожидания.

Я сделала несколько глубоких вдохов, покачивая головой из стороны в сторону, стараясь делать это так, как она мне показала. Этим я хотела успокоить ее и дать ей понять, что слушала ее внимательно.

Косо улыбнувшись, она предупредила меня, что вспоминание — это не случайное досужее занятие.

Практикуя вспоминание, старайся ощутить длинные натянутые волокна, которые выходят из солнечного сплетения, — объяснила она. — Затем согласуй движение головы с движениями этих едва заметных волокон. Они являются проводниками, по которым утраченная когда-то энергия вновь возвращается к тебе. Для того, чтобы стать сильной и вернуть себе целостность, ты должна высвободить всю свою энергию, которая была в течение жизни уловлена миром, и вновь вобрать ее в себя.

Она уверяла меня, что во время вспоминания мы распространяем эти длинные энергетические волокна по пространству-времени, соединяясь ими с теми людьми, местами и событиями, с которыми мы имели дело в прошлом. В результате мы оказываемся в состоянии вернуться в каждый прошлый момент своей жизни и действовать в нем так, как если бы мы еще раз реально проживали его.

Эта перспектива заставила меня вздрогнуть. Хотя интеллектуально я была и заинтригована тем, что мне рассказала Клара, у меня не было никакого желания возвращаться в свое отвратительное прошлое, даже если речь шла об обычном путешествии в воображении. Ведь я гордилась даже тем, что смогла как-то выпутаться из той невыносимой обстановки, в которой была вынуждена жить с самого раннего детства. Я вовсе не собиралась снова посещать свое прошлое и воскрешать в памяти все те моменты, которые мне больше всего хотелось забыть. Однако Клара выглядела такой серьезной и сосредоточенной, объясняя мне технику вспоминания, что я решила на некоторое время отложить свои сомнения в сторону и выслушать то, что она мне излагала.

Я спросила ее, имеет ли значение порядок, в котором человек вспоминает свое прошлое.

Она ответила, что важнее всего научиться ярко проживать в воображении события прошлого, припоминая как можно больше подробностей, связанных с ними, и очищая их при этом с помощью выметающего дыхания, которое освобождает уловленную в них энергию.

— Это упражнение относится к буддистской традиции? — спросила я.

— Нет, это не так, — сказала она возвышенно. — Оно относится к другой традиции. Вскоре ты узнаешь, о какой традиции сейчас идет речь.

Вновь я увидела Клару на следующий день за завтраком. Наш разговор во дворе дома за день до этого неожиданно прекратился, когда взгляд у Клары внезапно стал отсутствующим и устремленным вдаль, будто она заметила там кого-то или что-то. Она поспешно встала, извинилась и оставила меня размышлять о важности всего того, что я услышала.

Когда мы утром ели жареное мясо с рисом, я сказала Кларе, что, возвращаясь вчера из пещеры, я убедилась в справедливости ее слов о том, что она расположена совсем недалеко от дома.

— Почему в таком случае мы так долго блуждали вчера по холмам, прежде чем попасть туда? — спросила я.

Клара залилась смехом.

— Я пыталась сделать так, чтобы ты сняла ботинки, поэтому нам пришлось немного погулять, прежде чем мы подошли к ручью, — ответила она.

— Зачем мне нужно было снимать ботинки? Из-за волдыря, который я натерла?

— Нет, не потому, — сказала Клара с особым выражением. — Мне нужно было сделать точечный массаж очень важных мест на твоих подошвах, для того чтобы пробудить тебя из летаргического сна, который длился всю твою жизнь. В противном случае ты бы никогда не стала меня слушать.

— Ты не преувеличиваешь, Клара? Я бы слушала тебя.

Она покачала головой и многозначительно улыбнулась.

— Все мы были воспитаны так, чтобы жить в чем-то типа тюрьмы, где ничто не имеет значения, кроме жалких, мелочных удовольствий, — сказала она. — И женщинам в этой тюрьме приходится особенно трудно. До тех пор, пока мы не занимаемся воспоминанием, мы не можем преодолеть свои детские комплексы. А говоря о воспоминании...

Она заметила мой удрученный вид и засмеялась.

— Что, мне придется снова идти в пещеру? — перебила я ее, предчувствуя, что она собирается сказать мне об этом.

Я бы предпочла остаться с тобой в доме. Если ты попозируешь мне, я сделаю несколько набросков, а затем нарисую твой портрет.

— Спасибо, не надо этого, — сказала она без всякого интереса. — Я собираюсь лишь дать тебе некоторые предварительные указания о том, как лучше заниматься воспоминанием.

Когда мы закончили еду, Клара вручила мне блокнот и карандаш. Я подумала, что она решила принять мое предложение нарисовать ее портрет. Но когда принадлежности для письма оказались у меня в руках, она сказала, что я должна буду начать записывать имена всех людей, которых я когда-либо встречала, начиная с этого дня и уходя в воспоминаниях в самое отдаленное прошлое.

— Это невозможно! — воскликнула я. — Как я реально смогу вспомнить всех, кого видела в своей жизни, начиная с ее первого дня?

Клара отодвинула в сторону тарелки, чтобы освободить место, где я могла бы писать.

— Верно, это нелегко, но тем не менее это возможно, — сказала она. — Это неотъемлемая часть воспоминания. Этот список станет для твоего ума матрицей, за которую он будет держаться при работе с воспоминаниями.

Она объяснила, что начальная стадия воспоминания подразумевает две вещи. Во-первых, нужно пользоваться списком, а во-вторых, стараться как можно ярче визуализировать перед собой все имеющиеся в памяти детали событий по мере того, как они появляются перед

внутренним взором вспоминающего.

— Как только ты восстановила в памяти все элементы, начинай очищающее дыхание. Движения головы в этом случае напоминают веер, который овеивает потоком воздуха всю картину, — сказала она. — Если ты помнишь комнату, например, очищай дыханием стены, потолок, мебель и людей, которых ты в ней видишь. Не прекращай делать этого до тех пор, пока не впитаешь в себя всю энергию, которую ты тогда оставила там, до последней капли.

— А как мне узнать, что энергии больше не осталось? — спросила я.

— Твое тело подскажет тебе, когда можно будет остановиться и перейти к следующему событию, — завершила она меня. — Но не забывай, что ты должна иметь явное намерение вбирать в себя всю ту энергию, которую ты оставила в прошлом, и выдыхать всю враждебную энергию, которую другие навязали тебе тогда.

Я была настолько ошеломлена необходимостью сделать список всех, кого я знала, и начинать заниматься воспоминанием, что вообще не могла ни о чем думать. Отрицательная произвольная реакция моего ума проявилась в том, что все мысли и чувства полностью покинули его. Затем меня затопил целый поток воспоминаний, и я не знала, откуда начать. Клара объяснила, что мы должны начинать воспоминание, сосредоточивая внимание прежде всего на наших прошлых сексуальных переживаниях.

— Почему мы должны начинать именно с этих воспоминаний? — спросила я с подозрением.

— Потому что в них заключено больше всего нашей энергии, — объяснила Клара. — Вот почему мы должны освободить ее в первую очередь!

— Я не думаю, что мои любовные встречи были такими уж значительными.

— Неважно, что ты о них думаешь. Ты могла смотреть в потолок, умирать от скуки или видеть падающие звезды и далекие огни — но кто-то оставил тогда в тебе свою энергию и уволок с собой уйму твоей.

Выслушав ее слова, я окончательно упала духом. Воскрешать в памяти свои сексуальные переживания казалось мне невыносимым.

— Не такое уж это приятное дело, — сказала я, переживать снова все эти события. Более того, я не хочу копаться во всем, что связано с мужчинами.

Клара взглянула на меня, высоко подняв брови.

— К тому же ты, наверное, ожидаешь, что я все это буду тебе рассказывать, — продолжала я. — Но на самом деле, Клара, мне кажется, что все то, что я делала с мужчинами, никого не должно касаться.

Мне казалось, что я выразилась довольно однозначно. Однако Клара решительно покачала головой, не соглашаясь со мной, и сказала:

— Ты хочешь, чтобы все мужчины, с которыми ты встречалась, продолжали питаться твоей энергией? Ты хочешь, чтобы они становились все сильнее по мере того, как ты становишься слабее? Ты хочешь оставаться для них источником энергии до конца своих дней?! Не хочешь? Мне кажется, ты не вполне представляешь себе важность полового акта и всего того, чем занимается человек при воспоминании.

— Ты права, Клара. Я не вполне понимаю, зачем нужны все те странные действия, которые ты просишь меня делать. И как может быть так, что мужчины становятся сильнее за счет моей энергии? Я никого не питаю и не снабжаю. Это я тебе говорю серьезно.

Она улыбнулась и сказала, что допустила ошибку, навязывая мне свои идеи.

— Выслушай то, что я тебе расскажу, — попросила она. — В своей жизни я убедилась в правильности того, о чем говорю. По мере того, как ты будешь преуспевать во воспоминании, ты узнаешь, как пришли ко мне мои убеждения. На сейчас достаточно лишь отметить, что все то, а

чем я тебе говорю, составляет неотъемлемую часть искусства, которому я собираюсь тебя обучать.

— Если это так важно, как ты утверждаешь, Клара, тогда, наверное, будет лучше, если ты мне расскажешь обо всем этом сейчас, — сказала я. — Прежде чем я начну заниматься воспоминанием, я хочу знать, что это за собой повлечет.

— Хорошо, если ты настаиваешь, — кивнула она мне.

Она налила в наши чашки ромашковый чай и добавила в свою ложечку меда.

Не допускающим возражений голосом учителя, просветляющего неопита, она объяснила, что в действительности женщины вносят больший энергетический вклад в поддержку человечества, чем мужчины, и для того, чтобы они могли выполнять эту функцию, по всему миру их воспитывают в духе повиновения мужчинам.

И при этом неважно, покупают ли их на невольничьем рынке или окружают любовью и делают предметом почитания, — подчеркнула она. — Основной смысл их существования и судьба при этом одни и те же: питать и защищать мужчин, служить им.

Клара посмотрела на меня, как мне показалось, для того, чтобы убедиться, что я слушаю ее внимательно. Я слушала, но моя глубинная реакция была отрицательной мне казалось, что ее позиция неправильна.

— Иногда это может действительно быть так, — сказала я. — Но не думаю, что ты вправе делать столь огульные обобщения и распространять это на всех женщин.

Клара решительно не соглашалась со мной.

— Жестокая правда состоит в том, что подчиненное положение женщин является не просто социальной условностью, — сказала она, — а фундаментальной биологической закономерностью.

— Погоди, Клара, — запротестовала я. — Как ты пришла к этому?

Она объяснила, что биологические закономерности обеспечивают каждому виду живых существ максимум шансов для выживания. И с этой целью природа породила средства, которые дают возможность мужским и женским энергиям вступать во взаимодействие самым эффективным образом. Она сказала, что, хотя в мире людей принято считать, что половой акт нужен прежде всего для целей продолжения рода, у него есть и другая, неявная функция, которая состоит в том, что он поддерживает непрерывный поток энергии от женщин к мужчинам.

Клара произнесла слова «к мужчинам» с таким акцентом, что я была вынуждена спросить:

— Почему ты говоришь о человечестве, как об улице с односторонним движением? Разве половой акт не является равным обменом энергиями между женщиной и женщиной?

— Нет, — подчеркнуто ответила она. — Мужчины оставляют в телах женщин особые энергетические волокна. Они подобны светящимся червям, которые живут в матке и поглощают энергию.

— Это звучит как-то зловеще, — сказала я, посмеиваясь над ней.

Но она продолжала говорить совершенно серьезно.

— Эти энергетические волокна обладают одним еще более зловещим качеством, — сказала она, не обращая внимания на мой нервный смешок, — которое состоит в том, что они обеспечивают постоянный отток энергии к мужчине, который их посеял. Эти волокна, которыми женщина заражается во время полового акта, вбирают в себя и похищают энергию ее тела, которая уходит к тем мужчинам, что оставили их.

Клара была так непреклонна в том, что говорила, что я уже не могла шутить и должна была задуматься об этом всерьез. По мере того, как я слушала ее дальше, моя нервная улыбка стала превращаться в гримасу.

— Я не могу согласиться ни с одним твоим словом, Клара, — сказала я.

— Но мне очень интересно узнать, где ты вообще приобрела подобное нелепое представление? Тебе кто-то об этом рассказал?

— Да, мой учитель рассказал мне об этом. Вначале я тоже ему не верила, — заметила она. — Но он обучил меня также искусству быть свободной, а это означает, что я научилась видеть энергию. Теперь я знаю, что он был прав, когда говорил об этом, потому что сама могу видеть червеподобные нити в телах женщин. У тебя, например, тоже есть несколько таких нитей, и все они по-прежнему действуют.

— Ну хорошо, Клара, предположим, что это так, сказала я смущенно. — Но скажи мне на милость, почему это так? Разве этот односторонний отток энергии не является несправедливым по отношению к женщинам?

— Весь мир несправедлив по отношению к женщинам! — воскликнула она. — Но сейчас речь идет не об этом.

— А о чем же? Клара, я хочу это знать.

— Природа стремится к тому, чтобы наш вид воспроизводился, — объяснила она. — Для того, чтобы это происходило, женщины должны нести на себе избыточное бремя энергетических потерь, а это подразумевает постоянный отток энергии к мужчинам.

— Но ты все еще не объяснила, почему должно быть так, — сказала я, уже начиная уступать ее убежденности.

— Женщинам отведена основная роль в воспроизведении человека как вида, — ответила Клара. — Они отдают массу энергии не только для того, чтобы рожать, питать и воспитывать детей, но и для того, чтобы привлекать мужчин к участию во всем этом процессе.

Клара объяснила, что в идеале этот процесс дает возможность женщине, которая энергетически питает мужчину, оставившего в ее теле свои энергетические волокна, сделать его таинственным образом зависимым от себя на уровне тонких сущностей. Это подтверждается тем, что мужчина делает все от него зависящее для того, чтобы возвратиться к этой женщине снова и снова для энергетической подпитки. Таким образом, говорила Клара, природа достигает того, что мужчина не просто чувствует иногда мимолетное желание получить удовольствие от физической близости с женщиной, но и получает основание для установления с ней более устойчивых отношений.

Энергетические волокна, оставленные в матке женщины, в случае зачатия частично сливаются с энергетической оболочкой плода, — продолжала дальше Клара. — Их можно назвать рудиментарной формой семейных уз, потому что отцовская энергия сливается с энергией эмбриона, и это даст возможность отцу впоследствии чувствовать, что это ее ребенок. Но эти простые факты матери никогда не рассказывают своим дочерям. Девушек воспитывают так, чтобы их легко было соблазнить, не давая им ни малейшего представления о последствиях полового акта в смысле связанного с ним будущего оттока энергии. Вот что мне кажется несправедливым прежде всего.

По мере того, как я слушала Клару, я пришла к выводу, что кое-что из того, о чем она рассказывала, соответствовало моим телесным ощущениям на глубинном уровне. Она просила меня не просто соглашаться или не соглашаться, но хорошенько обдумывать все, о чем она говорила, и оценивать это с позиции разума смело и непредвзято.

— Нехорошо даже, если хотя бы один мужчина оставит энергетические волокна в теле женщины, — продолжала Клара, — хотя это и может быть необходимо для того, чтобы у них были потомки, которые смогут жить после них. Но иметь в себе энергетические волокна десяти или двадцати мужчин означает для женщины настолько истощить свою энергетическую оболочку, что жить ей становится крайне трудно. Не удивительно, что женщинам так трудно

бывает постоять за себя.

— Может ли женщина избавиться от этих волокон? — спросила я, все больше убеждаясь в том, что в словах Клары есть определенная доля истины.

— Женщина носит в себе эти нити в течение семи лет, — сказала Клара, — после чего они исчезают или увядают. Но неприятнее всего то, что когда эти семь лет оказываются на исходе, вся армия червей, начиная с тех, которые оставил первый мужчина, и кончая принадлежащими последнему, внезапно оживляется и вынуждает женщину снова вступить в половой акт. После него все черви опять усиливаются за счет новой потери женщиной священной энергии и существуют в таком состоянии еще семь лет. Фактически, это бесконечный цикл.

А если женщина воздерживается от встреч с мужчиной? — спросила я. — Что, «черви» тогда просто умирают?

— Да, но только в том случае, если она не занимается любовью в течение семи лет. Однако в наши дни, в наш век женщина не может так долго воздерживаться, если она не станет монахиней или не имеет достаточно средств для жизни. И даже в этом случае сделать это ей будет нелегко.

— Почему это так, Клара?

— Дело в том, что участие женщины в половом акте это не просто биологическая необходимость, но и социальное требование.

Клара привела в качестве примера очень волнующий и скорбный факт. Она сказала, что, поскольку мы не можем видеть потоки энергии, мы зачастую без всякой нужды подвергаем себя опасным эмоциональным влияниям и следуем линиям поведения, которые могут повлечь за собой энергетическое истощение. Так, например, общество совершенно напрасно требует от женщин, чтобы они выходили замуж или по крайней мере предлагали себя мужчинам. С этим связан совершенно неоправданный предрассудок, свойственный большинству женщин, вследствие которого они чувствуют свою жизнь несостоявшейся, если они не приняли в себя мужское семя. Верно, что энергетические волокна мужчины придают их жизням смысл, дают им возможность выполнить свою биологическую функцию: питать мужчин и произвести на свет потомство. Но человеческое существо достаточно разумно, чтобы требовать от себя чего-то большего, чем обычное продолжение рода. Она сказала, что саморазвитие, в частности, представляет собой такую же, как и деторождение, если не более достойную человека цель жизни, и что эта ориентация подразумевает открытие перед женщинами их истинной роли в жизни человечества.

Затем она заговорила обо мне лично и сказала, что я была воспитана, как и каждая другая девушка, своей матерью, которая считала, что главное в моей жизни — удачно выйти замуж и не носить на себе клеймо старой девы. И действительно, я была воспитана как животное для того, чтобы вступить в сексуальные отношения, как бы моя мать ни называла их.

— Как и всех женщин, тебя обманом и силой заставили подчиниться этому требованию, — сказала Клара. — И самое неприятное здесь то, что ты оказалась пойманной в ловушку общественных стереотипов, хотя и не собираешься вступать в брак и рожать детей.

Ее утверждение было таким смущающим, что я опять нервно захихикала.

Но Клара это ничуть не обескуражило.

— Возможно, все это на самом деле так, Клара, — сказала я, стараясь не обидеть ее. — Но как мне может помочь то, что я буду вспоминать все, что со мной было? Разве оно не утекло, как вода под мостом?

— Я могу сказать лишь, что для того, чтобы проснуться, тебе нужно разорвать порочный круг, — ответила она, испытующе глядя на меня своими зелеными глазами.

Я повторила, что не верю в ее теории о мрачных биологических необходимостях и

вампиристве мужчин, которые высасывают из женщин энергию, и заметила, что мне никак в данном случае не поможет простое сидение в пещере и припоминание всего, что со мной произошло.

— Есть такие вещи, о которых я вообще никогда не хочу больше думать, — решительно провозгласила я и ударила кулаком по столу. Я встала из-за стола с твердым намерением сказать ей, что не желаю больше слышать ничего о воспоминании, списке всех, кого я встречала, или биологических необходимостях, и готова уехать.

— Давай заключим сделку, — сказала Клара с видом продавца, который решил провести своего покупателя. Ты — честный человек и уважаешь порядочность. Поэтому я предлагаю тебе заключить со мной один договор.

— Какой такой договор? — спросила я со все возрастающим беспокойством.

Она оторвала листок от блокнота и подала его мне.

— Я хочу, чтобы ты написала расписку, что согласна позаниматься воспоминанием один лишь месяц. Если по истечении месяца ты не заметишь, что у тебя прибавилось энергии или улучшилось самочувствие и мнение о жизни вообще, можешь свободно ехать домой, где бы ни находился твой дом. Если действительно так и случится, будешь потом рассказывать об этом как о странной просьбе ненормальной женщины.

Я снова села, чтобы успокоиться. После нескольких глотков чая мне в голову пришла мысль, что я должна пойти на это уже из одного уважения к Кларе, которая проявила ко мне столько внимания. Кроме того, было ясно, что мне не удастся так легко сорваться с ее крючка. Да и к тому же мне не составит труда просмотреть все то, что имеется в моей памяти. В конце концов, кто будет знать, чем я занимаюсь в пещерке, — визуализацией и дыханием, или просто мечтаю и дремлю.

— Только на один месяц, — сказала она с подкупающей искренностью. — Ты ведь не продаешься в рабство на всю жизнь. Поверь мне, я действительно пытаюсь помочь тебе. — испытующе глядя на меня своими зелеными глазами.

— Я знаю, — ответила я. — Но зачем ты принимаешь на себя всю эту заботу обо мне? И почему ты выбрала именно меня, Клара?

— Есть одна причина, но она так нетривиальна, что я не могу сейчас ее тебе назвать. — ответила она. Единственное, что я теперь могу сказать тебе, — это то, что, помогая тебе, я преследую достойную цель: возвращаю долг. Уплата долга является для тебя приемлемой причиной?

Клара взглянула на меня с такой надеждой в глазах, что я взяла карандаш и написала расписку, преднамеренно выбирая слова так, чтобы потом не могло возникнуть никаких недоразумений по поводу того, что речь идет именно об одном месяце. Она уговорила меня не включать в этот месяц время, которое мне понадобится для того, чтобы составить список имен всех тех людей, которых я встречала в своей жизни. Я согласилась и сделала в конце соответствующую приписку. А затем, вопреки собственному здравому смыслу, я поставила на листке свою подпись.

На то, чтобы составить список, ушли недели напряженного умственного труда. Я презирала себя за то, что позволила Кларе уговорить себя не включать это время в один месяц, отведенный для моего пребывания у нее по договору. Все эти долгие дни я работала в одиночестве и тишине. Я встречалась с Кларой только за завтраком и за обедом на кухне, но каждый раз мы обменивались лишь несколькими словами. Она категорически отказывалась начинать со мной серьезный разговор, утверждая, что мы поговорим после того, как я закончу составление списка. Когда я справилась с этим, она сразу же отложила в сторону свое шитье и направилась вместе со мной в пещеру. Было как раз четыре часа дня, а раннее утро и конец второй половины дня, как сказала Клара, являются лучшим временем для начала масштабных работ.

У входа в пещеру она дала мне несколько указаний.

— Остановись на первом человеке, значащемся в твоем списке, и припомни все, что связано с ним, — сказала Клара, — начиная с того дня, когда вы встретились, и кончая днем, когда ты его видела в последний раз. Или, если хочешь, можешь работать в обратном направлении — от момента вашей последней встречи до дня вашего знакомства.

Вооружившись списком, я приходила в пещеру каждый день. Вначале воспоминание было нелегкой работой. Я не могла сосредоточить внимание, потому что боялась ворошить прошлое. Мой ум странствовал от одного, по моему мнению, болезненного воспоминания к другому, или же я просто отдыхала, предаваясь грезам. Но по прошествии некоторого времени меня начала впечатлять ясность и подробность моих воспоминаний. Я даже стала более объективно относиться к тем из них, которые всегда были для меня табу.

К моему удивлению, я действительно начала чувствовать себя более сильной и исполненной оптимизма. Иногда во время вдоха я ощущала, как энергия струится обратно в мое тело, согревая и наполняя силой мышцы. Я так увлеклась процессом воспоминания, что мне понадобилось меньше месяца для того, чтобы убедиться в его важности. После двух недель занятий воспоминанием во время обеда я попросила Клару, чтобы она нашла когонибудь, кто бы забрал мои вещи из квартиры, где я раньше жила, и положил их на хранение. Клара предлагала мне сделать это уже несколько раз, но каждый раз я отказывалась, потому что была все еще не готова к тому, чтобы отважиться на это. Теперь Клару очень обрадовала моя просьба.

— Я попрошу одну из своих племянниц сделать это, предложила она. — Она обо всем позаботится. Я не хочу отвлекать тебя от работы этими заботами.

— Раз уж мы заговорили об этом, Клара, — сказала я, — я хочу выяснить один вопрос, который очень меня беспокоит.

Клара ждала, пока я продолжу говорить. Я сказала, что мне кажется очень странным то, что еда всегда ждет нас готовая, хотя я никогда не видела, как она занимается ее приготовлением.

— Так происходит потому, что тебя не бывает в доме в течение дня, — серьезно сказала Клара. — И к тому же ты рано ложишься спать.

Я действительно большую часть времени проводила в пещере. Когда я возвращалась в дом, я направлялась на кухню, а потом шла в свою комнату и не выходила из нее, потому что размер дома пугал меня. Дом был огромным. И при этом не выглядел неухоженным, а был заполнен до отказа мебелью, книгами и различными украшениями, сделанными из керамики, серебра и эмали. В каждой комнате был порядок и совсем отсутствовала пыль, словно каждый день в ней работала горничная. И в то же время дом казался пустым, потому что в нем никого не было. Дважды Клара на некоторое время таинственно исчезала, отказываясь обсуждать свое отсутствие. Тогда в доме оставались только мы с Манфредом. В эти дни мы с ним отправлялись

на прогулки по окрестным холмам. Я разглядела дом и двор с одного места на холме, которое, как я думала, я обнаружила сама. Тогда я не хотела признаться себе в том, что к нему меня привел Манфред.

Глядя с этого личного наблюдательного пункта на дом, я часами пыталась рассмотреть, как он ориентирован. Клара сказала мне раньше, что он расположен в соответствии с четырьмя сторонами света. Но когда я сверяла то, что я видела, с показаниями компаса, у меня создавалось впечатление, что дом стоит немного не так, как следовало ожидать. Еще хуже обстояло дело с двором дома, потому что мне никак не удавалось точно определить его местоположение. Со своего наблюдательного пункта я видела, что он намного больше, чем мне казалось, когда я находилась возле дома. Клара запретила мне ступить на территорию перед домом — с востока от него — и подходить к нему с юга. Но я вычислила, прогуливаясь вокруг него, что восточная и южная части по размеру соответствуют западной и северной, к которым я имела доступ. Однако, когда я разглядывала дом с расстояния, они не казались мне одинаковыми вообще, и я терялась в догадках, пытаюсь это объяснить.

Затем я отказалась от попыток определить положение дома и двора и заняла свое внимание другой загадочной проблемой: родственниками Клары. Хотя она постоянно косвенно упоминала о них, ни одного из них я еще в глаза не видела.

— Когда твои родственники вернутся из Индии? — спросила я Клару без обиняков.

— Скоро, — ответила она.

Она взяла свою тарелку с рисом так, как это делают китайцы. Я никогда не видела, чтобы она пользовалась палочками для еды, и была удивлена, с каким невероятным изяществом она умеет с ними обращаться.

— А почему тебя так волнуют мои родственники? — спросила она.

— Сама не знаю почему, Клара, но, по правде говоря, меня снедает любопытство, — ответила я. — Иногда в этом доме мне приходят в голову беспокойные чувства и мысли.

— Ты хочешь сказать, что дом тебе не нравится?

— Нет, что ты, я люблю его. Он такой большой и загадочный.

— Какие же мысли и чувства в таком случае беспокоят тебя? — поинтересовалась она, ставя на стол свою тарелку.

— Иногда мне кажется, что в холле я вижу людей или слышу их голоса. И к тому же у меня постоянно присутствует ощущение, что за мной кто-то наблюдает, но когда я оборачиваюсь, я никого не замечаю.

— В этом доме действительно есть то, чего глазами не увидишь, — согласилась Клара, — но это не должно возбуждать в тебе страх или беспокойство. Вся эта местность, а не только дом, его двор и окружающие холмы окружены магией. Именно поэтому мы поселились здесь. Это также и причина того, почему ты сама решила здесь жить, хотя, возможно, у тебя нет ни малейшего представления о том, что это случилось именно поэтому. Но так все и должно быть. Ты приносишь в этот дом свое неведение, а дом со всем намерением, которое в нем заключено, превращает его в мудрость.

— Все это звучит очень красиво. Клара, но что в точности это значит?

— Я всегда говорю с тобой в надежде, что ты меня поймешь, — сказала Клара с ноткой разочарования в голосе. — Каждый из моих родственников, которых, уверяю тебя, ты рано или поздно встретишь, будет говорить с тобой подобным языком. Поэтому не думай, что мы говорим бессмыслицу, если ты сейчас не понимаешь нас.

— Поверь мне, Клара, я не думаю так вообще никогда, и я очень благодарна тебе за то, что ты пытаешься мне помочь.

— Помогает тебе воспоминание, а не я, — поправила меня Клара. — Замечала ли ты в доме

какие-нибудь странные вещи кроме тех, о которых ты мне только что рассказала?

Я сказала ей о несогласовании моих визуальных наблюдений дома с холма и со двора.

Она смеялась так долго, что даже начала кашлять.

— Мне придется учесть в своем поведении этот шаг в твоем развитии, — сказала Клара, когда к ней вновь вернулся дар речи.

— Ты можешь объяснить мне, почему двор мне кажется таким несимметричным, и почему показания компаса отличаются, когда я нахожусь возле дома и когда я поднимаюсь на холм? — спросила я.

Конечно же, могу, но ты все равно ничего не поймешь. Более того, это даже может тебя испугать.

— Связано ли это с компасом или со мной, Клара? Я схожу с ума, или как это понимать?

— Ясное дело, что это связано с тобой, с тем, кто проводит измерения. Но с ума ты не сходишь, влияет нечто другое.

— Что это такое? Скажи мне Клара. От всей этой загадочности у меня мурашки по коже бегут. Я чувствую себя так, будто попала в фантастический фильм, где действуют другие законы, и в любой момент может произойти все что угодно. Но мне не нравится это положение!

Клара всем своим видом давала понять, что не желает мне больше ничего открывать. Вместо объяснений она спросила:

— А разве тебе не нравятся неожиданности?

Я сказала ей, что выросла в обществе старших братьев, которые издевались надо мной, и поэтому стала раздражительной и болезненно реагирую на все, что они любили. Они смотрели по телевизору Сумеречная зона и приходили в восторг от этого фильма. Но мне всегда казалось, что это надуманное и неинтересное представление.

— Послушай, что я скажу тебе об этом, — согласилась продолжить разговор Клара. — Прежде всего, следует помнить, что это не дом из научнофантастического фильма. Лучше будет сказать, что этот дом наделен необычным намерением. Я не могу тебе объяснить, в чем различие в этих двух случаях, потому что я все еще не могу дать тебе представление, что значит намерение.

Пожалуйста, не говори загадками, Клара, взмолилась я. — Это не только пугает меня, но и просто раздражает.

— Для того, чтобы ты смогла понять эти нетривиальные вещи, я должна выразиться окольным путем, — сказала Клара. — Поэтому давай я сначала расскажу тебе о человеке, который непосредственно ответственен за мое появление в этом доме и косвенно — за мое знакомство с тобой. Его имя Жулиан, и он является самым удивительным человеком, которого ты когда-либо можешь узнать. Он встретил меня однажды, когда я заблудилась в горах Аризоны, и привел сюда, в этот дом.

— Погоди, Клара, я помню, как ты сказала, что этот дом принадлежал твоей семье на протяжении многих поколений, — вставила я.

— На протяжении пяти поколений, если быть точной, — ответила она.

— Как ты можешь так спокойно высказывать сейчас два противоречащих друг другу суждения?

— Я не противоречу себе. Это ты интерпретируешь все неправильно, не представляя себе, о чем идет речь. Истина в том, что этот дом принадлежал моей семье в течение поколений. Но моя семья — это не обычная семья. Это семья в том же смысле, в каком этот дом является домом, а Манфред — собакой. Но ты уже знаешь, что Манфред — не простая собака, а дом — не обычный реальный дом, как все другие дома, в которых ты когда-либо была.

Понимаешь, о чем я говорю?

Я не была расположена к тому, чтобы разгадывать загадки Клары. Некоторое время я сидела спокойно, в надежде, что она изменит тему разговора. Затем я почувствовала, что напрасно раздражаюсь и таю в душе неприязнь.

— Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, — ответила я наконец.

— Для того, чтобы ты поняла это, ты должна измениться, — сказала Клара терпеливо. — А это как раз и есть то, для чего ты здесь живешь: чтобы измениться. Изменение в данном случае означает, что ты будешь способна совершать абстрактный полет, и тогда все станет для тебя очевидным.

В ответ на мои настоятельные просьбы она объяснила, что этот невообразимый полет символизируется переходом осознания из правой части головы в левую, однако в действительности он подразумевает возможность воспринимать нашу тонкую сущность дубля в обычном мире бодрствующего сознания.

— Я уже говорила тебе, что разделение человека на тело и ум не соответствует действительности, — продолжала она. — Подлинное различие существует лишь между физическим телом, в котором обитает ум, и тонким телом или дублем, — которое содержит нашу энергию. Абстрактный полет начинается тогда, когда мы достигаем способности участвовать в обычной жизни, не теряя связи с дублем. Другими словами, в тот момент, когда наше физическое тело полностью осознает присутствие своей энергетической оболочки, мы переходим на абстрактный уровень, где наше сознание работает совсем не так, как обычно.

Если речь идет о том, что я сначала должна измениться, я глубоко сомневаюсь в том, что я когда-либо смогу совершить этот переход, — сказала я. — Мои стереотипы так глубоко укоренились, что, мне кажется, жизни будет мало для того, чтобы мой характер существенно улучшился.

Клара налила в свою чашку немного воды. Она поставила керамический кувшин и посмотрела на меня в упор.

— Существует способ изменить себя, — сказала она. И сейчас ты уже с головой окунулась в него. Он называется вспоминание.

Она завершила меня в том, что глубинное и полное вспоминание дает нам возможность осознать все то, что мы желаем в себе изменить, потому что оно делает нас способными видеть жизнь такой, какова она есть. Опыт вспоминания дает возможность человеку в течение мгновения перед каждым действием принять решение вести себя так, как он привык, или с помощью намерения изменить свое поведение, прежде чем оно полностью завладеет им.

Как человек может изменить свое поведение с помощью намерения? — спросила я. — Что, ты просто произносишь слова: «Изыди, Сатана!»?

Клара засмеялась и отпила воды из чашки.

— Для того, чтобы изменение стало возможным, мы должны удовлетворять трем условиям, — сказала она. Во-первых, мы должны выразить вслух свое решение что-то изменить с тем, чтобы намерение услышало нас. Во-вторых, ясно осознавать происходящее в течение некоторого времени; иначе, если мы начнем что-то и тут же бросим это, разочаровавшись, — мы ничего не добьемся. И в-третьих, мы должны относиться к результату своих действий с чувством полного беспристрастия. Это означает, что мы не должны предаваться размышлениям об успехе или неудаче. Следуя этим трем правилам, ты сможешь заменить любые нежелательные проявления своего характера, — завершила меня Клара.

— Я даже не знаю, что мне и думать, — сказала я скептически. — В твоём изложении все звучит так просто.

Дело было не в том, что я не хотела верить ей, а в том, что я всегда была очень практичной. А с практической точки зрения изменение собственного характера представляется сложнейшей

задачей, какие бы программы из трех правил она не предлагала.

Мы закончили еду в молчании. Единственным звуком на кухне был мерный звук капающей из известнякового фильтра воды. Он навел меня на мысль о том, что так же постепенно протекает процесс очищения в ходе вспоминания. Внезапно я пережила прилив оптимизма. Наверняка действительно можно изменить себя, капля за каплей, мысль за мыслью, очиститься, подобно воде, просачивающейся через этот фильтр.

Сверху тусклые лампы отбрасывали на белую скатерть замысловатые тени. Клара отложила палочки для еды и принялась делать над столом разные фигурки из пальцев так, чтобы на скатерти возникли картинки из теней. Я ожидала, что в любой момент из-под ее рук выскочит кролик или выползет черепашка.

— Что ты делаешь? — спросила я, нарушая тишину.

— Это своеобразная форма общения, — объяснила она, — но не с людьми, а с силой, которую мы называем намерением.

Она вытянула мизинец и указательный палец вперед, а затем сделала так, что большой и два остальных пальца образовали круг. Она сказала мне, что такое положение пальцев помогает привлечь к себе внимание этой силы и дает ей возможность входить в тело по энергетическим линиям, которые начинаются и заканчиваются в кончиках пальцев.

Энергия входит через указательный палец и мизинец так, словно это антенны, при условии, что они вытянуты вперед, — объяснила она, показывая мне этот жест снова. — Затем энергия улавливается кольцом из трех остальных пальцев и накапливается в нем.

Она сказала, что используя это положение пальцев, мы можем накапливать в теле необходимое количество энергии для его укрепления и исцеления, а также для того, чтобы изменять свои привычки и настроение.

— Давай перейдем в гостиную, там нам будет удобнее, — сказала Клара.

— Не знаю, как ты, но я уже отдала себе задницу, сидя на этой скамье.

Клара встала и мы прошли по темному двору через черный ход и холл большого дома в гостиную. К моему удивлению, керосиновая лампа здесь уже горела, и Манфред спал, свернувшись калачиком возле кресла. Клара удобно устроилась в этом кресле, которое, как я заметила, было ее любимым. Она взяла в руки вышивку, которой в это время занималась, и добавила к ней несколько стежков, внимательно прокалывая иглой ткань и вытягивая ее неспешным плавным движением руки. Глаза ее были неподвижно устремлены на то, что она делала.

Мне было очень непривычно видеть, как эта сильная женщина вышивает, и я с любопытством заглянула, чтобы увидеть узор на ткани. Клара заметила мой интерес и подняла свое рукоделие вверх, чтобы я могла его разглядеть. Это была наволочка для подушки, на которой она вышивала бабочек и красочные цветы. На мой вкус, узор был слишком ярким.

Клара улыбнулась, словно почувствовала мое критическое мнение о своей работе.

— Ты, возможно, скажешь, что то, что я вышиваю, это всего лишь красивая вещица, и что я просто теряю время, — сказала она, делая очередной стежок, — но это меня ничуть не смутит. Такое отношение к замечаниям можно назвать «знанием собственного достоинства»? — Она задала себе риторический вопрос и сама же ответила на него. — И каково же, ты думаешь, мое достоинство? — Абсолютный ноль.

Я сказала, что, по моему мнению, она является очень хорошим и интересным человеком. Как она может говорить, что ее достоинство равно нулю?

— Все здесь очень просто, — объяснила Клара. — До тех пор, пока положительные и отрицательные силы уравниваются друг друга, их сумма равна нулю, что я и сказала о своем достоинстве. Это также означает, что я ни при каких условиях не могу смутиться, если кто-то

меня критикует, или возгордиться, если кто-то меня превозносит.

Клара подняла иголку и, несмотря на тусклый свет, быстро втянула в нее новую нитку.

— Древние китайские мудрецы утверждали, что для того, чтобы узнать свое подлинное достоинство, человек должен проскользнуть через глаз дракона, — сказала она, соединяя оба конца нитки вместе.

Она рассказала, что эти мудрецы были убеждены, что безграничная неизведанность охраняется исполинским драконом, чешуя которого сияет ослепительным светом. Они верили, что отважные искатели, которые осмеливаются приблизиться к дракону, приходят в ужас от этого слепящего сияния, от силы, заключенной в его хвосте, одно движение которого сокрушает все на его пути, и от испепеляющего дыхания дракона, обращающего в пепел то, что оказывается поблизости. Но они верили также в то, что существует возможность проскользнуть мимо этого дракона. Клара сказала, что они были убеждены в том, что, сливая свое намерение с намерением дракона, человек становится невидимым и проходит сквозь глаз монстра.

— Что это значит, Клара? — спросила я.

— Это значит, что с помощью вспоминания мы становимся пустыми, свободными от мыслей и желаний, что для этих древних провидцев было отождествлением с намерением дракона и достижением невидимости.

Я взяла в руки другую вышитую подушку — тоже образец Кларинаго рукоделия — и положила ее себе под спину. Несколько раз я глубоко вдохнула для того, чтобы прояснить свой ум, мне хотелось понять то, что она мне сказала. Но использование ею китайской аллегории еще больше запутало меня. Однако во всем, что она говорила, слышалась такая убежденность, что я чувствовала, что совершу ошибку, если хотя бы не попытаюсь ее понять.

Наблюдая за тем, как Клара вышивает, я неожиданно вспомнила о своей матери. Возможно, именно это воспоминание вызвало во мне великую грусть, тоску, которую невозможно описать словами. Или, быть может, на меня так подействовали слова Клары, или пребывание в ее безлюдном таинственном доме, или то, что я сидела в этой комнате, где горела, внушая суеверный страх, керосиновая лампа. Слезы потекли по моим щекам, и я начала рыдать.

Клара вскочила с кресла и встала рядом со мной. Затем она принялась шептать мне на ухо так громко, что это звучало для меня как крик.

— Как ты осмеливаешься скорбеть о себе в этом доме! Если ты будешь это делать, он отторгнет тебя. Он просто выплюнет тебя так, как ты выплевываешь оливковую косточку.

Ее увещание сразу же подействовало на меня. Моя грусть тут же исчезла. Я отерла слезы, а Клара продолжала говорить так, словно ничего вообще не произошло.

— Искусство быть пустым — это тот метод, которым пользовались китайские мудрецы для того, чтобы пройти через глаз дракона, — сказала она, снова усаживаясь на свое место. — Сегодня мы называем это искусством быть свободным. Мы чувствуем, что в действительности это лучшее название, потому что это искусство выводит нас в сферу абстрактного, где отсутствует само понятие о человеческом.

— Ты хочешь сказать, что в этой сфере все бесчеловечно, Клара?

Клара положила вышивку себе на колени и внимательно взглянула на меня.

— Я хочу сказать, что почти все, что мы слышали об этой сфере от мудрецов и тех, кто ее искал, наводит на мысль о том, что кое-что в ней имеет отношение к человеку. Однако мы — те, кто практикует искусство быть свободным, — убедились на собственном опыте, что такое описание не может быть удовлетворительным. Мы обнаружили, что все человеческое в этой сфере — если оно вообще существует там — настолько незначительно по сравнению с бесконечностью других возможностей, что его вполне можно не принимать во внимание.

— погоди минутку, Клара. А как насчет той группы легендарных личностей, которых в

Китае почитают достигшими бессмертия? Разве они не стали свободными в том смысле, о котором ты говоришь?

Они не достигли свободы в нашем смысле, ответила Клара. — Ведь для нас свобода подразумевает также и освобождение от человеческого. А те китайцы, которые якобы стали бессмертными, оказались пойманными в свои собственные мифы о бессмертии, о мудрости, о том, что им удалось достичь освобождения, и теперь они пришли на землю, чтобы помочь на этом пути другим. Среди них были ученые, музыканты и люди, наделенные сверхъестественными способностями, они были подчеркнуто добродетельными и капризными, во многом напоминая древнегреческих божеств. Ведь даже нирвана представляет собой состояние человека, и при этом блаженство связано со свободой от тела.

Кларе удалось нагнать на меня чувство беспросветного одиночества. Я сказала ей, что меня всегда обвиняли в том, что мне недостает теплоты в общении и желания понимать других. Фактически каждый раз случалось так, что мне всегда говорили, что я — самая неприветливая из всех людей, которых мой собеседник когда-либо встречал. И вот сейчас Клара утверждала, что свобода состоит в том, чтобы быть равнодушной к людям. В то же время мне всегда казалось, что я теряю что-то очень существенное, когда отношусь к другим без сострадания.

Я была на грани того, чтобы снова заплакать, но Клара еще раз пришла на помощь.

— Свобода от человеческого не подразумевает, что человек становится бессердечным и равнодушным ко всему идиотом, — сказала она.

— В таком случае свобода, которую ты описываешь, остается полностью непонятной для меня, — настаивала я. — И я не уверена, что захочу ее когда-нибудь.

— А я уверена в том, что она меня вполне удовлетворяет, — провозгласила она. — И хотя мой ум тоже не может понять ее, поверь мне, она действительно существует! Более того, поверь мне, что наступит день, когда ты будешь рассказывать о ней кому-то другому точно так, как я рассказываю тебе о ней сейчас. Возможно, ты тогда будешь пользоваться теми же самыми словами.

И она подмигнула мне так, будто у нее не было сомнений в том, что так оно когда-то и случится.

— По мере того, как ты будешь продолжать свои занятия, воспоминание, та сфера, в которой человеческое не имеет значения, начнет приоткрываться перед тобой, продолжала Клара. — Это послужит тебе приглашением пройти через глаз дракона. Именно это мы называем абстрактным полетом. В действительности он подразумевает переход через громадную пропасть в мир, который не может быть описан, потому что человек не может быть его мериллом.

Я оцепенела от ужаса. Я не могла относиться к словам Клары несерьезно, потому что она никогда не шутила со мной. Мысль о том, что я могу потерять даже ту человечность, которая у меня была, и свалиться в пропасть, была для меня более чем ужасной. Я собиралась было спросить у нее о том, знает ли она, когда передо мной должен открыться вход в этот иной мир, но она продолжила объяснение.

— Неожиданная истина состоит в том, что этот вход находится перед нами постоянно, — сказала Клара, — но только те, чей ум спокоен и у кого на душе легко, могут видеть и чувствовать его присутствие.

Она объяснила, что название «вход» — не простая метафора, потому что он на самом деле появляется перед внутренним взором в виде обычной двери, темного углубления, ослепительного света или какого-то другого вполне осязаемого образа, которым может быть, в частности, и глаз дракона. Она отметила, что в данном случае аллегория древних китайских мудрецов вовсе не является надуманной.

— Древние китайские посвященные верили также в то, что невидимость приходит вместе с

достижением спокойного беспристрастия, — сказала она.

— Что такое это спокойное беспристрастие, Клара?

Не отвечая прямо на мой вопрос, она спросила меня, видела ли я когданибудь глаза бьющихся петухов.

— Я никогда в своей жизни не видела, как бьются петухи, — ответила я.

Клара сказала, что в глазах бьющихся петухов можно прочесть выражение, которого не встретишь в глазах других животных и людей, потому что в глазах живого существа всегда отражается озабоченность, участие, злость или страх.

— В глазах бьющегося петуха нельзя прочесть всех этих переживаний, — сообщила мне Клара. — В противоположность этому в них отражается невероятная беспристрастность, нечто такое, что можно встретить также во взгляде тех, кто совершил великий переход. Ведь вместо того, чтобы смотреть на окружающий мир, глаза такого человека обращены внутрь и созерцают там то, что еще не наступило.

— Глаз, который смотрит внутрь, неподвижен, — продолжала Клара. — Взгляд такого глаза не выражает ни человеческой обеспокоенности, ни страха, но лишь бесконечную необъятность пространства. Провидцы, которым посчастливилось взглянуть в бездонность, утверждают, что после этого бездонность смотрит их глазами, в которых теперь можно прочесть только спокойную непреклонную беспристрастность.

Однажды во второй половине дня, ближе к вечеру, мы с Кларой возвращались в дом из пещеры по длинному маршруту, любуясь открывающимися панорамами. Она предложила сесте отдохнуть в тени каких-то деревьев. Мы рассматривали тени, отбрасываемые этими деревьями на землю, когда неожиданно налетел порыв ветра, заставивший задрожать листья на ветвях. Они заколыхались, и по земле пробежала рябь света и тени. Когда ветер стих, листья вновь замерли на ветвях, а вместе с ними — и тени на земле.

— Ум подобен этим теням, — тихо сказала Клара. Когда мы дышим ровно, наш ум пребывает в покое. Если же дыхание беспорядочно, ум приходит в движение точно так же, как эти листья.

Я попыталась выяснить, ровное у меня дыхание или возбужденное, но как я ни старалась, не могла искренне ответить на этот вопрос.

— Если ты дышишь как попало, в твоём уме не может быть покоя, — продолжала Клара. — Для того, чтобы успокоить ум, нужно прежде всего начать с успокоения дыхания.

Она попросила меня сидя выровнять позвоночник и сосредоточивать внимание на дыхании до тех пор, пока оно не станет плавным и ритмичным, как дыхание младенца.

Я заметила, что если человек был физически активен так, как мы, когда шли по холмам, его дыхание не может быть плавным, как у младенца, который просто лежит и ничего не делает.

— Кроме того, — сказала я, — я не знаю, как дышат младенцы. Я была младенцем только раз, да и то, тогда я не обращала внимания на такие мелочи.

Клара пододвинулась поближе ко мне и положила одну руку мне на спину, а другую на грудь. Непонятно зачем она стала сжимать меня до тех пор, пока я не почувствовала, что задыхаюсь. Я попыталась освободиться, но она держала меня железной хваткой. Для того чтобы хоть как-то дышать, мне пришлось начать ритмично двигать животом по мере того, как воздух входил и выходил из тела.

— Вот как дышат младенцы, — сказала она. — Запомни это ощущение раздувающегося живота для того, чтобы ты могла повторить его в любой момент, независимо от того, идешь ты, занимаешься чем-нибудь или лежишь и ничего не делаешь. Ты наверное не согласишься мне, если я скажу тебе, что в детстве мы росли в таких условиях, что теперь нам снова нужно учиться правильно дышать.

Она убрала руки с моей спины и груди.

— А теперь дыши так, чтобы воздух заполнял грудную клетку, — потребовала она, — но не давай ему заходить в голову.

— Воздух не может зайти мне в голову, — со смехом заметила я.

— Не понимай меня так буквально, — упрекнула она. — Когда я говорю о воздухе, я в действительности имею в виду энергию, которую ты получаешь в процессе дыхания и которая заполняет живот, грудь, а потом голову.

Она говорила так серьезно, что мне хотелось смеяться. Мысленно я готовила себя к тому, что сейчас услышу еще одну порцию китайских метафор. Она улыбнулась и подмигнула мне.

— Степень серьезности соответствует размеру говорящего, — сказала она, посмеиваясь. — Мы, большие люди, всегда более серьезны, чем маленькие веселые человечки. Разве не так, Тайша?

Я не поняла, почему она решила включить меня в число больших людей, Ведь я была по крайней мере на два дюйма ниже ее и на добрых тридцать пять фунтов легче. Мне очень не понравилось, что меня сочли большой, и тем более, когда при этом подразумевалось, что я

должна быть серьезной. Но я не высказала вслух эти свои рассуждения, потому что знала, что она сделает этот предмет темой разговора и посоветует мне несколько занятий вспоминания посвятить тому, чтобы разобраться с отношением к своему росту и весу.

Клара взглянула на меня так, словно хотела определить мою реакцию на ее слова. Я улыбнулась, давая понять, что они меня ничуть не смутили. Видя, что я снова стала внимательной, она снова серьезным голосом заговорила о том, как наше эмоциональное равновесие зависит от ритмичности дыхания.

— Дыхание расстроенного человека, — сказала она, наклоняясь ко мне, — быстро, поверхностно и ограничено лишь грудью и головой. Но у того, кто безмятежен, дыхание опускается в живот.

Я попыталась опустить дыхание пониже, чтобы Клара не догадалась, что я расстроена. Но она с пониманием улыбнулась и добавила:

— Большим людям труднее дышать животом, потому что их центр тяжести находится немножко выше. Вот почему для нас еще более важно сохранять спокойствие и невозмутимость.

Она продолжала объяснять, что большая часть энергии тела локализуется в трех местах: в животе, в груди и в голове. Она коснулась моего живота в месте, которое находится немного ниже пупка, потом солнечного сплетения, а затем середины лба. Она объяснила, что эти три точки являются центрами соответствующих областей. И чем более спокойны ум и тело человека, тем лучше воздух может проникать в каждую из областей.

— Младенец, несмотря на свой небольшой размер, вдыхает огромное количество воздуха, — сказала Клара. Однако по мере того, как мы взрослеем, наше тело становится более закрепощенным, особенно в области груди, и поэтому мы вдыхаем не так много воздуха.

Прежде чем продолжить говорить, Клара глубоко вдохнула.

— Поскольку эмоции непосредственно связаны с дыханием, — сказала она, — хороший метод успокоения состоит в том, чтобы восстановить правильное дыхание. Мы можем, например, научиться поглощать большее количество энергии, удлинняя каждый вдох.

Она поднялась на ноги и велела мне внимательно следить за ее тенью. Я заметила, что тень совершенно неподвижна. Затем она попросила меня встать и понаблюдать за моей тенью. Я сразу же заметила, что моя тень немного колышется, как тень дерева, ветвей которого коснулся легкий ветерок.

— Почему моя тень трясется? — спросила я. — Мне казалось, что я стою совершенно неподвижно.

— Твоя тень колышется, потому что через тебя дует ветер эмоций, — ответила Клара. — Сейчас ты уже более спокойна, чем тогда, когда начинала заниматься вспоминанием, но в тебе все еще осталось довольно много суетливости.

Она предложила мне стать на левую ногу, а правую приподнять, согнув в колене. Я покачивалась, стараясь находиться в равновесии, и удивлялась тому, что она стоит на одной ноге так, словно на двух, и при этом ее тень абсолютно неподвижна.

— Тебе, наверное, нелегко удерживать равновесие, заметила Клара, ставя ногу на землю и поднимая другую. — Это означает, что твои мысли и чувства так же беспокойны, как и дыхание.

Я подняла другую ногу, чтобы попробовать еще раз. На этот раз мне лучше удавалось сохранить равновесие, но когда я снова обратила внимание на то, насколько неподвижна тень Клары, я почувствовала неожиданный прилив зависти и тут же должна была поставить ногу на землю, чтобы не упасть.

— Какая бы мысль у нас не возникла, — объясняла Клара, поставив свою ногу на землю, — наша энергия движется в направлении этой мысли. Мысли подобны разведчикам, которых тело посылает вперед, прежде чем начать движение в определенном направлении. А теперь посмотри

еще раз на мою тень, — приказала она, — но старайся видеть в ней нечто большее, чем просто тень. Попытайся разгадать в ней сущность Клары, отразившуюся в ее очертании на земле.

Я сразу же почувствовала в себе напряжение. Меня испытывали, и при этом мои способности оценивали. Во мне проснулось детское чувство соперничества, которое развилось у меня, когда я должна была во всем соревноваться со своими братцами.

— Не напрягайся, — строго сказала Клара. — Это не соревнование. Это просто радость. Понимаешь? Радость!

С детства меня учили реагировать на слова других. Когда Клара сказала «Радость!», я почувствовала себя в полном смятении, а потом меня охватил ужас. Она неправильно использует это слово, — ничего другого я не могла подумать. Она, должно быть, имеет в виду что-то другое. Но Клара повторяла это слово снова и снова, будто хотела, чтобы я прониклась им.

Я не сводила глаз с ее тени, и вскоре у меня создалось впечатление, что тень спокойна, красива и могущественна. Это была не просто темная заплатка на поверхности земли — она, казалось, наделена глубиной, разумом и жизнью. Но вдруг мне показалось, что я заметила, как Кларина тень движется полностью независимо от ее тела. Это движение было таким невероятно быстрым, что его трудно было заметить. Я ждала, затаив дыхание, уставившись на тень и сконцентрировав на ней все свое внимание. И вот это случилось вновь, но на этот раз я была к этому готова. Тень задрожала, а затем растянулась так, словно ее плечи и грудь вдруг увеличились в размере. Казалось, что тень живет независимой жизнью.

Я издала пронзительный крик и вскочила на ноги. Я крикнула Кларе, что ее тень — живая. Я была готова броситься прочь, но боялась, что тень будет преследовать меня. Клара удержала меня, взяв за плечо.

Когда я успокоилась настолько, что снова обрела дар речи, я рассказала ей все что видела, стараясь не смотреть больше на землю, потому что боялась, что снова замечу ее зловещую тень.

— Тот факт, что ты можешь видеть движения тени, означает, что ты с помощью воспоминания уже вернула себе огромное количество энергии, — заметила Клара.

— Ты уверена, что я не вообразила себе все это, Клара? — спросила я с надеждой на то, что она скажет, что так оно и было.

Именно твое намерение заставило ее прийти в движение, — заявила она авторитетно.

— Не кажется ли тебе, что воспоминание тоже возбуждает ум? — спросила я. — Ведь я должна быть довольно сильно возбужденной, чтобы видеть, как тени двигаются сами по себе.

— Нет. Смысл воспоминания в том, чтобы преодолеть те предрассудки, которые у нас сформировались в течение жизни, — терпеливо объяснила Клара.

— Не разделившись с ними, мы не можем сделать так, чтобы сила воспоминаний не затуманивала нашего восприятия.

— Клара, объясни, пожалуйста, поподробнее, что такое сила воспоминаний.

— Этот мир подобен огромной ширме, составленной из воспоминаний. Если некоторые наши предрассудки удастся устранить, — сказала она, — сила воспоминаний не просто оказывается контролируемой, но и вообще выходит из игры.

Я не поняла ее слов и обиделась на нее за то, что она выражается так туманно.

— Возможно, это ветер пошевелил листья, на которых лежала твоя тень, — сказала я, предлагая рациональное объяснение.

Клара отрицательно покачала головой.

— Давай попробуем еще раз, чтобы ты убедилась наверняка, — предложила она.

Я почувствовала, как мои руки покрываются гусиной кожей. Ничто не могло заставить меня снова посмотреть на ее тень.

— Ты утверждаешь, что тени людей не двигаются сами по себе потому, что так говорит тебе память о том, что с тобой было раньше, — сказала Клара. — Разве ты помнишь, чтобы они когда-нибудь двигались на твоих глазах?

— Нет, ясное дело, не помню.

— Теперь ты понимаешь, что произошло. Твоя способность сверять все с памятью на какое-то мгновение покинула тебя, и ты смогла заметить движение тени.

Клара, глядя на меня, покачала пальцем и захихикала.

— Так что ветер, который шевелит листья, здесь ни при чем, — сказала она. Затем она закрыла лицо руками так, как это делает пугливый ребенок. Внезапно меня поглотила мысль о том, что, хотя она и была взрослой женщиной, ее детские жесты никогда не выглядели смешными.

— У меня есть для тебя новости, — сказала она. — Ты видела, как движутся тени, когда была ребенком, но тогда ты еще не умела рассуждать, и поэтому тебя это не смущало. Когда же ты выросла, твоя энергия увязла в ограничениях, которые воспитало в тебе общество, и поэтому ты забыла, что когда-то могла видеть их движение, и помнишь только то, что тебе разрешают помнить.

Пытаясь разобраться в смысле слов Клары, я внезапно вспомнила, что когда была ребенком, часто видела, как тени на тротуаре покачиваются и извиваются, словно стараясь освободиться от людей, которым они принадлежат. Я всегда со страхом наблюдала, как тени разворачиваются в сторону и заглядывают друг на друга. Мне казалось странным, что взрослые никогда не замечают этих ужимок своих теней.

Когда я рассказала об этом Кларе, она объяснила, что мой страх был связан с моим пониманием несоответствия между тем, что я реально видела, и тем, что, по словам взрослых, было возможно и что мне разрешалось видеть.

— Мне кажется, я не совсем понимаю тебя, Клара. — сказала я.

— Попробайся представить себя как огромный склад воспоминаний, — предложила Клара. — На этом складе кто-то отличный от тебя разместил чувства, идеи, внутренние диалоги и модели поведения. Поскольку он твой, ты можешь входить туда, когда хочешь, и брать все, что там найдешь. Проблема в том, что ты совсем никак не можешь влиять на то, что там хранится, потому что весь склад был запакован еще задолго до того, как ты стала его владельцем. Таким образом, ты сильно ограничена в выборе того, что имеется в твоём распоряжении.

Она сказала, что наши жизни кажутся нам непрерывными последовательностями событий потому, что инвентарный список предметов, хранящихся в наших складах никогда не меняется. Она подчеркнула, что если человек не почистит свой склад, он не сможет быть тем, кем он есть в действительности.

Находясь под впечатлением своих воспоминаний и того, что мне сказала Клара, я села на большой камень. Краем глаза я увидела свою тень и ощутила прилив страха от мысли о том, что будет, если моя тень не захочет сидеть так же неподвижно, как я.

— Я не могу больше этого выносить, Клара, — сказала я, вскакивая. — Пошли домой.

Но она приказала мне оставаться на месте.

— Успокой ум, — посоветовала она, глядя на меня, и тогда тело тоже будет в покое. Иначе напряжение разорвет тебя на куски.

Клара подняла левую руку перед собой так, что запястье находилось как раз над уровнем пупка. Ладонь была обращена в сторону, а сжатые вместе пальцы были направлены вниз. Она сказала, чтобы я расположила свою руку точно так же и смотрела на кончик среднего пальца. Я посмотрела вниз, несколько скашивая глаза, потому что вынуждена была смотреть над переносицей. Она объяснила, что когда человек смотрит подобным образом в таком положении,

его осознание выходит за пределы тела на землю, в результате чего его психическое возбуждение уменьшается.

Затем она велела, чтобы я глубоко вздохнула и, сосредоточившись на земле, выразила намерение получить из нее искру энергии, которая, как капля клея, должна влиться в мой средний палец. Затем я должна была повернуть руку в запястье так, чтобы она могла коснуться грудной кости основанием большого пальца. Я должна была считать до семи, глядя на средний палец, а затем сразу переместить осознание в точку между глазами над переносицей. Этот перенос должен сопровождаться выражением намерения переместить искру энергии из среднего пальца в точку между глазами, сказала она. Если перемещение энергии удалось осуществить, на темном фоне закрытых глаз возникает свет. Она отметила, что этот светящийся сгусток энергии мы можем направлять в любое место тела для того, чтобы побеждать боль, излечивать болезни и преодолевать дурные предчувствия.

Затем она подняла руку и мягко нажала на мое солнечное сплетение.

— Если тебе нужно быстро вызвать прилив энергии, как, например, сейчас, воспользуйся силовым дыханием, которое я тебе покажу, и я гарантирую, что ты почувствуешь новый прилив сил.

Я наблюдала, как Клара показывала мне серию коротких вдохов и выдохов через нос, которые она делала с помощью быстрых движений диафрагмы. Я сделала так же, как и она, и приблизительно через двадцать вдохов и выдохов путем сокращения и расслабления диафрагмы я почувствовала, как по телу потекло тепло.

— Мы будем сидеть здесь и заниматься силовым дыханием и созерцанием света при закрытых глазах до тех пор, пока страх не покинет тебя, — сказала она.

— Но ведь я не так уж сильно испугалась, — солгала я.

— Ты не видела себя со стороны, — ответила Клара. С того места, где я сижу, было видно, что кто-то чуть было не потерял сознание.

Конечно, она была права. Я никогда не испытывала такого смертельного ужаса как тогда, когда увидела, что тень Клары сама по себе вытягивается. Давно забытые переживания поднялись на поверхность моего сознания из таких глубин, что в течение секунды или двух я действительно чувствовала себя ребенком.

Я подняла руку так, как показывала Клара, — ладонью в сторону, — и пристально посмотрела на кончик пальца. Некоторое время я смотрела, не отводя глаз, а затем сосредоточила все внимание на точке между глазами. Я не увидела никакого света, но постепенно успокоилась.

Уже почти стемнело. Я увидела, как недалеко от меня вырисовывается силуэт Клары. Ее голос звучал успокаивающе. Она сказала:

— Давай останемся здесь еще в течение некоторого времени, чтобы эта искра энергии рассосалась в твоём теле.

— Ты научилась этому в Китае? — спросила я.

Она отрицательно покачала головой.

— Я уже говорила тебе, что у меня был учитель здесь, в Мексике, — ответила она, а затем почтительно добавила:

— Мой учитель был удивительным человеком, который посвятил свою жизнь познанию, а затем учил нас искусству быть свободными.

— Но разве это не восточный метод дыхания?

Казалось, на какое-то мгновение она заколебалась, прежде чем ответить мне. Я подумала, что ее нерешительность связана с тем, что она не хочет разглашать какую-то тайну.

— Где твой учитель нашел этот метод? — настаивала я. — Что, он тоже был в Китае?

— Он научился всему от своего учителя, — сказала Клара уклончиво.

Когда я попросила ее рассказать мне побольше о своем учителе и о том, чему он научил ее, Клара извинилась передо мной за то, что пока не может ответить мне на мои вопросы.

— Для того, чтобы понять то, что я могу тебе рассказать, — объяснила она, — ты должна приобрести особую энергию, которой в настоящее время у тебя еще нет.

Она похлопала меня по руке.

— Не торопи время, — сказала она доброжелательно. — Мы собираемся обучить тебя всему, что знаем. А если так, то зачем спешить?

— Каждый раз, когда ты говоришь «мы», меня охватывает очень сильное любопытство, Клара. Дело в том, что я догадываюсь, что в этом доме живут и другие люди, и к тому же я начинаю видеть и слышать то, насчет чего мой рассудок говорит, что это невозможно.

Клара начала смеяться и продолжала так долго, что я испугалась, как бы она не упала с валуна, на котором сидела. Этот внезапный и непонятный мне смех раздосадовал меня еще больше, чем ее отказ рассказать о своем учителе.

— Ты даже не представляешь, каким смешным мне кажется твое положение, — сказала она, объясняя свое поведение. — Сейчас, как и тогда, когда ты увидела движение тени, я убеждаюсь в том, что ты успешно освобождаешь свою энергию. Ты начинаешь все выносить из своего склада. Помни, что чем больше предметов ты выбросишь из него, тем больше у тебя будет места для новых вещей.

— Что это будут за вещи? — спросила я по-прежнему раздосадовано. — Движущиеся тени и бестелесные голоса?

— Возможно, — ответила она неопределенно. — Но может быть и так, что ты увидишь тех, кому принадлежат эти тени и голоса.

Я захотела узнать, кому могут принадлежать эти голоса и тени, но она отказалась разговаривать об этом дальше. Она неожиданно встала и заявила, что желает вернуться домой до наступления сумерек, чтобы без труда включить электрический генератор.

Я не виделась с Кларой три дня. Она предприняла какое-то таинственное путешествие и отсутствовала в доме. Теперь это вошло в ее привычку. Не сказав ни слова, она оставляла меня одну в доме по несколько дней кряду в обществе одного лишь Манфреда. И хотя в моем распоряжении был весь дом, я не рисковала находиться где-нибудь за пределами гостиной, своей спальни, Кларинового спортивного зала, кухни и, конечно, домика со службами во дворе. В доме и во дворе было что-то такое, что наполняло меня иррациональным страхом, особенно в отсутствие Клары. В результате получалось так, что, когда я оставалась одна, я делала все по собственному расписанию, и это немного успокаивало меня.

Обычно я просыпалась около девяти часов утра, готовила себе завтрак на электроплитке, потому что все еще не умела топить печь дровами, съедала его, а затем направлялась в пещеру для занятий воспоминанием или уходила с Манфредом на длительную прогулку. Как правило, я возвращалась поздно во второй половине дня и занималась еще некоторое время кунг-фу в Кларином зале для боевых искусств. Это было большое помещение с куполообразным потолком, лакированным деревянным полом и покрытой черным лаком стойкой, на которой было расположено множество видов восточного оружия. Вдоль стены напротив двери находилась платформа, покрытая соломенными матами. Однажды я спросила Клару, зачем она нужна. Она ответила, что здесь она занимается медитацией.

Я никогда не видела, как она медитирует, потому что она всегда, приходя в зал одна, закрывала дверь на замок. Сколько я ни спрашивала, какой медитацией она занимается, она отказывалась вдаваться в подробности. Единственное, что мне удалось узнать, — это то, что она называла ее сновидением.

Клара разрешила мне пользоваться своим спортивным залом в любое время, когда она не занималась там сама. Когда я оставалась одна в доме, меня тянуло зайти в него потому что здесь больше всего чувствовалось ее присутствие и сила, что положительно влияло на мои эмоции. Именно здесь она обучала меня очень интересному стилю кунг-фу. Я никогда не увлекалась китайскими стилями боевых искусств, потому что мои преподаватели японского каратэ всегда утверждали, что движения в этих стилях слишком запутаны и витиеваты чтобы иметь практическое значение. Они постоянно насмехались над китайскими стилями и превозносили свои собственные, говоря, что, хотя каратэ и происходит из китайских стилей, его приемы и стратегия были существенно доработаны и пересмотрены в Японии. Ничего не зная о китайских боевых искусствах, я верила своим учителям и ни во что не ставила все другие стили. Теперь я не знала, как мне относиться к тому стилю кунг-фу, которым занималась Клара. Но несмотря на мое невежество в этом отношении я сразу поняла одно: она бесспорно была мастером этого стиля.

Позанимавшись около часа в Кларином спортзале, я переодевалась и отправлялась на кухню, чтобы поесть. Каждый раз еда уже ждала меня там, на столе, но я всегда бывала настолько голодна после физических упражнений, что просто проглатывала все, что было приготовлено, не размышляя особо о том, как оно здесь появилось.

Когда я спросила Клару, она ответила мне, что во время ее отсутствия в дом приходит смотритель и готовит еду для меня. Он, должно быть, и стирал белье, потому что я каждый раз находила его аккуратно сложенным в стопку у двери моей спальни. Мне оставалось лишь выгладить его.

Однажды вечером, после особо успешного дня занятий я почувствовала такой прилив энергии, что решила нарушить обычный распорядок и сходить еще раз в пещеру в темноте,

чтобы продолжить воспоминание, хотя Манфред критически поглядывал на меня и время от времени рычал. Мне так не терпелось добраться до пещерки, что я забыла взять с собой фонарь. Ночь была облачной, но, несмотря на кромешную тьму, я ни разу не споткнулась в течение всего пути. Я добралась до пещеры и, используя визуализацию и дыхание, провспоминала все, что было в моей памяти связано с моими преподавателями каратэ и теми демонстрациями и соревнованиями, в которых мне довелось принимать участие. Это заняло у меня большую часть ночи, но когда я закончила работу, мне показалось, что я существенно очистилась от тех предрассудков, которые переняла в ходе занятий от своих учителей.

На следующий день Клара все еще не вернулась, и поэтому я отправилась в пещеру немного позднее обычного. Возвращаясь домой, я решила поэкспериментировать и пройти по той же тропинке, по которой я ходила каждый день, только на этот раз с закрытыми глазами, будто вокруг непроглядная тьма. Мне было интересно узнать, смогу ли я пройти до самого дома, ни разу не споткнувшись, потому что до меня только теперь дошло, что в предыдущий вечер мне удалось каким-то чудом пройти так. Идя по тропинке днем, но с закрытыми глазами, я несколько раз упала, зацепившись за торчащие камни и пни, и набила себе солидный синяк на голени.

Я сидела в гостиной, накладывая повязки на свои ссадины, когда дверь неожиданно открылась и вошла Клара.

— Что с тобой случилось? — удивленно спросила она. Ты поцапалась с собакой?

В это мгновение в комнату неслышным шагом вошел Манфред. Я могла дать голову на отсечение, что он понял ее слова. Он хрипло пролаял, словно незаслуженно обиженный. Клара встала перед ним, слегка поклонилась ему, сгибаясь в талии, как это делают на востоке ученики, когда делают поклон своему учителю, и произнесла самое изощренное двуязычное извинение. Она сказала:

— Мне очень жаль, дорогой синьор, что я выразилась так беспечно о вашем безукоризненном поведении и ваших изысканных манерах, а также — и превыше всего — о вашей высшей рассудительности, которая делает вас *un senor entre senores, el mas ilustre entre todos ellos* — господином среди господ, самым выдающимся среди них.

Я была просто потрясена. Я подумала, что за три дня своего отсутствия Клара сошла с ума. Я никогда не слышала ранее, чтобы она говорила таким тоном. Я собиралась уже было засмеяться, но ее серьезность заставила мой смех застрять у меня в горле.

Она вот-вот должна была начать очередную серию извинений, когда Манфред зевнул, устало взглянул на нее, развернулся и вышел из комнаты.

Клара села на диван, и ее тело затряслось от беззвучного смеха.

— Когда он обижен, единственная возможность его утешить состоит в том, чтобы утомить его комплиментами, объяснила она.

Я надеялась, что Клара расскажет мне, где она провела эти три дня. Некоторое время я ожидала, что она сама вернется к разговору о своем отсутствии, но этого не произошло. Я сказала ей, что во время ее отсутствия Манфред каждый день приходил навестить меня в пещеру, где я занималась воспоминанием. У меня создалось впечатление, что он время от времени заглядывал туда, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

Затем я снова попыталась узнать от Клары что-нибудь о ее поездке, но она, как ни в чем не бывало, сказала:

— Да, он очень заботлив и крайне внимателен к другим. Поэтому он от всех ожидает к себе такого же отношения, и стоит только ему заподозрить, что кто-то настроен против него, как он тут же приходит в бешенство. Когда он находится в таком состоянии, он смертельно опасен. Помнишь, в тот первый вечер он чуть было не откусил тебе голову, когда ты назвала его жабой?

Мне захотелось изменить тему разговора. Я не любила думать о Манфреде как о бешеном псе. В течение прошедших месяцев он стал мне другом, и я больше не считала его зверем. Он был таким другом, что я иногда с беспокойством думала, что он — единственный, кто действительно понимает меня здесь.

— Ты еще не рассказала мне, что случилось с твоими ногами, — напомнила мне Клара.

Пришлось рассказать ей о своей неудачной попытке ходить с закрытыми глазами. Я сказала, что вчера ночью у меня не было никаких затруднений с тем, чтобы пройти по той же тропинке в темноте.

Она взглянула на царапины и ссадины на моих ногах и потрепала мои волосы так, словно я была Манфредом.

— Вчера вечером ты не делала события из своего похода по тропинке, — сказала она. — Ты была исполнена решимости добраться до пещерки и поэтому ноги автоматически доставили тебя туда. А сегодня ты сознательно пыталась повторить то, что было вчера, но потерпела жалкую неудачу, потому что на твоём пути встал твой собственный ум.

Некоторое время она помолчала, а затем добавила:

— Или, быть может, ты не слышала голос духа, который мог бы благополучно провести тебя.

Она сморщила нос и губы в детской гримаске нетерпения, когда я сказала ей, что не слышала в последнее время никаких голосов, хотя иногда в доме у меня создавалось впечатление, что до меня доносится какой-то странный шепот. Но я была уверена, что это лишь завывание ветра в безлюдном коридоре.

Мы договаривались, что ты никогда не будешь принимать мои слова буквально, если я заранее не предупрежу тебя об этом, — сказала Клара строгим голосом. Опустошая свой склад, ты освобождаешь место для того, чтобы поместить туда что-нибудь новое. Вот у тебя уже и появилось достаточно места для того, чтобы держать в нем искусство ходить в темноте. Поэтому я подумала, что, возможно, там уже достаточно места для голоса духа.

Я так усиленно пыталась понять, что Клара имеет в виду, что на лбу у меня, должно быть, появились морщины. Клара уселась в свое любимое кресло и начала терпеливо объяснять, что она хотела сказать.

— До того, как ты оказалась в этом доме, среди твоих представлений не было сведений о собаках, которые больше чем собаки. Однако здесь ты встретила Манфреда, и в результате этой встречи твое представление изменилось.

Она встряхнула рукой, как итальянка, и спросила:

— Capisce?

— Ты хочешь сказать, что Манфред — это голос духа? — спросила я, недоумевая.

Клара засмеялась так громко, что едва смогла прийти в себя, чтобы сказать:

— Нет, я имею в виду другое, нечто более абстрактное, — выдавила она сквозь смех.

Она предложила мне достать из шкафчика подстилку.

— Давай выйдем во двор и посидим под сапотовым деревом, — сказала она, доставая из аптечки бальзам. Сумерки — лучшее время для того, чтобы слушать голос духа.

Я расстелила подстилку под деревом, увешанным зелеными плодами, похожими на персики. Клара втерла немного бальзама в ушибленные места на моих ногах. Было ужасно больно, но я старалась не морщиться. Когда она закончила втирать, я заметила, что самый большой ушиб уже почти рассосался. Она отодвинулась от меня и оперлась спиной о ствол дерева.

— Все имеет видимую форму, — начала она. — И кроме внешних очертаний существует внутреннее сознание, которое управляет вещами. Это безмолвное сознание есть дух,

всеобъемлющая сила, которая проявляет себя разными способами в различных вещах. Эта энергия может вступать с нами в контакт.

Она велела мне расслабиться и глубоко дышать, потому что собиралась показать, как пробудить в себе дар внутреннего слуха.

— Ведь голос духа, — сказала она, — можно слышать лишь внутренним слухом.

Во время дыхания давай возможность энергии вытекать через уши, — продолжала она.

— Как мне сделать это? — спросила л.

Во время выдоха сконцентрируй внимание на отверстиях ушей и воспользуйся этой сосредоточенностью и намерением для того, чтобы направить поток.

Некоторое время она следила за тем, как я пытаюсь сделать это, давая мне указания.

— Выдыхай через нос с закрытым ртом, а кончиком языка касайся неба, — сказала она. — Выдыхай бесшумно.

После нескольких попыток я могла чувствовать ушные раковины и полости довольно отчетливо. Затем она велела мне тереть ладони одна о другую до тех пор, пока они не станут горячими, а затем приложить их к ушам так, чтобы пальцы левой и правой рук почти соприкасались на затылке.

Я сделала так, как она сказала. Затем Клара предложила мне, не изменяя положения рук, сделать массаж ушей легкими круговыми движениями ладоней. Потом, оставляя руки по-прежнему в том же положении, я должна была постучать указательными пальцами по голове за ушами, поднимая их для этого на средние пальцы и давая им резко соскакивать с них. Удары пальцев по голове представлялись мне подобными приглушенному звучанию далеких колоколов. Я простучала пальцами восемнадцать раз, ровно столько, сколько она сказала. Опустив руки, я заметила, что могу отчетливо слышать самые тихие звуки среди окружающей зелени, тогда как до этого они сливались в один недифференцированный, едва различимый звуковой фон.

— Теперь, когда уши стали чувствительными, ты, возможно, услышишь голос духа, — сказала Клара. — Но не ожидай, что кто-то будет кричать тебе что-то с верхушек деревьев. То, что мы называем голосом духа, ближе к чувству. Или это может быть идея, которая неожиданно возникнет у тебя в голове. Иногда этот голос напоминает ностальгическое желание вернуться в какое-то смутно припоминаемое место или едва осязаемое стремление сделать что-то неясно осознаваемое.

Возможно, именно сила ее внушения привела к тому, что я начала слышать вокруг неразборчивый шепот. Прислушавшись, я заметила, что этот шепот превратился в отдаленные человеческие голоса. Я могла различить чистый женский смех и глубокий грудной баритон мужчины, который пел. Я слышала эти голоса так, словно до меня порывами доносил их ветер. Я сосредоточилась для того, чтобы расслышать, что говорят эти голоса, и чем больше я прислушивалась, тем сильнее меня охватывала радость. Переливающаяся через край внутренняя энергия заставила меня вскочить на ноги. Я была так счастлива, что хотела прыгать, танцевать и бегать по двору, как ребенок. Не осознавая собственных действий, я начала петь, скакать, кружиться, как балерина, до тех пор, пока полностью не выбилась из сил.

Когда я в конце концов подошла к Кларе и села рядом с ней, я вся истекала потом, но это была нездоровая испарина. Это был холодный пот полного изнеможения. Клара задыхалась от смеха при виде моих выходок. Надо сказать, что мне удалось показать себя в самом нелепом виде, когда я прыгала и приплясывала по двору.

— Прямо не знаю, что на меня нашло, — сказала я, будучи не в состоянии объяснить свое поведение.

— Опиши, что произошло, — сказала Клара серьезным голосом.

Когда я смущенно отказалась, она добавила:

— В таком случае мне придется считать, что у тебя немного... ну, одним словом, крыша поехала, если ты только понимаешь, о чем идет речь.

Я рассказала ей, что слышала удивительное пение и смех, которые так меня заворожили, что мне захотелось потанцевать.

— Как ты думаешь, я не сошла с ума? — спросила я озабоченно.

— На твоём месте я бы не беспокоилась об этом, сказала она. — Твои выкрутасы были естественной реакцией на то, что ты услышала голос духа.

— Это был не один голос, а много, — поправила я.

— Ну вот, она опять за свое, эта буквально все понимающая мисс Совершенство, — сказала она с издевкой.

Она объяснила, что буквальное понимание — это одна из главных вещей, которые хранятся на нашем складе, и что для того, чтобы не понимать все буквально, нужно постоянно осознавать, что это только одна из возможных интерпретаций. Голос духа — это метафора, которая обозначает то, что не имеет никакого отношения к голосам, хотя иногда мы действительно слышим его как голос.

Она сказала, что для меня, поскольку я выросла в католической семье, лучше всего представлять себе дух в виде ангела-хранителя — доброго, покровительствующего мужчины, который наблюдает за мной.

— Но дух в действительности никого не охраняет, продолжала она. — Это абстрактная сила, которая по своей природе не добра и не зла. Сила, которой нет до нас дела, но которая, тем не менее, отвечает на нашу силу. Обрати внимание, не на молитвы, а на силу. Вспомни об этом в следующий раз, когда тебе захочется помолиться о прощении грехов!

— Но разве дух не добр и снисходителен? — с тревогой спросила я.

Клара ответила, что рано или поздно мне придется отказаться от всех своих предрассудков о хорошем и плохом, о Боге и религии и мыслить исключительно в рамках новых представлений.

— Ты хочешь сказать, что добро и зло не существуют? — спросила я, держа наготове целый свод логических доказательств в пользу существования свободы воли и зла, которые я усвоила в годы обучения в католической школе.

Но прежде чем я успела начать излагать свои аргументы, Клара сказала:

— В этом отношении мое мировоззрение и мировоззрение моих друзей отличается от общепринятого. Я уже говорила тебе, что для нас свобода означает свободу от человеческого. А человеческое включает Бога, добро и зло, святых, Деву Марию и Святой Дух. Мы верим в то, что только те убеждения, которые никак не связаны с человеческим, могут дать людям свободу. Если каша складывается переполненными обычными человеческими желаниями, чувствами, идеями и объектами, то как мы можем быть свободными? Ты понимаешь, что я имею в виду?

Я понимала ее, но не так ясно, как мне бы хотелось, отчасти потому, что я все еще не желала отказываться от идей о сохранении человечности, а отчасти потому, что к тому времени я еще не вспомнила все свои переживания, связанные с обучением в католической школе. Кроме того, я привыкла никогда не думать ни о чем, что не касается меня непосредственно.

Я сидела молча, пытаюсь обнаружить изъян в ее рассуждениях, как вдруг Клара неожиданно резким ударом по ребрам выбила меня из состояния задумчивости. Она сказала, что собирается показать мне еще одно упражнение для остановки мыслей и овладения навыком видеть энергетические волокна. Иначе я всегда буду оставаться в этом состоянии — в рабстве у представления о себе.

Клара велела мне сесть скрестив ноги и в процессе дыхания наклоняться в стороны — то вправо, то влево, — и чувствовать при этом, как меня водит по горизонтальной линии, которая проходит через уши. Она отметила, что, как это ни странно, линия при этом не начинает

раскачиваться, а остается идеально горизонтальной, и что это — одна из таинственных закономерностей, которую обнаружила она вместе со своими друзьями.

— Такое покачивание, — объяснила она, — сдвигает в сторону наше сознание, которое в обычном состоянии направлено вперед.

Она приказала мне расслабить мышцы челюсти, сделав несколько жевательных движений, и три раза проглотить слюну.

— А зачем это нужно? — поинтересовалась я, судорожно глотая.

— Жевание и глотание перемещает энергию, которая локализована в голове, в направлении желудка, уменьшая тем самым нагрузку на мозг, — сказала она, посмеиваясь. — Тебе следовало бы делать это почаще.

Я хотела было встать и немного пройтись, потому что отсидела себе ноги. Но Клара потребовала, чтобы я продолжала еще некоторое время делать это упражнение.

Я покачивалась из стороны в сторону, стараясь как можно яснее чувствовать эту едва ощутимую горизонтальную линию, но это мне не удавалось. Однако мне удалось остановить обычный поток мыслей. Прошло, наверное, около часа, а я все сидела в полной тишине, не думая ни о чем. Вокруг нас стрекотали кузнечики и шелестели листья, но ветер больше не приносил никаких других голосов. В течение некоторого времени я прислушивалась к лаю Манфреда, который доносился из комнаты в доме. Затем, будто повинуюсь незаметной команде, мысли вновь хлынули в мою голову. Только теперь я осознала, что до этого их совсем не было, и подумала, насколько приятно это их отсутствие. Мои ерзания, должно быть, послужили для Клары сигналом к тому, что можно продолжить беседу.

— Голос духа приходит ниоткуда, — заговорила она. — Он исходит из бездн молчания, из мира не-бытия. Этот голос можно слышать только тогда, когда в душе царят полное спокойствие и гармония.

Она объяснила, что две противоборствующие силы мужская и женская, свет и тьма, положительное и отрицательное — должны поддерживаться в равновесии, и тогда откроется отверстие в окружающей нас энергии, через которое наше сознание может выскользнуть наружу. Именно через это отверстие в окружающей энергии дух может проявить себя.

— Равновесие — это то, к чему мы стремимся, — продолжала она. — Оно не просто подразумевает присутствие обеих сил в равной пропорции. Оно означает также и то, что когда соблюдена эта пропорция, образуется какаято новая гармоническая комбинация, которая приобретает собственный импульс и начинает жить своей жизнью.

Клара во тьме внимательно изучала мое лицо. Я чувствовала, что она ищет в нем признаки понимания. Не найдя таковых, она произнесла почти издевательским тоном:

— Мы еще не столь умны, не правда ли?

Я почувствовала, как от ее замечания все мое тело сжалось. Я сказала, что никогда в моей жизни никто не упрекал меня в недостатке ума. Мои родители и учителя в один голос хвалили меня, как одну из лучших учениц в классе. Когда речь шла о получении итоговых отметок, я училась так настойчиво, что едва не заболела, и все потому, что хотела, чтобы моя успеваемость была лучше, чем у братьев.

Клара вздохнула и терпеливо выслушала продолжительные рассуждения, с помощью которых я пыталась доказать свою разумность. Прежде чем я смогла истощить все свои доводы в пользу ее неправоты, она уступила:

— Да, ты умна, но все, о чем ты говоришь, относится к миру повседневной жизни. Здесь ты не просто умна, но и настойчива, сообразительна и трудолюбива. Ты согласна?

Мне пришлось согласиться с ней, несмотря на то, что мой рассудок говорил мне, что если бы я и впрямь была такой, как она сказала, мне бы не приходилось так много заниматься.

— Но для того, чтобы быть умной в моем мире, объяснила Клара, — ты должна научиться концентрировать внимание, сосредоточиваться на любой конкретной вещи или абстрактном проявлении.

— О каких абстрактных проявлениях ты говоришь, Клара? — спросила я.

— Вот, например, отверстие в энергетическом поле, которое окружает нас, — это абстрактное проявление, ответила она. — Но не надейся увидеть или почувствовать его так же, как ты видишь или чувствуешь конкретные вещи. Здесь нужен несколько иной тип восприятия.

Клара подчеркнула, что для сосредоточения внимания на каком-либо абстрактном проявлении мы должны научиться спонтанно соединять известное с неизвестным. Подобным образом мы получаем возможность использовать разум и в то же время быть независимыми от него.

Затем Клара предложила мне встать и немного пройтись.

— Теперь, когда стемнело, попробуй ходить, не глядя на землю, — сказала она. — Но делай это не как сознательное упражнение, а как магическое неделание.

Я хотела было спросить ее, что она называет магическим неделанием, но поняла, что если она сделает это, я начну сознательно обдумывать ее объяснение и соотносить свои действия с этим новым представлением, даже если не пойму его до конца. Однако, я вспомнила, что она использовала понятие «неделание» прежде, и несмотря на мое нежелание задавать вопросы, я попыталась припомнить, что она говорила мне о нем. Для меня даже скудное и неправильное представление о чем-то всегда было лучше, чем отсутствие информации, потому что так у меня создавалось ощущение, что я могу контролировать ситуацию, тогда как не знаю ничего, я чувствовала себя очень уязвимой.

— Представление о неделании пришло к нам из нашей собственной магической традиции, — продолжала Клара, очевидно понимая, что я нуждаюсь в объяснениях. — Оно распространяется на все, что не входит в состав навязанных нам привычных представлений. Ведь когда мы начинаем делать что-то в соответствии с привычным представлением, мы занимаемся деланием, тогда как поступки, не укладывающиеся в рамки общепринятого, являются неделанием.

Все имеющееся у меня до настоящего времени спокойствие сразу же исчезло, как только я услышала ее слова.

Что ты имеешь в виду, когда называешь свою традицию магией? — настоятельно спросила я.

— А ведь ты не пропускаешь ни одного слова, Тайша. Не удивительно, что у тебя такие большие уши, — сказала она со смехом, уклоняясь от прямого ответа.

Я смотрела на нее в упор, ожидая, что она скажет. После паузы она заговорила:

— Я не хочу рассказывать тебе об этом сейчас, но, коль уж я проболталась, замечу, что искусство быть свободной это порождение намерения магов.

— О каких магах ты говоришь?!

— В Мексике жили и по-прежнему живут люди, которых волнуют глубинные вопросы. Моя магическая семья и я называем их магами. От них мы унаследовали все те идеи, с которыми я тебя знакомя. О вспоминании ты уже знаешь. Неделание также относится к подобным понятиям.

— Но кто эти люди, Клара?

Вскоре ты узнаешь о них все, что о них можно знать, — заверила она меня. — А сейчас давай заниматься одним из их неделаний.

Она сказала, что в этот конкретный момент неделанием может быть, например, мое решение безусловно довериться духу, отказавшись от рационального обдумывания.

— Не пытайся притвориться, что доверяешь, тогда как втайне испытываешь сомнения, — предупредила меня Клара. — Только тогда, когда положительные и отрицательные силы в тебе придут в полную гармонию, ты сможешь видеть или чувствовать отверстие в окружающей тебя энергии, а также расхаживать с закрытыми глазами, не теряя уверенности, что не споткнешься.

Я сделала несколько глубоких вдохов и начала ходить, не глядя перед собой, но вытянув руки на случай, если на что-нибудь наткнуся. Некоторое время я продолжала спотыкаться, а однажды даже зацепилась за ящик с высаженными в нем цветами и обязательно бы упала, если бы Клара не схватила меня за руку. Но постепенно я начала спотыкаться все меньше и меньше, и вот настало время, когда я могла медленно ходить, ни за что не цепляясь. Создавалось впечатление, что мои ноги ясно видят все что находится во дворе, и точно знают, куда можно ступить, а куда нельзя.

Однажды во второй половине дня, занимаясь воспоминанием в пещере, я уснула. Проснувшись, я обнаружила, что на земле рядом со мной лежат два прекрасно отполированных кристалла. Некоторое время я сомневалась, стоит ли к ним прикасаться, потому что выглядели они несколько зловеще. Каждый из них был длиной около пяти дюймов и абсолютно прозрачен. Их кончики были заострены, а сами кристаллы, казалось, сияли собственным светом. Когда я увидела, что Клара приближается к пещере, я аккуратно взяла кристаллы в руку и выползла наружу, чтобы показать их ей.

— Да, они великолепны, — закивала она, словно узнав их.

— Откуда они взялись? — спросила я.

— Их оставил тебе тот, кто очень внимательно следит за тобой, — ответила она, ставя на землю принесенный с собой узел.

— Но я не видела никого, кто мог бы это сделать.

— Этот человек приходил, пока ты дремала. Я ведь предупреждала тебя о том, что нельзя засыпать во время занятий воспоминанием.

— Кто приходил, пока я спала? Один из твоих родственников? — спросила я возбужденно. Я положила изящные кристаллы на кучу листьев и надела туфли. Когда-то Клара посоветовала мне никогда не оставаться обутой во время занятий воспоминанием, потому что при этом затруднена циркуляция энергии через ноги.

— Если я скажу тебе, кто оставил кристаллы, ты все равно ничего не поймешь, и, может быть, даже испугаешься, — ответила она.

— Давай попробуем. Ведь после того, как я наблюдала движение твоей тени, мне кажется, ничто больше не может меня испугать.

— Хорошо, если ты настаиваешь, — сказала она, развязывая свой узел. — За тобой следит великий маг, с которым могут сравниться лишь немногие на этой земле.

— Ты говоришь, что это настоящий маг? Тот, кто делает зло?

— Я сказала, что это настоящий маг, а не тот, кто делает зло. Это существо, которое умеет так же легко перестраивать и менять свое восприятие, как ты рисуешь кистью картину. Однако это не значит, что он своевольный. Когда он манипулирует восприятием с помощью своего намерения, его поведение безупречно.

Клара сравнила его с легендарным мастером китайской живописи, о котором рассказывают, что он рисовал драконов так искусно, что когда ставил последний штрих, прорисовывая их зрачки, они слетали со стен или холстов, на которых были изображены. Тихим голосом человека, открывающего важную тайну, Клара сказала, что когда опытный маг решает покинуть мир, ему для этого нужно лишь изменить уровень восприятия, с помощью намерения создать дверь, войти в нее и исчезнуть.

Сильное волнение, которое отразилось в ее голосе, смутило меня. Я села на большой плоский камень и принялась разглядывать кристаллы, раздумывая о том, кем мог быть великий маг. С тех пор, как я здесь живу, я не разговаривала ни с кем, кроме Клары и Манфреда, потому что здесь просто никого больше не было. Мне не удалось ни разу хотя бы мельком увидеть даже того зрителя, о котором говорила Клара. Я уже собиралась напомнить ей, что она и Манфред — это единственные разумные существа, которых я видела здесь, когда я вдруг припомнила, что существует еще один человек — мужчина, который однажды возник будто из пустоты прямо у меня на глазах, когда я как-то утром делала зарисовку деревьев недалеко от пещеры. Он сидел на корточках на поляне, которая находилась от меня футов за тридцать. Я продрогла от утренней

прохлады, и это помогло мне еще лучше сосредоточить внимание на его зеленой ветровке. Он был в бежевых брюках и традиционной для северной Мексики широкополой соломенной шляпе. Я не смогла разглядеть его лица, потому что шляпа закрывала его, однако заметила, что он силен и хорошо сложен.

Смотрел он в сторону, и я могла видеть его руки, сложенные на груди. Затем он повернулся ко мне спиной и к моему величайшему удивлению легко свел руки за спиной так, что их ладони соприкоснулись пальцами вверх. Затем он встал и ушел, скрывшись в кустах.

Я быстро зарисовала то положение, в котором он сидел, а затем отложила рисовальные принадлежности и попыталась повторить то, что он сделал. Однако как я ни старалась, напрягая руки и выворачивая плечи, я все же не могла соприкоснуться ладонями у себя за спиной. Я продолжала сидеть на корточках, сложив руки на груди. Очень скоро я перестала дрожать и почувствовала, что мне стало тепло и уютно, несмотря на прохладу.

— Значит, ты уже видела его, — заметила Клара, когда я рассказала ей о мужчине.

— Это и был великий маг?

Она утвердительно кивнула в ответ, развернула узел и подала мне *тамале*,^[2] которое принесла для меня.

— Он очень гибок, — сказала она. — Ему ничего не стоит вынуть руки из плечевых суставов, а затем вернуть их на место. Если ты продолжишь заниматься воспоминанием и накопишь достаточное количество энергии, он, возможно, научит тебя своему искусству. Тогда, когда ты видела его, он лишь показал тебе, как справляться с холодом при помощи особого положения тела: нужно сесть на корточки и сложить руки на груди.

— Это что, особая форма йоги?

Она пожала плечами.

— Возможно, ваши пути когда-нибудь снова пересекутся, и он сам ответит на твой вопрос.

А сейчас скажу лишь, что эти кристаллы помогут тебе прояснить многое внутри себя.

— Что конкретно ты имеешь в виду, Клара?

— Какую сторону жизни ты прорабатывала с помощью воспоминания, когда заснула? — спросила она, не обращая внимания на мой вопрос.

Я сказала Кларе, что как раз вспоминала тогда, как я ненавидела работать по дому. Мне казалось, что для того, чтобы вымыть посуду, нужна целая вечность. Но хуже всего было то, что я все время могла видеть из окна, как мои братья играют в мяч во дворе. Я завидовала, что они не должны ничего делать по дому, и сердилась на мать за то, что она заставляла меня работать. Мне хотелось перебить всю ее дорогую посуду, но, конечно же, я не могла себе этого позволить.

— И как ты чувствуешь себя теперь, после воспоминания этого всего?

— Я по-прежнему хочу разбить все тарелки до последней, чтобы отомстить матери. Я не могу заставить себя простить ее.

— Быть может, кристаллы помогут тебе направить намерение в другое русло и освободить уловленную тогда энергию, — мягко сказала Клара.

Повинуясь странному желанию, я зажала кристаллы между средними и указательными пальцами. Казалось, что они были специально подогнаны под мои руки — настолько удобно их было держать между пальцами.

— Вижу, что ты уже знаешь, как ими нужно пользоваться, — заметила она. — Великий маг сказал мне, что если я увижу, что ты сама нашла правильное положение кристаллов в руках, я должна показать тебе одно очень важное движение, которое ты можешь делать с этими кристаллами.

— Какое движение, Клара?

— Движение силы, — сказала она. — Все что касается его происхождения и цели, я

объясню тебе попозже. А сейчас позволь мне показать тебе, как оно выполняется.

Она велела мне крепко зажать кристаллы между средними и указательными пальцами. Затем, помогая мне сзади, она попросила меня вытянуть руки перед собой на высоте плеч и поворачивать ими против часовой стрелки. Она сделала так, что вначале круги были большими, а затем они становились все меньше и меньше до тех пор, пока движение не прекратилось, и кристаллы не оказались устремлены своими остриями вдаль. Воображаемые линии, продолжающие их, сходились в точку на горизонте.

— Когда описываешь круги руками, следи за тем, чтобы ладони были обращены друг к другу, — посоветовала она. — И всегда начинай с мягких, широких движений. Таким образом ты собираешь энергию, которую можешь затем направить на все, что требует ее воздействия, будь то предмет, мысль или чувство.

— Какое воздействие при этом окажут кристаллы? — спросила я.

— Такая ориентация кристаллов и такое движение руками, как я тебе только что показала, вытягивает энергию из вещей, — объяснила она. — Эффект в данном случае напоминает процесс разминирования. Это как раз то, что тебе сейчас нужно больше всего. Но никогда и ни при каких обстоятельствах не вращай руками по часовой стрелке, если держишь в них кристаллы.

— А что случится в этом случае?

Ты не только создашь бомбу, но и подожжешь фитиль, вследствие чего произойдет огромный взрыв. Помни, что движение рук по часовой стрелке заряжает энергией вещь, оно используется для концентрации энергии. Использование этого движения мы отложим до того времени, когда ты станешь сильнее.

— Но разве это не то, что мне как раз сейчас нужно, Клара? Накапливать энергию? Я чувствую себя такой исчерпанной.

— Конечно, тебе нужно накапливать энергию, — согласилась она, — но пока ты должна делать это, устраняя абсурдные привязанности. Ты можешь собрать уйму энергии уже одним лишь простым неделанием того, что ты привыкла делать, — например, жаловаться, сожалеть о том, что случилось в прошлом, или беспокоиться о том, чего нельзя изменить. Переставая расходовать энергию на эти никому не нужные заботы, ты получаешь возможность направить ее на самосовершенствование и исцеление себя.

Тогда как энергия, которую ты соберешь, двигая руками с кристаллами по часовой стрелке, — это опасная энергия, которая выделяется в больших количествах и с которой ты в настоящее время не сможешь совладать. Поэтому пообещай мне, что ни при каких обстоятельствах не будешь пытаться получать ее.

Обещаю, Клара. Но то, что ты рассказываешь, звучит довольно соблазнительно.

— Великий маг дал тебе эти кристаллы, видя, что ты делаешь успехи. Постарайся же теперь оправдать его доверие, — сказала она.

— А зачем этот великий маг наблюдает за мной?

В моем голосе прозвучала нотка нездорового любопытства. Мне было неловко, но в то же время я чувствовала себя польщенной тем, что какому-то мужчине пришло в голову следить за мной, хотя бы и с расстояния.

— У него есть планы в связи с тобой, — ответила Клара как ни в чем не бывало.

Я тут же почувствовала опасность. Сжав кулаки, я в негодовании вскочила на ноги.

Не будь настолько глупа, чтобы делать неправильные выводы, — сказала Клара раздраженно. — Уверяю тебя, никто здесь не собирается тебя соблазнять. Тебе действительно еще нужно хорошенько вспомнить свои сексуальные приключения, Тайша, для того, чтобы избавиться от этих беспочвенных подозрений.

Ее тон, свидетельствующий о полной беспристрастности, и прямота ее слов немного отрезвили меня. Я села и промямлила извинение.

Она прижала палец к своим губам.

— Нас не интересует все то, за чем гоняются люди, заверила она меня.

— И чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Когда я говорю о планах, я имею в виду возвышенные намерения, дерзания свободного духа. Несмотря на все то, что ты о себе думаешь, ты очень отважна. Посмотри на то, где ты сейчас. Каждый день ты просиживаешь часы напролет, вспоминая свое прошлое. Для этого нужна немалая смелость.

Я призналась, что всякий раз меня охватывает тревога, когда я вспоминаю о том, как я согласилась поехать вместе с ней, и как сейчас живу в ее доме, будто так и надо.

— Меня это тоже очень озадачило тогда, — сказала она. — Но прямо об этом я тебя еще ни разу не спрашивала. Почему ты так легко согласилась поехать вместе со мной? Я бы сама этого никогда не сделала.

— Родители и братья всегда говорили, что я сумасшедшая, — призналась я. — Возможно, причина в этом. На дне моей души лежат какие-то непонятные побуждения. Они-то всегда и приводят к тому, что я совершаю загадочные поступки.

— Например, какие? — Ее сверкающие глаза побуждали меня довериться ей.

Но я колебалась. Мне в голову приходили десятки случаев, каждый из которых был для меня травмой и вехой у поворота моей жизни — и всегда к худшему. Я никогда не говорила об этих катастрофах, хотя постоянно осознавала их. Теперь, после месяцев напряженных занятий воспоминанием, большинство их стало даже еще более яркими и болезненными.

— Иногда я веду себя глупо, — сказала я, не желая углубляться в детали.

— Что это значит? — настаивала Клара.

После еще нескольких ее просьб рассказать, я в качестве примера привела ей свои переживания совсем недавнего прошлого, когда я принимала участие в международном турнире по каратэ в Японии. Так, в токийском Будокане я опозорилась перед десятками тысяч зрителей.

— Десятками тысяч? — повторила она вслед за мной. А ты не загибаешь?

— Нет, конечно! — воскликнула я. — Будокан — это самая большая аудитория города, и он был в тот день битком набит!

Вспоминая о случившемся тогда, я чувствовала, что у меня сжимаются кулаки и напрягается шея. Я не хотела продолжать рассказ.

— По-моему, лучше не будить зло, пока оно спит, правда? — спросила я.

— И кроме того, я уже провспоминала все, что связано в моей памяти с каратэ.

— Важно, чтобы ты могла спокойно рассказывать обо всех своих переживаниях, — настаивала Клара. — Вероятно, ты не визуализировала их перед своим мысленным взором достаточно ясно или дышала не совсем правильно. Ведь кажется, что они все еще держат тебя. Посмотри, от волнения у тебя даже пот выступил!

Чтобы угодить ей, я описала, как мой учитель по каратэ однажды невзначай заметил, что, по его мнению, женщины хуже собак. Ему казалось, что женщинам нет места в мире каратэ, и уж тем более на соревнованиях. В тот раз в Будокане он хотел, чтобы вышли на помост только парни. Но я сказала ему, что приехала в Японию не для того, чтобы отсиживаться в задних рядах и наблюдать за выступлениями мужской команды. Он предупредил меня, чтобы я вела себя почтительно, но вместо того, чтобы послушать его, я сделала нечто непростительное.

— Что именно ты сделала? — поинтересовалась Клара.

Я сказала, что пришла тогда в такую ярость, что поднялась на центральную арену, вырвала гонг из рук у ведущего, ударила в него сама и формально объявила свое имя и название элементов каратэ, которые собиралась продемонстрировать.

— И они встретили тебя бурными аплодисментами? — спросила Клара, насмешливо улыбаясь.

— Я провалила свое выступление, — сказала я, чуть не плача. — В середине длинной последовательности движений у меня помутилось в голове. Я забыла, что нужно делать дальше. Все что я помню, это целый океан лиц, глядящих на меня с негодованием. Мне кое-как удалось закончить выполнение ката, и я покинула помост в состоянии полного шока.

— Взять на себя смелость и вклиниться в программу так, как это сделала я, было уже само по себе очень плохо, но забыть последовательность движений в ката перед лицом тысяч зрителей было невероятным оскорблением для Федерации каратэ. Я опозорилась сама, подвела своих учителей и бросила тень на женщин в целом.

— А что было потом? — спросила Клара, стараясь не улыбаться.

— Меня исключили из школы и поговаривали даже о том, чтобы лишить меня черного пояса. После этого я больше не занималась каратэ.

Тут Клара разразилась смехом. Я же была так подавлена своими постыдными переживаниями, что начала рыдать. Вдобавок ко всему я поняла, что совершила еще одну ошибку, рассказав об этом Кларе.

Клара встряхнула меня за плечи.

— Делай очищающее дыхание! — сказала она. — Давай, прямо сейчас.

Я стала качать головой справа налево, возвращая себе энергию, которая была по-прежнему безнадежно увязшей в зале для выступлений. Возвращая голову в обратном направлении, я выдыхала всю ту неловкость и жалость к себе, которые обволакивали меня. Я долго покачивала головой, повторяя снова и снова очищающее дыхание, до тех пор, пока сильное беспокойство не прошло. Затем я сделала несколько движений головой влево-вправо без дыхания, с тем, чтобы разорвать все связи с этим конкретным моментом прошлого. Когда я закончила, Клара осмотрела меня с головы до ног и одобрительно кивнула.

— Ты столь ранима потому, что чувствуешь свою важность, — заявила она, протягивая мне вышитый платочек, чтобы я высморкалась. — Весь этот позор свалился на тебя потому, что твое чувство собственной важности вышло из-под контроля. А затем ты испортила свое выступление, что и должно было случиться, и тем самым еще больше задела свою и без того уязвленную гордость.

Некоторое время Клара молчала, давая мне возможность собраться с мыслями.

— Почему ты прекратила заниматься каратэ? — наконец спросила она.

— Я просто устала от этого и прочего лицемерия, отрезала я.

Клара отрицательно покачала головой.

— Нет. Ты перестала потому, что никто не обращал на тебя внимания после этого происшествия, и ты не получала того признания, которого, по своему мнению, заслуживала.

Положа руку на сердце, я должна была сознаться, что Клара права. Я верила, что мои успехи должны быть признаны. Каждый раз, когда я совершала один из своих диких импульсивных поступков, я делала это для того, чтобы укрепить свое самомнение или победить кого-то и доказать, что я лучше его. Меня охватила грусть и чувство безысходности. Я знала, что несмотря на дыхание и вспоминание, надежд на то, что я изменюсь, было мала.

— Содержимое твоего смлада меняется очень естественно и гармонично, — сказала Клара, легонько хлопывая меня по голове. — Не беспокойся об этом. Просто сосредоточься на вспоминании, а все остальное само о себе позаботится.

Наверное, мне бы не помешало обратиться к психиатру, — сказала я. — Кстати, разве вспоминание не является своеобразной психотерапией?

— Вовсе нет, — ответила Клара. — Люди, которые изобрели вспоминание, жили сотни,

если не тысячи лет назад. Поэтому не стоит думать об этом древнем способе обновления в рамках современного психоанализа.

— А почему бы и нет? — поинтересовалась я. — Ведь ты не можешь отрицать, что возврат к воспоминаниям детства и акцент на половом акте — все это звучит в духе психоанализа и, в частности, фрейдовских интерпретаций?

Клара была непреклонна. Она подчеркнула, что вспоминание — это магическое действие, в котором намерение и дыхание играют неотъемлемую роль.

— Дыхание концентрирует энергию и заставляет ее двигаться по кругу, — объяснила она. — А управляет ею изначально присутствующее намерение, которое посредством вспоминания освобождает нас от биологических и социальных оков.

— Это намерение вспоминания является даром, полученным от тех древних провидцев, которые изобрели этот метод и передали его секрет своим последователям, — продолжала Клара. — Каждый, кто занимается им, должен добавить свое собственное намерение к этому изначально существующему. Для чего это просто желание или необходимость заниматься вспоминанием. Что же касается конечной цели, на достижение которой направлено это намерение, то можно сказать, что ее определили еще древние мудрецы и что она представляет собой абсолютную свободу. Поскольку эта цель управляет намерением независимо от нас, вспоминание открывает нам очень важное качество нашего бытия: тот факт, что перед тем, как начать любое действие, у нас есть мгновение, в течение которого мы можем точно взвесить наши мотивы, надежды и шансы на успех. Подобное знание никогда не является приятным или удовлетворительным, и поэтому мы сразу же подавляем его.

— Что ты хочешь этим сказать, Клара?

— Я хочу сказать, что ты, например, в течение какой-то доли секунды ясно знала, что совершишь грубейшую ошибку, выскочив на арену Будокана и изменив ход выступлений, но по какой-то причине ты сразу же подавила это знание. Или другой пример. В течение какого-то мгновения ты знала, что прекратила заниматься каратэ, потому что почувствовала обиду оттого, что тебя не признавали и не превозносили. Но ты сразу же спрятала это знание под другое, более выгодное для тебя объяснение: что ты устала от лицемерия.

Клара сказала, что этот момент непосредственного знания был назван видящими людьми, которые впервые сформулировали, что такое вспоминание, потому что он дает возможность видеть суть вещей незамутненным взглядом. Однако, несмотря на ясность и точность оценок видящего, мы никогда не уделяем ему должного внимания и не даем ему возможность недвусмысленно выразить свою точку зрения. Посредством постоянного подавления мы приостанавливаем его развитие и не даем ему проявить все свои возможности.

— В конце концов видящий в нас становится желчным и ненавидящим, — продолжала Клара. — Люди древности, которые изобрели вспоминание, верили, что поскольку мы никогда не прекращаем подавлять в себе видящего, он в конечном итоге разрушает нас. Но они также дали нам знать, что с помощью вспоминания мы можем создать для него благоприятные условия, в которых он начинает расти, и становится таким, каким и должен быть.

— А я и не догадывалась, зачем в действительности нужно вспоминание, — сказала я.

— Цель вспоминания состоит в том, чтобы дать видящему свободу видеть, — объяснила Клара. — Давая ему свободу действий, мы целенаправленно превращаем его в силу, которая одновременно таинственна и эффективна, в силу, которая рано или поздно приводит нас к свободе, вместо того, чтобы погубить нас.

Вот почему я всегда настаиваю на том, чтобы ты рассказывала мне, что ты обнаруживаешь в ходе вспоминания. Ты должна дать видящему возможность подняться на поверхность и поведать тебе о том, что он видит.

Я без труда понимала и соглашалась с ней. Я прекрасно чувствовала сама, что внутри меня живет кто-то, кто всегда безошибочно знает что есть что. Я также прекрасно знала, что всегда подавляла это свое качество, потому что его советы, как правило, противоречили моим желаниям или ожиданиям.

Я поделилась с Кларой неожиданно пришедшей мне в голову мыслью о том, что единственной ситуацией, в которой я прислушивалась к голосу видящего, была моя привычка смотреть на горизонт в южном направлении, когда я чувствовала, что мне нужна помощь. Я снова отметила, что никогда не могла понять, почему так поступаю.

— В один прекрасный день все это тебе объяснят, пообещала Клара.

И по тому, как лукаво она улыбалась, я поняла, что сейчас она об этом больше ничего не скажет.

Клара посоветовала мне вернуться в пещеру еще на несколько часов, а затем прийти в дом и немного вздремнуть перед ужином.

— Я пришлю за тобой Манфреда, — предложила она.

Но я отказалась. Я уже не могла идти в пещеру в этот день. Я слишком устала. После того, как я рассказала Кларе о беспокоящих меня неприятностях и отбилась от нескольких ее атак на меня, я почувствовала себя эмоционально истощенной. На какое-то мгновение моим вниманием завладел свет, отражавшийся от одного из кристаллов. Глядя на него, я успокоилась. Я спросила у Клары, знает ли она, зачем великий маг дал мне кристаллы. Она сказала, что в действительности он не дал их мне, а явил их для того, чтобы они мне помогли.

— Он нашел их в пещере в горах. Кто-то, должно быть, оставил их там многие века назад, — сказала она неприветливо.

Ее угрюмый тон навел меня на мысль о том, что она не желает разговаривать сейчас о «великом маге», и, чтобы изменить направление беседы, я спросила ее:

— Что еще ты знаешь об этих кристаллах?

Я подняла один из них, чтобы полюбоваться его прозрачностью.

Маги древней Мексики широко использовали кристаллы, — объяснила она.

— Это оружие, с помощью которого можно победить врага.

Услышав ее слова, я содрогнулась и чуть было не выронила из рук один из кристаллов. Я попыталась всунуть их Кларе в руки, не желая больше иметь дела с ними, но она отказалась взять их.

— Если уж ты однажды коснулась их, ты не можешь передать их другому, — упрекнула она. — Это будет неправильно и даже опасно. Обращаться с ними нужно бесконечно внимательно. Это дар силы.

— Прости, — сказала я. — Я не хотела никого обижать. Я просто испугалась, когда ты упомянула, что их использовали в качестве оружия.

— Когда-то это было так, но не теперь, — уточнила она. — У нас нет знаний о том, как превратить их в оружие.

— А в древней Мексике существовали такие сведения?

— Несомненно! Это же часть нашей традиции, — заявила она. — Как и в Китае, где древние поверья стали такими невероятными, что их превратили в легенды, точно так же и здесь, в Мексике, существуют свои поверья и легенды.

— Но почему случилось так, что о том, что было в древнем Китае, знают все, а о поверьях и легендах древней Мексики никто ничего не слышал?

Здесь, в Мексике, столкнулись две культурные традиции: испанская и индейская, — объяснила Клара. Мы знаем многое об испанской традиции и почти ничего о традиции древней Мексики потому, что испанцы оказались победителями и сделали все от них зависящее для того,

чтобы стереть индейскую цивилизацию с лица земли. Однако несмотря на свои систематические и настойчивые усилия в этом направлении, сделать это до конца им не удалось.

Какие еще поверья связываются с подобными кристаллами? — спросила я.

— Считается, что маги древности использовали их так: в состоянии невероятной концентрации внимания они воссоздавали в своем воображении образ своих врагов, а затем в этом состоянии их психического и физического присутствия маги находили центр сосредоточения их энергии. Говорят, что для этого нужно такое необычное состояние сосредоточения, которое почти невозможно достичь и совсем нельзя описать.

— И что эти маги делали потом с образом своих врагов? — спросила я, подстегиваемая нездоровым любопытством.

— Они обычно находили отверстие, расположенное в области сердца. Оно представляет собой маленький вихрь в потоке энергии. Как только им удавалось его обнаружить, они направляли в эту точку свои смертоносные кристаллы.

Стоило ей рассказать мне о направлении кристаллов на образ врага, как меня охватила нервная дрожь. Невзирая на это свое состояние, я не смогла удержаться от вопроса о том, что потом случилось с тем человеком, образ которого подвергался такому воздействию со стороны мага.

— Могло случиться так, что его тело истощалось, предположила она. — А могло быть и так, что этот человек переносил подобное испытание без каких-либо последствий. Считается, что маги сами не знали наверняка, что должно случиться, хотя, если их силы были значительны, они могли быть уверены в том, что врагу не поздоровится.

Мне еще больше захотелось положить кристаллы на землю, но в свете того, что сказала Клара, я не могла решиться так поступить с ними. Я спрашивала себя, зачем вообще кому-то понадобилось мне их давать.

Были времена, когда магическое оружие играло очень большую роль, — продолжала Клара. — Оружие типа кристаллов становилось продолжением тела мага. Оно наполнялось его энергией, которая могла при этом направляться в любую точку пространства-времени.

Клара сказала, что самым грозным оружием является все же не кристалл, не меч и даже не пистолет, а человеческое тело. Дело в том, что его можно превратить в средство для накопления, хранения и передачи энергии.

Мы можем рассматривать тело либо как биологический организм, либо как источник силы, объяснила Клара. — Все зависит от того, какое представление имеется на нашем складе. Это значит, что наше тело может быть грубым и закрепощенным или развитым и гибким. Если на складе у нас пусто, само тело тоже пусто, и энергия всей бесконечности может протекать через него.

Клара повторила, что для того, чтобы опустошить себя, мы должны погрузиться в состояние глубокого вспоминания и дать возможность энергии течь через нас беспрепятственно. Только пребывая в безмятежном состоянии, мы можем дать полную свободу видящему и превратить всю безличностную энергию вселенной в силу нашего личного намерения.

— Когда нам удастся в значительной мере освободиться от всего старого и ненужного, что загромождает наш склад, — продолжала она, — энергия сама вливается в нас в нужном количестве, и когда ее накопится достаточно, она превращается в силу. О присутствии силы можно судить по разным приметам: это могут быть громкие звуки, тихие голоса, мысли, которые появляются откуда-то совершенно неожиданно, или же внезапный прилив бодрости и благодати. Клара подчеркнула, что на самом деле не имеет значения, приходит ли к нам энергия в состоянии бодрствования или во сне. В обоих случаях это хорошо, однако во сне нередко

приходят более тонкие энергии, спектр возможных применений которых более широк, чем в случае энергий, получаемых во время бодрствования.

— То, что мы переживаем наяву, когда речь идет о проявлениях силы, должно быть вначале проверено в сновидении, — продолжала она, — а все то, что нам удастся совершить с помощью силы во сне, может быть потом использовано в бодрствующем состоянии. При этом важно лишь одно — постоянное осознание происходящего, независимо от того, имеет оно место во сне или наяву.

Уставившись на меня, она повторила:

— При этом важно одно — постоянное осознание происходящего.

Клара немного помолчала, а затем сказала мне то, что показалось мне совершенно бессмысленным. Это были слова:

— Постоянное осознание времени, например, может удлинить жизнь человека до нескольких сот лет.

— Это чепуха, — сказала я. — Разве человек может жить так долго?

Осознание времени — это особое состояние восприятия, в котором процесс старения приостанавливается, и мы получаем возможность жить дольше, чем несколько десятков лет, — объяснила Клара. — Существует поверье, которое пришло к нам от древних магов, согласно которому мы сможем сознательно покинуть этот мир и поселиться где-нибудь в другом месте в том случае, если научимся использовать свое тело как оружие — то есть, выражаясь современным языком, тогда, когда опустошим свои склады.

— И куда мы попадем, если выйдем за пределы этого мира? — спросила я.

Клара удивленно посмотрела на меня, словно я уже должна была знать ответ.

— В сферу не-бытия, мир теней, — ответила она.

— Считается, что как только наш склад становится пустым, мы обретаем такую легкость, что можем парить в пустоте, и ничто не может стать препятствием у нас на пути. А затем мы можем вернуться в этот мир помолодевшими и исполненными сил.

Я заерзала на твердом камне, который отдал мне копчик.

— Но ведь это просто поверье, не так ли, Клара? — спросила я. — Легенда, которая пришла к нам из прошлого.

В настоящее время это просто поверье, — согласилась она. — Но времена, как и все остальное в этом мире, меняются. В наши дни, как никогда, человек должен научиться обновляться, проникать в пустоту, постигать свою свободу.

На какое-то мгновение я задумалась над тем, как бы оно было, если бы я парила легко, как облако, по воздуху, и ничто не мешало бы мне опускаться и подниматься, когда мне этого захочется. Затем я снова вернулась в воображении на землю и сочла своим долгом сказать:

— То, что ты, Клара, говоришь об осознании времени и переходе в мир теней, я не могу ни принять, ни понять. В рамках моих представлений этого не понять, или, как ты выражаешься, этого нет на моем складе.

— Да, там этого нет, — согласилась Клара. — Это магия!

— Ты хочешь сказать, что магия по-прежнему существует, и в наши дни есть те, кто ею занимается? — спросила я.

Клара резко поднялась на ноги и схватила свой узел.

— Не спрашивай меня больше об этом, — сказала она прямо. — Позже ты узнаешь все, что тебя интересует, но не от меня, а от того, кто лучше, чем я, разбирается в таких вещах.

Клара сидела на краю дворика в плетеном кресле и расчесывала свои блестящие черные волосы. Затем она поправила их пальцами так, что прическа приняла свой обычный вид. Закончив прихорашиваться, она положила левую ладонь на лоб и начала делать ею круговые движения. Затем она провела рукой над макушкой головы и дальше в направлении затылка, а потом встряхнула кистями и пальцами в воздухе. Она повторила эти движения и встряхивания еще несколько раз.

Я удивлялась, наблюдая за ее движениями. В них не было ничего небрежного или случайного. Она выполняла их, находясь в состоянии полного сосредоточения, так, словно занималась очень важным делом.

— Что ты делаешь? — спросила я, нарушая тишину. — Это что-то типа массажа лица?

Клара бросила на меня быстрый взгляд. Я сидела в таком же кресле и повторяла ее движения.

— Эти круговые движения предотвращают появление на лбу морщин, — сказала она. — Тебе может показаться, что это массаж лица, но в действительности это не так. Это один из магических приемов, движения руки, которыми накапливают энергию для определенной цели.

— Для какой такой цели? — спросила я, встряхивая кистями так, как это делала она.

— Смысл магических приемов в том, чтобы помогать человеку выглядеть молодо и не дать образоваться морщинам, — ответила она. — Этот смысл определен заранее, и не мной или тобой, а самой силой.

Я должна была признать, что все, что делала Клара, действительно было эффективным. Кожа ее лица была гладкой. Она красиво оттеняла ее зеленые глаза и черные волосы. Я всегда верила, что ее моложавый вид объясняется индейским происхождением, и никогда не подозревала, что она поддерживала его с помощью специальных движений.

Где бы ни сосредоточивалась энергия, как происходит в случае применения магических приемов, мы называем ее силой, — продолжала Клара. — Помни об этом, Тайша. Сила — это сконцентрированная энергия, которая накапливалась сама по себе либо по чьей-то воле. Скоро ты узнаешь очень много о силе, и не только от меня, но и от других тоже. Они должны вернуться со дня на день.

Хотя Клара постоянно упоминала о своих родственниках, я уже потеряла всякую надежду когда-либо увидеть их. Ее рассказ о силе был чем-то совсем другим. Я никогда не могла понять, что именно она называет «силой».

— Я покажу тебе некоторые магические приемы, которые ты должна будешь выполнять каждый день, начиная с этого, — заявила она.

Я тяжело вздохнула. Было уже много вещей, которые она заставляла меня делать каждый день — дыхательные упражнения, вспоминание, элементы кунгфу, далекие прогулки. Если бы я начала делать подряд все, что она мне говорила, в дне не хватило бы часов для того, чтобы выполнить хотя бы половину того, что нужно.

— Ради Бога, не принимай мои слова так буквально, — сказала Клара, видя мое обиженное выражение. — Я запикиваю это все в твои крохотные мозги, потому что хочу, чтобы ты знала обо всем этом. Знание помогает накапливать энергию, поэтому знание — это сила. Для того, чтобы магия работала, мы должны знать, что делаем, когда выражаем намерение достичь результата. И обрати внимание, что речь идет о результате, а не о цели магического действия. Если бы с помощью намерения мы могли создавать цели магических действий, мы бы тем самым творили магию, но ни у тебя, ни у меня для этого недостает силы.

— Кажется, я тебя не вполне понимаю, Клара, — сказала я, пододвинув свое кресло поближе к ней. — Для чего у меня не хватает силы?

— Я говорю, что ни одна из нас не может накопить так много энергии, чтобы создать новую цель. И тем не менее, каждая из нас обладает достаточным количеством энергии для того, чтобы с помощью намерения достигать результата магического приема: предотвращать появление морщин, например. Это все, что мы можем сделать, потому что результат — поддержание нашей бодрости и молоджавого вида — уже определен.

— Относится ли это и к вспоминанию, результат которого был установлен когда-то давно намерением древних магов? — поинтересовалась я.

— Совершенно верно, — ответила Клара. — Намерение всех магических действий уже запрограммировано. Нам остается лишь подключать к нему свое осознание.

Она передвинула свое кресло так, что сидела теперь напротив меня, и наши колени почти соприкасались. Затем она интенсивно потерла каждый большой палец о ладонь противоположной руки и поместила их на переносице. Потом она начала делать легкие движения в разные стороны по бровям в направлении висков.

Этот прием позволяет предотвратить появление морщин между бровями, — объяснила она. Быстро потерев друг о друга указательные пальцы, как палочки для добывания огня, она приложила их вертикально к носу с двух сторон и мягко провела ими несколько раз в стороны по щекам.

— А этот поможет очистить внутренние полости, сказала она, медленно шевеля носом. — Вместо того, чтобы ковырять в носу, лучше уж делай эти движения.

Я не обратила внимания на ее слова о ковырянии в носу, но попробовала сделать несколько поглаживающих движений, которые, казалось, действительно очищают полости.

Следующий прием поможет предотвратить обвисание щек, — сказала она. Она быстро потерла ладони друг о друга, а затем длинными, сильными движениями провела ими по щекам от подбородка до висков. Она повторила это движение шесть или семь раз, делая его ровным и медленным.

Я заметила, что ее лицо покраснело, но это было еще не все. Прижав большой палец руки к ладони, она поднесла внутренний край руки к верхней губе и потерла ее из стороны в сторону интенсивными пилящими движениями.

Она объяснила, что если быстро потереть то место, где соединяются нос и верхняя губа, то можно ощутить приток энергии небольшими ровными порциями. Но если нужны большие количества энергии, их можно получить, покалывая точку на десне над верхними зубами, которая находится как раз под верхней губой ниже носовой перегородки.

Если чувствуешь, что во время занятий вспоминанием в пещере тебя охватывает сонливость, потри быстро это место, и это временно вернет тебе бодрость, посоветовала она.

Я потерла верхнюю губу и почувствовала, что в носу и в ушах стало яснее. Я также ощутила легкое онемение неба. Оно наблюдалось лишь несколько секунд, но у меня перехватило дыхание. У меня создалось впечатление, что передо мной вот-вот должно открыться что-то ранее неизвестное.

Потом Клара поводила указательными пальцами под подбородком, снова используя для этого быстрые пилящие движения. Она объяснила, что массаж точки, которая находится под подбородком, помогает успокоиться и сосредоточиться. Она сказала также, что мы можем воздействовать на эту точку и в положении сидя на полу, положив подбородок на низкий столик.

Следуя ее указаниям, я положила на землю подушку, села на нее и оперлась подбородком о деревянный подлокотник, который находился как раз на уровне моего лица. Наклоняясь вперед,

я слегка нажала на ту точку, о которой говорила Клара. Через некоторое время я почувствовала, что мое тело расслабляется, а вдоль позвоночника поднимаются покалывающие ощущения, которые доходили до самой головы. Дыхание стало более глубоким и ритмичным.

— Еще один способ активизировать точку под подбородком, — продолжала Клара, — состоит в том, чтобы, лежа на животе, сжать руки в кулаки и подложить их под подбородок, поставив кулаки друг на друга.

Она сказала, что выполняя это упражнение, следует напрягать кулаки для того, чтобы создавать ими давление на подбородок, а затем расслаблять их, уменьшая это давление. Напряжение и расслабление кулаков, сказала она, создает пульсации, которые направляют энергию небольшими порциями в жизненно важный центр, который находится у основания языка. Она подчеркнула, что выполнять это упражнение следует осторожно, а то можно вызвать боль в горле.

Я снова села в плетеное кресло.

— Этот набор магических приемов, который я показала тебе, — продолжала Клара, — следует выполнять каждый день до тех пор, пока они не перестанут быть движениями, напоминающими массаж, и не превратятся в то, чем они в действительности являются: в приемы магии. Смотри на меня! — велела она.

Я посмотрела, как она повторяет всю показанную мне прежде последовательность движений с тем лишь исключением, что теперь ее руки и пальцы танцевали. Казалось, что ее руки то глубоко проникают в кожу лица, то легонько поглаживают ее, как бы касаясь ее поверхности и двигаясь так быстро, что их трудно было разглядеть. Я смотрела на ее ловкие движения, как завороченная.

— Этих знаний никогда не было в твоем складе, смеясь, заметила она, когда закончила. — Это — магия. Она требует намерения, которое существенно отличается от намерений, действующих в обычном мире. Прodelывая все эти движения на своем лице, мы должны использовать какое-то другое намерение, если мы собираемся расслабить мышцы и воздействовать на центры, которые находятся здесь.

Клара сказала, что все наши эмоции отражаются на лице в большей мере, чем во всех других частях тела. Поэтому мы должны высвободить накапливающееся здесь напряжение, используя для этого магические приемы и сопровождающее их намерение.

Какое-то мгновение она смотрела на меня, а затем заметила:

— Я вижу по напряжению на твоем лице, что ты серьезно поработала сегодня, занимаясь воспоминанием. Не забудь повторить все эти приемы перед тем, как лечь спать сегодня вечером для того, чтобы распрямить все складки на лбу.

Я призналась, что воспоминание вызывает у меня беспокойство.

— Все это потому, что ты проводишь слишком много времени в пещере, — сказала Клара, дружелюбно подмигивая мне. — Я не хочу, чтобы ты превратилась из девушки в летучую мышь. Мне кажется, пришло время начать изучение других вещей, ведь ты уже накопила достаточное количество энергии.

Она выпрыгнула из кресла так, словно ее вытолкнула из него пружина. Это выглядело так неожиданно — такая крупная женщина и вдруг движется так проворно, — что я не смогла удержаться от смеха. Затем я медленно встала сама, и можно было подумать, что я вдвое тяжелее ее.

Она посмотрела на меня и покачала головой.

— Ты слишком зажата, — заметила она. — Тебе нужно позаниматься специальными физическими упражнениями для того, чтобы открыть свои энергетические центры.

Мы направились к вешалке, где висела наша одежда и стояла обувь. Она находилась сразу

же за дверью черного хода. Она вручила мне широкополую соломенную шляпу и повела меня на поляну, которая находилась недалеко от кухонного флигеля.

Ярко светило солнце. День был необычайно теплым. Клара посоветовала мне надеть шляпу. Затем она обратила мое внимание на небольшую грядку, окруженную забором из проволоки. На ней были ровными рядами высажены какие-то небольшие растения.

— Кто вскопал здесь землю и посадил эти растения? — удивленно спросила я, потому что никогда не видела, чтобы Клара работала здесь. — Для этого пришлось немало потрудиться. Ты это все сделала сама?

— Нет, кто-то другой пришел и сделал это для меня.

— Но когда? Я проходила тут каждый день и ни разу не видела, чтобы здесь кто-то работал!

— В этом нет ничего необычного, — сказала Клара. Тот, кто возделывал этот огород, приходил, когда ты была в пещере.

Но ее объяснение не удовлетворило меня. Огород был так ухожен, что создавалось впечатление, что к нему приложилась больше чем одна пара рук. Прежде, чем я успела задать очередной вопрос, Клара заявила:

— Начиная с этого дня, ухаживать за ним будешь ты. Считай, что это твое новое задание.

Я старалась не показывать своего недовольства в связи с тем, что у меня появилась еще одна повседневная забота. Я думала, что когда Клара говорила о физических упражнениях, она имела в виду какие-то новые элементы боевых искусств, возможно, даже такие, которые требуют использования меча или длинного шеста. Увидев мой потупленный взгляд, Клара заверила меня, что возделывание огорода будет очень полезно для меня. Я смогу поработать физически и побыть на солнце, что нужно для хорошего здоровья и бодрости. Она заметила также, что в течение более чем шести месяцев, я не делала ничего, а лишь вспоминала то, что было со мной в прошлом. Забота о чем-то внешнем по отношению ко мне поможет мне стать менее мнительной. Только теперь я неожиданно осознала, что уже прошло полгода с тех пор, как я поселилась в Кларином доме. У меня было впечатление, что я попала сюда вчера, настолько разительно здесь изменилась моя жизнь.

— Большинство людей умеют заботиться лишь о себе, — заговорила Клара, прерывая мои размышления. — Хотя это им тоже удается не очень хорошо. Но вследствие такого сильного акцента их личность болезненно распухает, наполняясь настоятельными требованиями.

Мы вошли в деревянную калитку в заборе, окружавшем огород.

— Работа на этом огороде поможет тебе приобрести особую энергию, которую тебе не даст ни воспоминание, ни дыхательные упражнения, ни занятия кунг-фу, — сказала Клара.

— Что это за энергия?

— Энергия земли, — ответила она, глядя зелеными, как весенняя трава, глазами вокруг себя. — Она дополняет энергию солнца. Возможно, ты почувствуешь, как она втекает в тебя по рукам, когда ты обрабатываешь почву. Или, быть может, она начнет подниматься по ногам, когда ты сидишь на корточках.

Я никогда не работала на огороде до этого и не была уверена, смогу ли справиться с тем, что здесь нужно делать. Я попросила ее объяснить мне мои обязанности. Она уставилась на меня, словно решая, подходящего ли человека выбрала для этой работы.

— Земля все еще влажна после вчерашнего дождя, сказала она, нагибаясь для того, чтобы коснуться ее рукой. — Но когда она высохнет, тебе придется ведрами носить воду из ручья. Или если ты проявишь смекалку, возможно тебе удастся построить систему орошения.

— Скорее всего, я так и сделаю, — сказала я уверенно. — Я установлю электронасос, как в том доме в деревне, где я одно время жила, и подключу его к генератору. Тогда мне не придется таскать из долины воду ведрами.

— Неважно, как ты это сделаешь, лишь бы растения не оставались без полива. Кроме того, каждые две недели ты должна будешь удобрять землю компостом с кучи, что находится с той стороны огорода. Обязательно следи за тем, чтобы не оставалось сорняков. В этих местах они разрастаются со скоростью лесного пожара. И не забывай закрывать калитку, чтобы сюда не забрели дикие кролики.

— Хорошо, — заверила я ее без энтузиазма.

— Вот и прекрасно. Можешь начать прямо сейчас.

Она указала мне на ведро и велела наполнить его компостом, а затем подмешивать его к почве рядом с каждым растением. Когда я вернулась с полным ведром того, что не было, как я надеялась, землей, набранной рядом с отхожим местом, она дала мне инструмент для взрыхления почвы. Некоторое время она наблюдала за тем, как я работаю, предостерегая меня, чтобы я не копала слишком близко возле корней этих нежных растений.

По мере того, как я все больше сосредоточивалась на своей работе, я начала чувствовать, что меня окружает какое-то странное спокойствие и благодать. Земля казалась прохладной и мягкой, когда мои пальцы касались ее. Впервые за все время моего пребывания в доме Клары я почувствовала себя по-настоящему легко, безопасно и защищенно.

Энергия земли питает, — заметила она, словно объясняя мне, почему изменилось мое настроение. — Ты уже освободила в себе достаточно места с помощью вспоминания, и теперь какое-то количество этой энергии вошло в тебя. Ты чувствуешь себя легко, потому что начинаешь осознавать, что земля — мать всего. — Она провела руками над рядами растений. — Все исходит из земли. Она поддерживает и питает нас, а когда мы умираем, наши тела возвращаются к ней.

Она сделала паузу, а затем добавила:

— Если, конечно, нам не удастся совершить великий переход.

— Ты хочешь сказать, что существует возможность не умереть? — спросила я. — Это серьезно, Клара, ты не шутишь?

— У каждого из нас есть шанс стать свободным, — тихо сказала она. — Мы сами решаем, воспользоваться им или отвернуться от него.

Она объяснила, что накапливая энергию, мы можем преодолеть свои предубеждения о природе реальности и нас самих, освобождая тем самым на нашем складе место для других возможностей. Одной из них является возможность не умирать. Она сказала, что лучшее объяснение этой необычной альтернативы предложили мудрецы древнего Китая. Они утверждали, что личное сознание может добровольно слиться со всеобъемлющим сознанием, или Дао. В этом случае после наступления смерти индивидуальное сознание не исчезает, как это случается обычно, а расширяется до масштабов великого целого.

Она добавила, что вспоминание нужно для построения коконообразного энергетического мешка, в котором я могу: накапливать и хранить энергию. Теперь мне пришла пора использовать эту энергию для упрочения своих связей с духом.

— Вот почему тебе следует поработать в огороде и вобрать в себя энергию земли и солнца, — сказала она. — Солнце дарует свою энергию земле и дает возможность всему на ней расти. Если ты открываешь солнечной энергии дорогу в свое тело, твоя сила тоже начинает расцветать.

Клара велела мне вымыть руки в ведре с водой и сесть на бревно, находившееся на поляне за забором, сказав, что она собирается показать мне, как начинать направлять внимание к солнцу. Она подчеркнула, что я всегда должна носить широкополую шляпу, чтобы закрывать от него голову и лицо. Она также предостерегла меня, чтобы я никогда не делала те дыхательные упражнения, которые она мне показала, более чем по несколько минут кряду.

— Какова роль этих упражнений? — спросила я.

— Намерение, изначально заложенное в них, направлено на то, чтобы передавать энергию, которую мы поглощаем из воздуха, туда, где сосредоточено наше внимание. Это может быть орган тела, энергетический канал или даже мысль или воспоминание, как в случае воспоминания. Всегда важно, что энергия передается, претворяя в жизнь заранее установленное намерение. В результате мы получаем подлинную магию, потому что каждый раз создается впечатление, что она появилась ниоткуда. Вот какова роль этих упражнений.

Клара приказала, чтобы я стала лицом к солнцу с закрытыми глазами, затем сделала глубокий вдох ртом, втягивая солнечное тепло и свет в живот. Я должна была держать их там как можно дольше, затем проглотить слюну и наконец выдохнуть весь оставшийся воздух.

— Воображай, что ты подсолнечник, — настаивала она. — Всегда обращай лицо к солнцу, когда выполняешь дыхательные упражнения. Солнечный свет заряжает воздух энергией. Поэтому старайся набирать его как можно больше, дыша полной грудью. Делай так три раза.

Она объяснила, что в этом упражнении энергия солнца сама по себе распространяется по всему телу. Однако мы можем целенаправленно направлять исцеляющие лучи солнца в любое место с помощью прикосновения к нему или сознательного направления туда энергии.

— На самом деле, если ты достаточно долго позанимаешься таким дыханием, тебе не нужно будет использовать для этой цели руки, — продолжала она. — Ты просто можешь визуализировать, как энергия струится в каждое конкретное место твоего тела.

Она предложила мне сделать еще три вдоха, но на этот раз дыша через нос и визуализируя свет, текущий вниз по спине и заряжающий энергией энергетические каналы проходящие вдоль позвоночника. Таким образом солнечные лучи заполняют все мое тело.

— Если хочешь, можешь полностью обойти дыхание через рот или нос, — сказала Клара, — и дышать прямо животом, грудью или спиной. Ты можешь насыщать тело энергией, поглощая ее даже подошвами ног.

Она посоветовала мне сосредоточиться на нижней части живота, на точке, которая находится сразу же под пупком, и спокойно дышать до тех пор, пока я не почувствую, что между моим телом и солнцем установилась связь.

Дыша так, как она мне велела, я почувствовала, что мой живот изнутри становится теплее и заполняется светом. Через некоторое время Клара предложила мне попробовать дышать другими частями тела. Она прикоснулась к точке, находящейся на лбу между глазами. Когда я сосредоточила здесь свое внимание, моя голова наполнилась желтым сиянием. Клара порекомендовала мне впитать в себя как можно больше солнечной энергии, задерживая дыхание, а затем перед выдохом вращая глазами по часовой стрелке. Я сделала так, как она меня проинструктировала, и желтое сияние стало еще сильнее.

— Теперь встань и попытайся дышать спиной, — сказала она, помогая мне снять куртку.

Я повернулась спиной к солнцу и попыталась сосредоточить внимание на тех местах, которых она касалась. Одно из них находилось между лопатками, другое — на затылке. По мере того, как я дышала, визуализируя солнце у себя на спине, я начала чувствовать, как теплые потоки движутся вверх-вниз по моей спине, а затем ударяют мне в голову. Началось головокружение, и я чуть было не потеряла равновесие.

— На сегодня хватит, — сказала Клара, возвращая мне куртку.

Я села. В голове мутилось так, словно я была немного пьяна.

— Свет солнца — это чистая сила, — сказала Клара. На самом деле, это самая концентрированная энергия, которая существует в природе.

Затем она сказала, что с макушки головы невидимые энергетические волокна устремляются вверх, в сферу небытия. Энергия может поступать к нам и из этой сферы через отверстие,

существующее на самой макушке головы.

— Если хочешь, можешь называть это волокно ниточкой жизни, которая соединяет нас с высшим сознанием, сказала она. — Солнце, если уметь правильно им пользоваться, заряжает это волокно и приводит его в действие. Вот почему макушка головы всегда должна быть защищена.

Клара сказала, что прежде чем мы вернемся в дом, она покажет мне еще один важный магический прием, который включает в себя последовательность движений тела. Она сказала, что его следует выполнять как одно цельное движение, уверенно, точно и грациозно, но без напряжения.

— Трудно переоценить важность приемов, которые я тебе показываю, — сказала она. — Они являются незаменимыми помощниками вспоминания. Тот, который ты сейчас увидишь, сотворил когда-то со мной чудеса. Внимательно следи за мной. Посмотрим, увидишь ли ты моего двойника.

— Твоего что? — спросила я в ужасе. Я боялась, что упущу что-то очень важное, или что даже если увижу его, не буду знать, как к нему относиться.

— Смотри на мой дубль, — повторила Клара, отчетливо выговаривая слова. — Этот прием дает возможность его увидеть. У тебя уже достаточно энергии для того, чтобы наше совместное намерение позволило тебе успешно осуществить этот прием.

— Но скажи мне, Клара, что является в данном случае успехом?

Видение двойника. Тонкого тела. Продолжения физического тела, которое, как ты уже наверно знаешь или по крайней мере догадываешься, не является вымыслом.

Она вышла на такое место, где поверхность земли была ровной, остановилась, поставив ноги вместе. Руки свободно свисали вдоль туловища.

— Клара, подожди. Я уверена, что у меня еще недостаточно энергии для того, чтобы увидеть то, о чем ты говоришь, потому что я даже теоретически не понимаю, что такое дубль.

— Теоретическое понимание не играет никакой роли. Просто внимательно смотри, и может случиться так, что нашей общей силы окажется достаточно для того, чтобы с помощью намерения сделать видимым моего двойника.

Совершая самые грациозные движения, которые я когда-либо видела в своей жизни, она подняла над головой руки, сложенные вместе в жесте молитвы. Затем она наклонилась назад, согнувшись в ровную дугу и почти касаясь вытянутыми руками земли за собой. Затем ее тело начало двигаться влево так, что, не разгибаясь, она через мгновение уже стояла наклонившись вперед до самой земли. И прежде чем я успела открыть рот от удивления, она снова быстро наклонилась назад, дугой нависая над землей.

Она повторила это еще два раза, как бы хвастаясь передо мной своими быстрыми грациозными движениями, а может быть, для того, чтобы я заметила ее дубль. В один момент ее движения я действительно увидела ее очертания размытыми, так, словно она была фотографией женщины в натуральную величину, на которой было наложено друг на друга два кадра. Какую-то долю секунды существовало две движущиеся Клары, одна из которых будто чуть-чуть запаздывала.

Я была совсем сбита с толку тем, что увидела, и что, когда я задумалась над этим, могло сойти за оптическую иллюзию, возникшую из-за большой скорости ее движений. Но на уровне телесных ощущений я понимала, что мои глаза видели что-то невообразимое. Мне хватило энергии для того, чтобы не торопиться с выводами о том, как оно должно быть, а допустить возможность существования чего-то еще.

Клара прекратила показ своей искусной акробатики, а затем подошла и стала рядом со мной, даже не запыхавшись. Она объяснила, что этот магический прием дает, возможность телу

объединяться со своим двойником, находящимся в сфере не-бытия, вход в которую витает над нашей головой и немного сзади от нее.

— Нагибаясь назад и вытягивая при этом руки, мы создаем мост, — сказала Клара. — И поскольку тело и двойник подобны двум концам радуги, мы можем с помощью намерения соединить их.

— Для выполнения этого приема существует какое-то определенное время? — спросила я.

— Этот прием предназначен для сумерек, — сказала она. — Но для того, чтобы успешно выполнить его, тебе необходимо большое количество энергии, и ты должна быть совершенно спокойна. Сумерки помогают достичь спокойного расположения духа и дают дополнительный прилив энергии. Вот почему конец дня — лучшее время для выполнения этих движений.

— Может, мне попробовать прямо сейчас? — спросила я.

Когда она с недоверием посмотрела на меня, я заверила ее, что в школе занималась гимнастикой и сейчас очень хочу попробовать сделать то же, что и она.

— Вопрос не в том, занималась ли ты гимнастикой в детстве, а в том, насколько спокойна ты сейчас, — ответила Клара.

Я сказала, что спокойнее, чем сейчас, я никогда не бывала. Клара недоверчиво засмеялась и заявила, что не возражает, если я попробую. Она сказала, что будет наблюдать за мной со стороны и следить за тем, чтобы неосторожными движениями я ничего не сломала.

Я уверенно стала на землю, согнула ноги в коленях и начала самый медленный и глубокий прогиб назад, на который только была способна. Но стоило мне перегнуться дальше определенной точки, как я потеряла равновесие и неуклюже свалилась на землю.

— Ты сейчас далеко не спокойна, — заключила Клара дружелюбно, помогая мне подняться на ноги. — Что тебя беспокоит, Тайша?

Вместо того чтобы рассказать ей о том, что было у меня на уме, я спросила, можно ли мне попробовать выполнить это еще раз. Но во второй раз получилось еще хуже, чем в первый. Я поняла, что именно мое психическое и эмоциональное беспокойство не давало мне возможности сохранять равновесие. Я знала, что эгоистические побуждения, как выражалась Клара, были во мне довольно сильны — они поглотили все мое внимание. Я не видела другого выхода, кроме того, чтобы рассказать Кларе все, о чем я думала. Я сказала ей, что больше всего меня беспокоит то, что мои занятия воспоминанием не могут сдвинуться с места.

— В чем причина? — спросила Клара.

Я призналась, что это было связано с моей семьей.

— Теперь я вне всяких сомнений знаю, что они не любят меня, — грустно сказала я. — Я и раньше об этом догадывалась, не без этого, и часто приходила в ярость. Но теперь, когда я просмотрела все свое прошлое, я не могу больше сердиться на них так, как когда-то. Поэтому я не знаю, что делать дальше.

Клара критически посмотрела на меня, отводя голову назад, чтобы видеть меня всю сразу.

— Ты не знаешь, что делать? — спросила она. — Ты сделала свое дело и обнаружила, что они не любят тебя. Прекрасно! Я не вижу, в чем здесь проблема.

Ее бесцеремонные слова расстроили меня. Я ожидала если не сочувствия, то хотя бы понимания и разумного совета.

— Проблема в том, — выразительно сказала я со слезами на глазах, — что я шокирована. Я знаю, что должна заглянуть глубже, чем вижу сейчас, но я не могу этого сделать. Я только сижу и все время думаю, что они меня ненавидели, а я любила их.

— Погоди, погоди. Разве ты сама не говорила мне раньше, что они ненавидели тебя? Я ясно помню, как...

— Да, я действительно говорила это, но тогда я не представляла себе, что могут значить эти

слова. Я действительно любила их, и своих братьев тоже. Потом я научилась презирать их, но это было намного позже. Когда я выросла. А когда я была ребенком, мне больше всего хотелось, чтобы они обратили на меня внимание и играли со мной.

— Кажется, я догадываюсь, что ты имеешь в виду, сказала Клара, кивая головой. — Давай сядем и поговорим об этом.

Мы снова сели на бревно.

— Насколько я себе представляю, твои проблемы связаны с тем, что еще ребенком ты дала какое-то обещание. Ты помнишь, что это было за обещание, Тайша? — спросила она, глядя мне прямо в глаза.

— Я не припомню никаких обещаний, — честно ответила я.

Дружеским тоном Клара сказала, что возможно, я не помню его потому, что была очень маленькой, когда его давала, или потому, что это было скорее чувство, чем обещание, сформулированное с помощью многих слов. Клара объяснила, что в раннем возрасте мы часто даем клятвы, а затем оказываемся скованными ими, хотя и не помним уже, что когда-то их дали.

— Эти минутные зарокни ограничивают нашу свободу, — сказала Клара. — Иногда мы становимся жертвой чрезмерной преданности или обязательства вечно любить кого-то, которое даем, едва осознавая это.

Она сказала, что в жизни каждого человека существуют мгновения, которых больше всего в раннем детстве, когда мы так сильно хотим чего-то, что непроизвольно сосредоточиваем на этом все свое намерение. Запрограммированное таким образом, оно остается неизменным до тех пор, пока мы не достигаем желаемого. Она развила свою мысль дальше и объяснила, что клятвы, зарокни и обещания связывают наше намерение так, что начиная со времени, когда мы их даем, наши действия, чувства и мысли оказываются направленными на осуществление того, что было решено достигнуть, или на выполнение обязательств, которые мы приняли, независимо от того, помним ли мы тот момент, когда взяли их на себя или нет.

Она посоветовала мне во время вспоминания припомнить все обещания, которые я давала в своей жизни, и особенно те из них, которые я дала в спешке, неведении или руководствуясь ошибочными суждениями. Ведь до тех пор, пока человек сознательно не выпутает из них свое намерение, он не сможет свободно выражать его в настоящем.

Я пыталась думать о том, что она мне сказала, но в моем уме царил полное смятение. Внезапно я припомнила одну сцену из своего раннего детства. Мне тогда было, наверное, лет шесть. Я хотела, чтобы мама приласкала меня, но она меня оттолкнула со словами, что я уже не маленькая и что мне лучше было бы убраться в комнате. Но младшего из моих братьев, которому было на четыре года больше, чем мне, и который был любимчиком матери, она всегда обнимала и гладила. Я боялась тогда, что не буду никогда любить и уважать никого из них. И начиная с этого дня, я, повидимому, сдерживала свое обещание и оставалась отчужденной от них.

— Если верно то, что они не любят тебя, — сказала Клара, — то значит такова твоя судьба: вырасти чужой среди родных. Прими ее! Кроме того, какое сейчас может иметь значение то, любили они тебя или нет?

Для меня это имело значение, но я не сказала Кларе об этом.

У меня тоже были проблемы, очень сходные с твоими, — продолжала она.

— Я всегда чувствовала, что у меня нет друзей, что я — толстая, несчастная девочка, но посредством вспоминания я обнаружила, что моя мать специально откармливала меня, начиная с первых дней моей жизни. Она думала, что полная, домашняя девушка никогда не покинет родительский дом, и хотела, чтобы я прислуживала ей всю жизнь.

Я была ошарашена. Это был первый случай, когда Клара рассказала мне что-то о своем прошлом.

— Я отправилась к своему учителю, который, несомненно, был величайшим из всех когда-либо существовавших учителей, и попросила дать мне совет, — продолжала она. — И он сказал: «Клара, я тебе сочувствую, но знай, что ты напрасно теряешь время, потому что тогда было тогда, а теперь есть теперь. Помни, что теперь единственное время, когда ты можешь быть свободна».

Видишь ли, я искренне считала, что мать погубила мою жизнь. Я была полной и не могла перестать есть. Мне понадобилось очень долгое время для того, чтобы понять смысл слов: Тогда было тогда, а теперь есть теперь. Помни, что теперь — единственное время, когда ты можешь быть свободна.

Клара некоторое время помолчала, будто давая возможность дойти до меня смыслу своих слов.

— У меня есть единственный шанс обрести свободу, Тайша, — сказала она, слегка подталкивая меня локтем. Теперь есть теперь.

Приближался вечер, и я начала подозревать, что не успею справиться со своей работой. Клара сказала, чтобы я сгребла листья на поляне за домом и наносила от ручья камни для того, чтобы выложить их вдоль тропинки, ведущей от огорода к внутреннему дворику. Я едва успела догresti граблями листья и поспешно выравнивала камни в две линии вдоль дорожки, когда Клара вышла из дома, чтобы посмотреть на мою работу.

— Ты побросала камни как попало, — сказала она, одним взглядом окинув тропинку. — И все еще не закончила сгребать листья. Чем ты занималась всю вторую половину дня? Снова мечтала?

К моему разочарованию несколько несвоевременных порывов ветра раздули на поляне аккуратные кучки листьев прежде, чем я успела собрать их в корзину.

— По-моему, камни лежат довольно хорошо, — сказала я в свою защиту. — А что касается листьев, что ж, кто мог знать, что ветер снова разбросает их?

— Если ставить себе целью построение совершенной вещи, тогда то, о чем ты сказала «довольно хорошо», не представляет собой ничего хорошего, — перебила меня Клара. — К настоящему времени ты уже должна была понять, что внешний вид всего, что мы делаем, реально отражает наше внутреннее состояние.

Я сказала ей, что не представляю себе, каким образом расположение тяжелых камней может быть чем-то отличным от трудной работы.

— Это лишь потому, что ты делаешь все, думая о том, как бы поскорее от этого отделаться, — упрекнула она. Она подошла к рядам камней, которые я выравнивала, и покачала головой. — Может показаться, что кто-то просто уронил здесь эти камни, не задумываясь над тем, как их следует правильно расположить.

— Начинало темнеть, и у меня просто не оставалось времени, — объяснила я.

В этот момент я не была настроена вести длинные дискуссии об эстетике и законах композиции. Кроме того, я считала, что разбираюсь в этом лучше, чем Клара, потому что в свое время посещала занятия по композиции.

— При расстановке камней важно то же, что и при занятиях кунг-фу, — сказала Клара. — Важно то, как мы это делаем, а не то, сколько мы успели сделать.

Я встряхнула кистями, чтобы расслабить уставшие пальцы.

— Ты хочешь сказать, что таскание камней — это один из способов заниматься боевыми искусствами? — удивленно спросила я.

— А что же тогда такое по-твоему кунг-фу? — задала она встречный вопрос.

Я подумала, что она пытается поймать меня на незнании элементарного, и поэтому подумала и дала ответ, который представлялся мне правильным.

— Это вид боевых искусств, представляющий собой систему приемов рукопашного боя, — уверенно заявила я.

Клара отрицательно покачала головой.

— Только спроси Тайшу, и она сразу же выдаст тебе самый прагматичный ответ, — сказала она, смеясь.

Она уселась на одно из плетеных кресел на краю внутреннего дворика, откуда открывался хороший вид на тропинку. Я развалилась в другом кресле, которое стояло рядом. Когда я устроилась удобно, положив ноги на край огромного керамического горшка, Клара начала объяснять, что понятие «кунгфу» по-китайски пишется с помощью двух иероглифов, один из которых значит «работа, сделанная на протяжении какого-то периода времени», а другой

означает «человек». Когда эти два иероглифа объединяются в одно слово, их смысл сводится к следующему: человек стремится усовершенствовать себя при помощи постоянных усилий. Она настаивала на том, что независимо от того, расставляем ли мы камни, или сгребаем листья, мы всегда выражаем в своих действиях свое внутреннее состояние.

Таким образом, совершенствовать свои действия означает совершенствовать себя, — сказала Клара. — Вот в чем подлинный смысл кунг-фу.

— Но я по-прежнему не вижу связи между расположением камней и занятиями кунг-фу, — сказала я.

— Тогда я расшифрую для тебя, что это значит, ответила Клара подчеркнуто терпеливо. — Я предложила тебе носить камни от ручья для того, чтобы ходьба вверх по крутой тропинке с дополнительным грузом способствовала развитию твоей внутренней силы. Ведь мы не просто наращиваем мускулатуру, а скорее развиваем внутреннюю энергию. Этой же цели служат и все дыхательные упражнения, которым я тебя уже обучила, и которые ты должна выполнять ежедневно. Они служат развитию твоей внутренней силы.

Я почувствовала себя виноватой. Увидев, как она посмотрела на меня, когда говорила, что я должна выполнять дыхательные упражнения ежедневно, я заключила, что она отлично знает, что я не выполняю их так методично, как это от меня требуется.

— То, чему я тебя здесь обучаю, можно было бы назвать по-китайски «нэй-кунг», или внутреннее кунг-фу, — продолжала Клара. — Внутреннее кунгфу использует контроль дыхания и циркуляцию энергии для того, чтобы укрепить тело и улучшить здоровье человека, тогда как внешнее кунг-фу, подобное тем приемам каратэ, которые ты изучала у своих японских учителей, и тем движениям, которые я показывала тебе, служит для наращивания мышц и выработки молниеносной реакции, но при этом энергия высвобождается и уходит от нас.

Клара сказала, что внутреннее кунг-фу монахи в Китае начали практиковать задолго до того, как они развили внешнее кунг-фу, или жестокие стили единоборств, которые в наши дни и известны повсеместно как кунг-фу. — Вот что ты должна понять, — продолжала Клара. Независимо от того, занимаешься ли ты боевыми искусствами или изучаешь те упражнения, которые я тебе показала, твоей целью должно быть совершенствование своего внутреннего существа с тем, чтобы оно могло выйти за пределы внешней формы и совершить абстрактный полет.

Чувство уныния нависло надо мной, как темное облако. Ко мне снова вернулось мое старое угнетенное состояние, в котором я чувствовала, что обречена на неудачу. Даже если я действительно буду делать дыхательные упражнения так, как рекомендует Клара, я никогда не смогу преуспеть настолько, чтобы хоть как-то рассчитывать на практический успех в этом начинании.

— Ты была очень терпеливой в течение всех этих месяцев, — сказала Клара, похлопав меня по щеке, словно зная, что я нуждаюсь в поддержке. — Ты ни разу не спросила меня, что означают мои постоянные намеки на то, что я обучаю тебя магии как формальной дисциплине.

Я увидела хорошую возможность выяснить то, что занимало меня еще с тех пор, когда она впервые использовала при мне это слово.

— Почему ты называешь эту формальную дисциплину магией? — спросила я.

Клара уставилась на меня. Выражение ее лица было как нельзя более серьезным.

— Трудно сказать. Я неохотно обсуждала этот вопрос раньше потому, что не хотела напугать тебя, говоря правду, или врать, чтобы удовлетворить твое любопытство, — ответила она. — Сейчас, мне кажется, все же пришло время поговорить об этом. Но прежде всего позволь мне рассказать тебе побольше о жителях древней Мексики.

Клара наклонилась ко мне и сказала тихим голосом, что люди в Мексике до вторжения в

эту страну испанцев были во многих отношениях очень похожи на древних китайцев. Общность их мировоззрения, вероятно, можно объяснить тем, что эти народы близки по происхождению. Древние мексиканцы, однако, имели небольшое преимущество перед древними китайцами, потому что мир, в котором они жили, был несколько более мимолетным, сказала она. Это заставило их внимательно присмотреться ко всем аспектам бытия и попытаться построить самый гармоничный подход к жизни. Они хотели понять вселенную, жизнь, смерть и сферу возможного для человека, рассматривая это все с позиции осознания и восприятия. Это великое стремление к познанию привело их к созданию средств, с помощью которых они могли достигать невообразимых уровней восприятия. Они оставили подробные описания этих средств и создали карты миров, которые им удалось таким образом посетить. Эта традиция передавалась из поколения в поколение, оставаясь всегда под покровом тайны.

Почти запыхавшись от восторга или, быть может, удивления, Клара закончила свой рассказ об этих древних индейцах, сказав, что они фактически были магами. Она смотрела на меня широко открытыми глазами. В сумерках ее зрачки казались огромными. Она поведала мне, что ее главный учитель, мексиканский индеец по происхождению, обладал исчерпывающими знаниями об этих средствах и передал их ей.

— Ты обучаешь меня этим методам, Клара? — сказала я, сравниваясь с ней по восторженности. — Ты говорила, что кристаллы использовались в качестве оружия древними магами, что магические приемы освящены их намерением и что вспоминание тоже было изобретено в древности. Значит ли все это, что ты обучаешь меня магии?

— Отчасти это так, — ответила Клара. — Но пока нам достаточно остановиться лишь на том, что эти средства изменения уровня восприятия являются магией.

— Почему так?

— Потому что нас интересует сейчас нечто большее, чем старинные эзотерические ритуалы и заклинания тех магов, которые жили когда-то давно. Видишь ли, мы верим в то, что эти причудливые практики и навязчивый поиск силы привел лишь к тому, что их эгоизм усилился. Этот путь ведет в тупик, потому что по нему никогда не придешь к безусловной свободе. Именно к такой свободе мы стремимся. Опасность здесь в том, что практикующий магию в наше время может слишком легко стать на ложный путь и последовать за магами древности.

— Я не стану на этот путь, — заверила я ее.

— Честное слово, не могу сейчас рассказать тебе больше, — сказала она сердито. — Но ты узнаешь больше по мере того, как будешь продвигаться дальше.

Почувствовав, что меня обманули, я отчаянно запротестовала. Я обвинила ее в том, что она сознательно дразнит мое любопытство, подсовывая мне каждый раз лишь крохи информации, которые я могу просто повертеть в уме, так ничего и не поняв. Кроме того, она постоянно обещает мне, что все это будет раскрыто мне в будущем, никогда не называя конкретного времени.

Клара не обратила никакого внимания на мой протест. Она вела себя так, словно я не произнесла ни слова. Она встала, подошла к куче камней и подняла один из них с такой легкостью, будто он был сделан из пенопласта. Некоторое время поразмыслив, как лучше его расположить, она установила его у края дорожки. Затем она разместила рядом еще два камня, каждый из которых был размером в футбольный мяч. Оставшись довольна их расположением, она отошла на несколько шагов, чтобы полюбоваться композицией. Я должна была признать, что тропинка, ведущая к огороду, гладкие серые камни и зубчатые листья растений — все это вместе выглядело очень гармонично.

— Прежде всего важна грация, с которой ты работаешь с вещами, — объяснила Клара, подбирая еще один камень. — Твое внутреннее состояние отражается в том, как ты движешься,

разговариваешь, ешь и располагаешь камни. Неважно, что ты делаешь, если в процессе работы ты продолжаешь концентрировать энергию и превращать ее в силу.

В течение некоторого времени Клара снова внимательно смотрела на дорожку, словно прикидывая, куда бы положить следующий камень, который она держала в руках. Найдя подходящее место, она мягко положила его туда и ласково похлопала ладонью.

— Как человек искусства, ты должна знать, что камни должны располагаться там, где для них самое подходящее место, — сказала она, — а не там, где тебе легче всего их уронить. Разумеется, если бы ты была наделена силой, ты могла бы ронять их как попало, и в результате каждый раз возникала бы композиция непревзойденной красоты. Подлинный смысл раскладывания камней в том, чтобы понять это.

Слушая то, что она говорила, и видя, как уродливо и беспорядочно расположены камни, которые установила вдоль тропинки я, я поняла, что снова потерпела неудачу. Сильное разочарование охватило меня.

— Клара, я — не человек искусства, — призналась я. Я — всего лишь ученик. В действительности, я лишь бывший ученик. Я ушла из художественной школы год назад. Я люблю думать, что я — художник, только и всего. На самом же деле я — ничто.

— Все мы — ничто, — напомнила мне Клара.

— Знаю, но ты — таинственное ничто, исполненное силы, тогда как я — всего лишь жалкое, глупое и ничтожное ничто. Я не могу даже разложить в одну линию груды камней. Нет никакой...

Клара зажала своей рукой мой рот.

— Не говори больше ни слова, — предупредила она. Еще раз предостерегаю тебя. Будь внимательна со всем, о чем рассуждаешь вслух в этом доме. И особенно в сумерках!

Было уже почти совсем темно, и все вокруг замерло в настолько абсолютном покое, что мне стало жутко. Птиц не было слышно. Все стихло. Даже ветер, который так раздражал меня, когда я пыталась сгрести листья, полностью унялся.

— В это время нет теней, — прошептала Клара. Давай посидим под этим деревом в темноте и посмотрим, сможешь ли ты войти в мир теней.

— погоди минутку, Клара, — сказала я громким голосом, который больше напоминал крик. — Что ты собираешься со мной делать?

Волны нервной дрожи пробежали по моему животу, и несмотря на то, что на улице было прохладно, лоб покрылся потом.

Тогда Клара прямо спросила меня, занималась ли я дыхательными упражнениями и магическими приемами, которым она меня обучила. Больше всего на свете я хотела ответить, что занималась, но это была бы ложь. На самом деле я все же немного практиковала их, ровно столько, чтобы не забыть их, потому что на большее у меня не оставалось ни времени, ни сил — воспоминание поглощало меня целиком. А вечером я чувствовала такую усталость, что не могла делать ничего, а хотела лишь упасть в постель и уснуть.

— Ты не занималась ими регулярно, ведь если бы это было не так, ты не была бы сейчас в таком плачевном состоянии, — сказала Клара, наклоняясь ко мне. — Ты дрожишь, как осиновый лист. Есть один секрет, касающийся тех упражнений и приемов, которые я тебе показала. Их эффективность зависит от знания этого секрета.

— Какой это секрет? — спросила я, заикаясь.

Клара легонько похлопала меня по голове.

— Ими нужно заниматься каждый день. В противном случае они бесполезны. Ты ведь не можешь представить свою жизнь без еды или питья? А упражнения, которые я показала тебе, даже более важны, чем еда и питье.

Она добилась своего. Я втихомолку поклялась, что каждый вечер перед тем, как ложиться спать, я буду делать их, и кроме того, повторять каждое утро после пробуждения до ухода в пещеру.

— У человеческого тела есть вспомогательная энергетическая система, которая начинает действовать, когда мы находимся в состоянии стресса, — объяснила Клара. А стресс случается тогда, когда мы в чем-то доходим до крайности. Примером может послужить твое теперешнее состояние, когда ты очень сильно обеспокоена собой и своими возможностями. Вот почему одним из фундаментальных принципов искусства быть свободной является необходимость избегать крайностей.

Она сказала, что движения, которым она обучила меня, будь то дыхательные упражнения или магические приемы, важны потому, что воздействуют непосредственно на эту резервную энергетическую систему. Они считаются незаменимыми средствами для развития энергетического тела, потому что позволяют по резервным каналам подводить к нему дополнительную энергию. Затем, когда снова приходит время действовать, вместо того, чтобы чувствовать себя энергетически истощенными после стресса, мы становимся сильнее и ощущаем прилив энергии, которая может быть использована для осуществления необычных действий.

— А сейчас, прежде чем заняться миром теней, я покажу тебе еще два незаменимых магических приема, которые объединяют в себе дыхание и движение, — продолжала она. — Повторяй их каждый день, и ты не просто перестанешь болеть и уставать, но и получишь большое количество энергии, которую можно будет использовать для того, чтобы твое намеревание стало более действенным.

— Чтобы что стало более действенным?

— Твое намеревание, — повторила Клара. — Намерение, с помощью которого ты можешь достичь успеха в любом начинании. Помнишь?

Она взяла меня за плечи и повернула так, что я оказалась сидящей лицом к северу.

— Это движение особенно важно для тебя, Тайша, потому что твои легкие ослаблены из-за того, что ты очень много плачешь, — сказала она. — За все предыдущие годы жалобы на свою жизнь, конечно же, сказались на твоих легких.

Ее утверждение привлекло мое внимание. Я видела, как она развела немного колени и лодыжки, приняв стойку, которая в боевых искусствах называется «стойкой всадника», потому что ноги в этой стойке напоминают положение ног у человека, скачущего на лошади. Они стоят на ширине плеч, немного разведены в стороны и согнуты. Указательный палец левой руки был направлен вниз, тогда как остальные пальцы были согнуты во втором суставе. Начиная вдох, она плавно, но уверенно повернула голову вправо, насколько это было возможно. Одновременно с этим она описала круг левой рукой, вращая ее в плечевом суставе, начиная с подъема ее перед собой, затем над головой и заканчивая движением руки за спиной до упора ладонью в копчик. При этом правая рука перемещалась на уровне талии за спину и расположилась так, что правый кулак прижался к оттопыренному запястью левой руки, лежащей ладонью на копчике.

С помощью правого кулака она подтолкнула левую руку вверх вдоль позвоночника, тогда как согнутый локоть при этом торчал вбок, и вдох закончился. Затем она досчитала до семи, задержав дыхание, а потом расслабила левую руку, возвращая ее вниз на копчик и снова вращая ею, на этот раз в обратном направлении так, что, пройдя над головой, она остановилась, накрыв ладонью лобковую кость. Одновременно с этим она обвела правой рукой вокруг талии вперед и поместила кулак правой руки на левую, а затем толкала левую руку вверх по животу, заканчивая при этом выдох.

— Повтори это движение вначале левой рукой, а затем сделай все то же симметрично для правой руки, — сказала она. — Так тебе удастся привести в равновесие обе стороны тела.

В качестве демонстрации она проделала то же движение, поменяв руки ролями, и поворачивая на этот раз голову влево.

— Теперь попробуй ты, Тайша, — сказала она, отступая в сторону, чтобы освободить пространство для вращения моей руки.

Я точно повторила ее движения. Когда я вела левую руку назад, я почувствовала неприятное напряжение вдоль нижней части моей вытянутой руки, которое распространилось от самых пальцев до подмышки.

— Расслабься и дай возможность энергии вдоха течь через руку и вытекать через кончик указательного пальца, — посоветовала она. — Держи указательный палец вытянутым, а остальные пальцы согнутыми. Таким образом ты сможешь сделать протекание энергии по каналам вдоль руки беспрепятственным.

Боль становилась все сильнее, когда я поднимала согнутую руку вверх вдоль позвоночника. Клара заметила гримасу боли у меня на лице.

— Не толкай руку слишком сильно, — предупредила она, — или ты растянешь себе сухожилия. И не напрягай плечи, когда толкаешь ее вверх.

Выполнив движение еще и правой рукой, я почувствовала жжение в мышцах бедер от продолжительного стояния в позе всадника. Несмотря на то, что я стояла в этой стойке каждый день, занимаясь кунг-фу, казалось, что мои ноги вибрируют так, словно по ним течет электрический ток. Клара велела мне стать ровно и встряхнуть ногами для того, чтобы избавиться от напряжения.

Клара подчеркнула, что этот магический прием, в котором объединены дыхание и движение рук, способствует перемещению энергии к органам, находящимся в груди, что активизирует их. Этот прием воздействует на глубинные, фундаментальные центры, которые редко вступают в действие. Вращение головой способствует лучшей работе желез, находящихся в шее, а также открывает энергетические каналы, идущие к затылку. Она объяснила, что если эти центры удастся пробудить и наполнить энергией, получаемой в процессе дыхания, они помогут открыть такие тайны, которые нам и не снились.

— Для того, чтобы проделать следующий магический прием, — сказала Клара, — стань так, чтобы ноги были вместе и смотри прямо перед собой, будто стоишь перед дверью, которую собираешься открыть.

Клара велела мне протянуть руки на уровень глаз и согнуть пальцы так, словно я взялась за ручку невидимой двери, которая отъезжает в сторону, образуя отверстие в середине.

— Ты будешь таким образом открывать не что иное, как щель в энергетических линиях мира, — объяснила она. — Представь себе эти линии как жестко натянутые вертикальные струны, которые стеной стоят перед тобой. А потом зажми в руке пучок этих волокон и дерни их в сторону изо всей силы. Оттягивай их до тех пор, пока не образуется отверстие, в которое ты сможешь протиснуться.

Она сказала мне, что как только я сделаю эту дыру, я должна ступить в нее левой ногой, а затем быстро повернуться вокруг этой ноги на сто восемьдесят градусов против часовой стрелки и стоять лицом в ту сторону, от которой я начала движение. Вследствие такого поворота энергетические волокна, которые я раздвинула, намотаются на меня.

Для того, чтобы вернуться, сказала она, я должна вновь отодвинуть линии, оттягивая их в сторону так же, как и раньше, затем ступить обратно правой ногой и тут же повернуться на сто восемьдесят градусов по часовой стрелке, как только я сделаю этот шаг. Таким образом я выпутаю себя из энергетических линий и снова буду смотреть в том же направлении, что и в начале этого магического приема.

— Это один из самых могущественных и таинственных магических приемов, —

предостерегла Клара. — С его помощью мы можем открывать двери в иные миры, при условии, разумеется, что у нас в запасе имеется достаточно внутренней энергии, и мы можем понять намерение этого приема.

Ее серьезный тон и выражение лица заставили меня смутиться. Я не знала, что и ожидать, если мне вдруг удастся открыть дверь в невидимый мир. Резким голосом она дала мне последние указания.

— Когда тыходишь, — сказала она, — твое тело должно быть устойчивым, тяжелым и напряженным. Но как только ты оказалась внутри, ты начинаешь чувствовать себя легко, как пушинка, словно что-то тебя поднимает вверх. Пересекая отверстие, резко выдохни, а затем медленно и глубоко вдохни, до предела заполняя свое тело энергией из того мира.

Несколько раз я повторила движения этого приема, а Клара наблюдала за мной. Но создавалось впечатление, что я просто выполняю физические упражнения: я не чувствовала энергетических линий, образующих перегородку, о которой говорила Клара.

— Ты не стараешься открыть дверь достаточно настойчиво, — поправила она меня. — Используй и свою внутреннюю энергию, а не только силу мышц. Шагая вперед, выдохни застойный воздух и втяни живот. Оказавшись внутри, дыши столько, сколько хочешь, но все время будь начеку. Не оставайся там дольше, чем нужно.

Я сконцентрировала всю свою силу и рванула воздух рукой. Клара, стоявшая сзади, держала меня за предплечье и яростно дернула его в сторону. В то же мгновение я почувствовала, будто передо мной открылась какая-то плавающая дверь. Я ринулась в нее, или, лучше будет сказать, что это Клара сильно толкнула меня вперед. Я вспомнила, что нужно повернуться и глубоко вдохнуть, но на мгновение я забеспокоилась, что не буду знать, когда мне нужно будет выходить обратно. Клара почувствовала это, и сказала мне, когда прекратить дышать и шагнуть обратно.

— Когда ты будешь практиковать этот прием одна, сказала Клара, — ты научишься выполнять его правильно. Но будь внимательна. Когда ты вошла в отверстие, может случиться все что угодно. Помни, что нужно быть осторожной и в то же время смелой.

— Но как мне понять, что там есть что? — спросила я.

Клара пожала плечами.

— Некоторое время разобраться с этим тебе будет довольно трудно. К несчастью, предусмотрительность приходит к нам только после нескольких хороших переделок.

Она сказала, что осторожность без трусости появляется тогда, когда мы оказываемся способными контролировать свою внутреннюю энергию и направлять ее в резервные каналы с тем, чтобы быть в состоянии пользоваться ею для неординарных действий.

— Имея в своем распоряжении достаточное количество внутренней энергии, можно совершить все что угодно, сказала Клара, — но прежде всего нам нужно научиться накапливать и обновлять ее. Поэтому давай позанимаемся еще некоторыми из тех магических приемов, которые мы разучили, и посмотрим заодно, сможешь ли ты быть осмотрительной и не бояться, входя в мир теней.

Я ощутила прилив энергии, которая вначале пришла в движение небольшими кругами у меня в животе. Сначала я подумала, что это так дает о себе знать мой страх, но я совсем не чувствовала себя испуганной. Было похоже на то, что какая-то безличностная сила, не зависящая от желаний и чувств, воздействовала на меня изнутри, выливаясь оттуда наружу. По мере ее подъема верхняя часть моего туловища непроизвольно вздрагивала.

Клара вышла в центр внутреннего дворика, я последовала за ней. Она начала делать некоторые магические приемы, двигаясь настолько медленно, чтобы я успевала повторять их.

— Закрой глаза, — прошептала она. — Когда глаза закрыты, тебе легче использовать для поддержания равновесия энергетические линии, которые проходят везде вокруг нас.

Я закрыла глаза и начала двигаться вслед за Кларой. Следуя командам, которые она подавала, я без труда изменяла положение тела, но мне было попрежнему трудно поддерживать равновесие. Я знала, что это происходит потому, что я изо всех сил пытаюсь делать правильные движения. Это напоминало ситуацию, когда я впервые попробовала ходить с закрытыми глазами и все время спотыкалась, потому что больше всего старалась ни за что не зацепиться. Однако постепенно мое желание двигаться безупречно пошло на убыль, и от этого тело стало легким и гибким. Продолжая выполнять приемы, я настолько расслабилась, что почувствовала, будто у меня нет ни костей, ни суставов. Когда я поднимала руки вверх, мне казалось, что я могу вытянуть их до верхушек деревьев. Когда я подгибала колени и приближала центр тяжести тела к земле, по моим ногам вверх устремлялся поток энергии. Возникло впечатление, что у меня выросли корни. Энергетические линии тянулись из подошв глубоко в землю, придавая мне невообразимую устойчивость. Постепенно грань между моим телом и окружающей средой растворилась. С каждым новым приемом, который я выполняла, мне все больше казалось, что я растаяла и слилась с темнотой. Так продолжалось до тех пор, пока эта темнота не начала двигаться и дышать независимо от меня.

Я могла слышать, как Клара дышит рядом со мной, делая те же самые приемы. С закрытыми глазами я чувствовала, в каком положении она находится. Внезапно произошла странная перемена. Я осознала, что у меня в голове включился свет. Но, посмотрев вверх, я поняла, что в действительности этот свет вовсе не находился внутри меня. Он приходил с верхушек деревьев, словно там среди ночной тьмы зажгли щит с электрическими прожекторами, который освещает большой стадион под открытым небом. Я без труда увидела Клару, все, что находилось во двореке, и все, что было за его пределами.

Этот свет был очень необычного цвета. Я все никак не могла решить, какой он: розоватый, красноватый, персикового цвета или бледнотерракотовый. Иногда казалось, что он изменяет свой оттенок в зависимости от того, куда я смотрю.

— Не двигай головой, — сказала Клара, внимательно глядя на меня. — И продолжай держать глаза закрытыми. Сосредоточься на дыхании.

Я не понимала, зачем она велела мне продолжать держать глаза закрытыми, ведь она видела, что они у меня широко раскрыты. Я продолжала определять оттенок этого цвета, потому что у меня создалось впечатление, что он меняется, когда я поворачиваю голову. Его яркость также менялась в зависимости от того, насколько сосредоточено я смотрела. Я так увлеклась изучением этого сияния вокруг меня, что выбилась из ритма дыхания. Потом свет потух точно так же неожиданно, как и зажегся, и я снова оказалась в крошечной тьме.

— Пошли на кухню и подогреем себе немного риса, сказала Клара, слегка подталкивая меня локтем.

Я заколебалась, чувствуя себя потерявшей ориентацию в каком-то незнакомом месте. Мое тело стало таким тяжелым, что я подумала о том, не лучше ли будет, если я сяду.

— Теперь можешь открыть глаза, — сказала Клара.

Я не помню, когда еще мне было так трудно открыть глаза, как в этот момент. Мне казалось, что для этого понадобится целая вечность, потому что, как только мне удавалось немножко их приоткрыть, они сразу же закрывались вновь. Это открывание и закрывание, по-видимому, продолжалось очень долго, пока Клара, наконец, не встряхнула меня за плечи.

— Тайша, открывай глаза! — скомандовала она. Или ты не можешь отважиться посмотреть на меня? Ты меня слышишь?!

Я встряхнула головой, чтобы прийти в себя, и глаза тут же широко открылись. Вокруг была непроглядная темнота, но лунного света, пробивавшегося через листву, было достаточно, чтобы разглядеть силуэт Клары. Мы сидели во внутреннем двореке на плетеных креслах под

деревьями.

— Как я оказалась здесь? — спросила я, постепенно начиная понимать, что происходит.

— Ты сама подошла сюда и села, — ответила Клара вполне серьезно.

— Но что случилось? Совсем недавно здесь было настолько светло! Я могла отчетливо видеть все вокруг.

— Случилось так, что ты вошла в мир теней, — торжественно произнесла Клара. — По ритму твоего дыхания я поняла, что ты там. Но я не хотела пугать тебя, предлагая посмотреть на свою тень. Если бы ты обратила на нее внимание, ты бы заметила, что...

Я тут же поняла, на что намекает Клара.

— Теней не было! — вырвалось у меня. — Свет был, но ничто не отбрасывало тень!

Клара утвердительно кивнула.

— Сегодня вечером ты открыла нечто, обладающее подлинной ценностью, Тайша. В иных мирах не бывает теней!

После восьми с лишним месяцев упорных занятий воспоминанием я уже могла уделять этой практике весь день от начала до конца, не раздражаясь и не отвлекаясь. Однажды, когда я визуализировала здание, в котором училась в год окончания колледжа, а также аудитории в нем и своих преподавателей, я так увлеклась, что начала разговаривать вслух, проходя в воображении между рядами и обращаясь то к одному, то к другому из своих товарищей по учебе.

— Когда ты разговариваешь вслух, ты не можешь правильно дышать, — произнес рядом со мной мужской голос.

От неожиданности я ударилась головой о стену пещерки. Я открыла глаза. Образ аудитории медленно растворился в моем воображении, когда я повернулась в сторону отверстия, которое служило входом и выходом из пещерки. Я увидела, что напротив отверстия сидит на корточках мужчина. Я сразу же узнала в нем великого мага, которого видела когда-то утром на поляне среди холмов. На нем были те же ветровка и брюки, но на этот раз я разглядела его профиль: заметно выступающий нос и слегка покаты́й лоб.

— Не смотри на меня удивленно, — услышала я слова великого мага. Его голос был тихим и звучал как ручей, журчащий по гальке. — Если хочешь узнать больше о дыхании, оставайся спокойной и уравновешенной.

Я сделала несколько глубоких вдохов, и его присутствие перестало пугать меня. Я даже почувствовала облегчение оттого, что наконец-то с ним познакомилась. Он сел на землю скрестив ноги возле входа в пещеру и наклонился точно так же, как это делала Клара.

— Твои движения слишком резки, — сказал он тихим бархатистым голосом.

— Дыши так.

Он сделал глубокий вдох, плавно поворачивая голову влево. Затем выдохнул весь воздух, так же легко поворачивая голову вправо. И наконец повернул голову от правого плеча к левому и в обратном направлении еще раз, теперь уже без дыхания, а потом снова вернул ее к центру. Я повторила за ним вдох и выдох, стараясь делать их так же плавно и глубоко, как и он.

— Это уже лучше, — сказал он. — Во время выдоха выбрасывай из головы все мысли и чувства, которые прорабатываешь. И не просто поворачивай голову с помощью мышц шеи, а сопровождай ее движение движением невидимых энергетических линий, тянущихся из живота. Когда тебе удастся проникнуть этими волокнами в окружающее пространство, можешь считать, что одна из целей воспоминания достигнута.

Он объяснил, что под самым пупком находится энергетический центр, и что все движения тела, включая и дыхание, должны осуществляться в связи с этим средоточием энергии. Он отметил, что я должна синхронизировать движение головы и живота для того, чтобы невидимые энергетические линии протянулись до бесконечности.

— Эти линии составляют часть моего тела, или я их просто себе воображаю? — спросила я. Он немного изменил свое положение на земле, прежде чем ответил мне.

— Эти невидимые линии являются частью твоего тонкого тела, твоего дубля, двойника, — ответил он. — Чем больше энергии тебе удастся пропустить с помощью манипуляций с этими линиями, тем сильнее станет твой двойник.

— Но я хотела узнать, реальны ли они, или существуют лишь в нашем воображении?

— Когда восприятие расширяется, ничто больше не является реальным или мнимым, — сказал он. — Существует одно лишь воспринимаемое. Закрой глаза и убедись в этом сама.

Но я не хотела закрывать глаза. Мне хотелось видеть, что он будет делать, если это будут какие-то резкие движения. Однако мое тело стало вялым и тяжелым, а глаза начали слипаться,

несмотря на то, что я изо всех сил старалась держать их открытыми.

— Что такое дубль? — успела вымолвить я, прежде чем меня сковало сонное оцепенение.

— Это хороший вопрос, — ответил он. — Он свидетельствует о том, что какая-то часть тебя по-прежнему бодрствует и внимательна.

Я ощутила, как он глубоко вдохнул, раздувая свою грудь.

— Физическое тело — это лишь оболочка, сосуд, если хочешь знать, — произнес он после медленного выдоха. Сосредоточиваясь на своем дыхании, ты можешь растворить свое грубое тело, и тогда останется лишь тонкое, эфирное.

Он поправил себя, сказав, что в действительности физическое тело не растворяется, а изменяется лишь наше осознание, и мы начинаем понимать, что на самом деле физическое тело никогда не было грубым. Это понимание представляет собой противоположность того, что мы узнавали по мере взросления. Будучи младенцем, человек полностью осознает своего двойника, но по мере того, как он подрастает, он привыкает делать все больший акцент на физической стороне, и все меньший — на тонкой. Став взрослым, он полностью забывает даже о том, что тонкая сторона вообще существует.

— Тонкое тело — это энергетический сгусток, — объяснил он, — но мы осознаем лишь его внешнюю, затвердевшую часть. Но если мы позволяем своему намерению проникнуть вглубь, мы начинаем осознавать свою тонкую составляющую.

Он подчеркнул, что наше физическое тело неразрывно связано со своей тонкой сущностью, но эта связь была замутнена нашими мыслями и чувствами, которые сосредоточены исключительно на физическом теле. Для того, чтобы переместить осознание с грубой видимости на ее неосознательную составляющую, мы прежде всего должны растворить грань, которая разделяет эти два аспекта нашего существа.

Я собиралась спросить его, как это можно осуществить, но обнаружила, что не могу выразить вслух свои мысли.

— Устранить предрассудки нам помогает воспоминание, — сказал он, отвечая на мой незадачный вопрос. — Но для того, чтобы осознать дубль, нужно проявить ловкость и усердие. Уже сейчас ты в какой-то мере пользуешься своей тонкой частью. Ты наполовину спишь, но какая-то часть тебя бодрствует и внимательна. Она может слышать меня и ощущать мое присутствие.

Он предостерег меня, что с освобождением энергии, заключенной в нас, связана немалая опасность, потому что двойник раним и легко может пострадать в процессе перевода осознания на уровень тонких сущностей.

— Ты можешь нечаянно создать отверстие в эфирной сети и потерять через него огромное количество энергии, предупредил он меня. — А эта энергия бесценна, потому что дает нам возможность поддерживать определенный уровень ясности в нашей жизни и определенную степень контроля над ней.

— Что такое эта эфирная сеть? — промямлила я как бы сквозь сон.

— Эфирная сеть — это свечение, которое окружает физическое тело, — объяснил он. — У обычных людей эта энергетическая паутина оказывается разорванной в куски. Огромные ее части оказываются потерянными или запутываются в энергетических оболочках других людей. Если человек лишается очень большой ее части, он заболевает или умирает.

Его голос так хорошо убаюкал меня, что я начала дышать животом, как во сне. Я прислонилась к стенке пещеры, но не ощущала ее твердости.

— Дыхание оказывает воздействие как на физический, так и на тонкий уровень, — объяснил он. — Оно помогает заживлять прорехи в эфирной сети и поддерживает ее в жизнеспособном виде.

Я хотела спросить что-то о своих занятиях воспоминанием, но не могла найти нужных слов: все они были так далеко! Но он снова ответил на этот вопрос, хотя я его и не задала.

— Вот чем ты занималась в течение нескольких месяцев в процессе вспоминания. Ты возвращаешь в свою эфирную сеть те ее фрагменты, которые были утеряны или увязли в других энергетических образованиях в процессе твоей жизни в прошлом. Пересматривая свою связь с прошлым, ты притягиваешь к себе все то, что разбросала в течение двадцати лет в тысячах различных мест.

Я хотела спросить его, имеет ли двойник какую-то определенную форму и цвет. Я подумала об аурах. Но он не отвечал. После продолжительного молчания усилием воли я открыла глаза и увидела, что сижу в пещерке одна. Я напрягла зрение, глядя через тьму на свет, который сиял возле входа в пещеру, там, где я его видела. Я подозревала, что он отошел в сторону и где-то неподалеку ждал, пока я вылезу наружу. Но когда я присмотрелась, я заметила, что на ярком фоне дневного света выделяется яркое светящееся пятно, которое парит в воздухе на расстоянии двух футов от меня. Видение испугало меня, но в то же время я была так очарована, что не могла оторвать от него глаз. У меня подспудно присутствовало ощущение, что этот свет живой, сознательный и знающий о том, что я за ним наблюдаю. Внезапно размер сияющей сферы удвоился, и вокруг нее появилось ярко-красное светящееся кольцо.

От страха я закрыла глаза руками в надежде, что вскоре свет исчезнет и я смогу выбраться из пещерки, не проходя сквозь него. Сердце сильно стучало у меня в груди, и на теле выступил пот. Во рту у меня пересохло, а внутри все сжалось. Когда я открыла глаза в следующий раз, света больше не было. Я была склонна считать, что все это был сон, потому что я довольно часто дремала во время занятий воспоминанием. Но воспоминание о великом маге и всем, что он сказал, было так ярко, что я была почти уверена, что все это произошло наяву.

Я осторожно выбралась из пещерки, обулась и бросилась бежать к дому. Клара стояла у двери, словно поджидая меня. Запыхавшись, я выпалила ей, что только что либо разговаривала с великим магом, либо он мне очень ярко приснился. Она улыбнулась и едва заметно кивнула в сторону кресла. Мой рот от удивления открылся. Он сидел здесь. Это был тот же самый мужчина, который разговаривал со мной несколько минут назад в пещере, но на этот раз он был одет в другую одежду. На нем был серый свитер с застежкой на пуговицах и без воротника, спортивная футболка и аккуратные брюки.

Он был намного старше, чем я думала, но в то же время и намного более энергичен. Я не могла определить его возраст — ему могло быть и сорок, и семьдесят. Создавалось впечатление, что он необычайно силен, но не сутулый и не полный. Его волосы были темного цвета, и он был похож на индейца. У него был большой нос, красивый рот, широкий подбородок и сверкающие черные глаза, которые смотрели так же внимательно, как и тогда, в пещере. Все эти черты подчеркивали густые, переливающиеся седые волосы. Его волосы производили очень странное впечатление: они не превращали его в старика, как это обычно происходит, если у человека седая голова. Я помню, каким пожилым выглядел мой отец, когда его волосы стали седыми, и он старался всячески сделать их незаметными, то подкрашивая, то пряча под шляпу. Но все было напрасно, потому что старость была написана на его лице, на руках и на всем теле.

— Тайша, я хочу тебя представить. Это м-р Джон Мишель Абельяр, — сказала мне Клара.

Мужчина вежливо встал и протянул мне руку.

— Очень рад с тобой познакомиться, Тайша, — произнес он на прекрасном английском, пожимая мне руку.

Я хотела было спросить его, что он здесь делает, когда он успел переодеться и был ли он на самом деле несколько минут назад возле пещеры. Дюжина других вопросов вспыхнула у меня в уме, но я была слишком шокирована и смущена, чтобы что-нибудь спрашивать. Я напустила на

себя спокойный вид, будто ничуть не была взволнована. Я отметила, что он прекрасно владеет английским и очень понятно рассказывал мне обо всем возле пещеры.

— Приятно, что ты говоришь это, — сказал он с обезоруживающей улыбкой. — Однако не удивительно, что я хорошо говорю по-английски. Я индеец яки, но родился в Аризоне.

— Вы живете здесь в Мексике, м-р Абеляр? — несмело спросила я.

— Да. Я живу в этом доме, — ответил он. — Я живу здесь вместе с Кларой.

И он взглянул на Клару так, что я могла бы описать этот взгляд лишь как исполненный глубокого обожания. Я не знала, что мне и думать. Я чувствовала себя неловко, смущенно по какой-то непонятной причине.

— Мы — не муж и жена, — сказала Клара, как будто для того, чтобы я перестала стесняться, и они оба громко засмеялись.

Вместо того, чтобы перестать чувствовать себя неловко, от этого смеха я стала еще более мнительна. Но вдруг смятение еще больше усилилось, когда я осознала, какое чувство владело мной: это была ревность в чистом виде. Вследствие какого-то необъяснимого собственнического импульса я считала, что он принадлежит мне. Мне пришлось скрывать свое смущение, поскорее задав какие-то тривиальные вопросы.

— Вы давно живете в Мексике?

— Да, — ответил он.

И не собираетесь возвращаться в Соединенные Штаты?

Он остановил меня своим сильным взглядом, улыбнулся и сказал обаятельным голосом:

— Все это не имеет никакого значения, Тайша. Почему бы тебе не спросить меня о чем-нибудь из того, что мы обсуждали в пещере? Тебе было что-то непонятно?

Клара предложила нам сесть. Мы с ней уселись на диване, а м-р Абеляр — на плетеном кресле. Я спросила его, не расскажет ли он что-нибудь еще о двойнике. Это понятие интересовало меня чрезвычайно.

— Некоторые люди являются хозяевами своего дубля, — начал он. — Они могут не просто осознавать его, но и приводить его в действие. Однако большинство из нас не имеет даже представления о том, что двойник существует.

— А что двойник может делать? — спросила я.

— Все, что мы захотим. Он может перепрыгивать через деревья или летать по воздуху, становиться большим или маленьким, либо даже принимать очертания животного. Еще он может осознавать мысли других людей и переноситься на большие расстояния в мгновение ока.

— Он может даже действовать так, как личность, перебила его Клара, глядя прямо мне в глаза. — Если ты умеешь с ним обращаться, ты можешь предстать перед кем-то в другой стране и поговорить с ним так, будто ты действительно находишься там.

М-р Абеляр утвердительно кивнул.

В пещере ты могла осознать мое присутствие с помощью своего двойника. И только когда проснулся твой рассудок, ты засомневалась в том, реальны ли были твои переживания.

— Я в этом по-прежнему сомневаюсь, — сказала я. Действительно ли вы были там?

— Конечно же, был, — ответил он, прищурясь, — в такой же мере, в какой сейчас я нахожусь здесь.

На какое-то мгновение я задумалась, не снится ли мне все это. Но мой рассудок твердил, что это невозможно. Чтобы еще раз в этом убедиться, я потрогала стол. Он был твердым.

— Как вы сделали это? — спросила я, откинувшись на спинку дивана.

М-р Абеляр какое-то время сидел молча, словно подбирая слова.

— Я оставил физическое тело и слился с двойником, сказал он. — Если мы связываем свое сознание с двойником, мы оказываемся за пределами сферы действия физических законов.

Лучше будет даже сказать, что мы подчиняемся воздействию только тонких сил. Но до тех пор, пока осознание ограничено физическим телом, наши движения ограничены силой тяжести и другими препятствиями.

Я так и не поняла значило ли то, что он говорил, что он может находиться в двух местах сразу. Казалось, он почувствовал мое непонимание.

— Клара говорила мне, что ты интересуешься боевыми: искусствами, — сказал м-р Абеляр. — Различие между обычным учеником и мастером кунг-фу в том, что последний умеет управлять своим тонким телом.

— Мои учителя говорили это мне когда-то, — сказала я. — Они утверждали, что боевые искусства развивают и тонкую сторону тела, но я все никак не могла понять, что они имеют в виду.

— Они вероятно хотели сказать, что когда атакует опытный каратэист, он поражает уязвимые места тонкого тела врага, — сказал он. — Поражающим фактором при этом является не физическая сила, а отверстие, которое он пробивает в эфирном теле противника. Через это отверстие он может оказать силовое воздействие на эфирную сеть, в результате чего она будет сильно повреждена. Человек может получить то, что со стороны иногда кажется легким ударом, но это воздействие может по истечении нескольких часов или даже дней оказаться смертельным.

— Все это так, — согласилась Клара. — Не давай возможности внешним движениям и тому, что ты видишь, ввести себя в заблуждение. Роль играет лишь то, чего ты не видишь.

От своих учителей каратэ я часто слышала подобные вещи. Но всякий раз, когда я спрашивала их, как совершить подобный трюк, они не могли внятно объяснить это мне. Тогда я думала, что это было связано с тем, что они были японцами и не могли выразить такие тонкие мысли на английском языке. Вот теперь и м-р Абеляр, который владел английским исключительно хорошо, говорил мне нечто подобное, но я по-прежнему не могла понять, что он имеет в виду, когда говорит о тонком теле, или двойнике, и как можно получить доступ к его таинственным возможностям.

Я заинтересовалась, не является ли м-р Абеляр мастером боевых искусств, но прежде чем я успела его об этом спросить, он продолжил:

— Настоящие мастера боевых искусств — насколько я знаю их по описаниям Клары, которая прошла курс обучения разным стилям единоборств в Китае, — стремятся достичь возможности управлять своим тонким телом, сказал он. — Двойник при этом подчиняется не интеллекту, а намерению. Не существует никакой возможности понять это рационально или хотя бы подумать об этом. Это можно лишь почувствовать, потому что двойник подсоединен к светящимся энергетическим линиям, которые пронизывают всю вселенную. — Он коснулся своей головы и поднял руку над собой. — Так, например, энергетическая линия, которая выходит из макушки головы, сообщает ему о направлении движения и цели действий. Эта линия растягивается и уносит двойника туда, куда он желает попасть. Если он хочет подняться вверх, все, что ему нужно сделать, — это выразить намерение двигаться вверх. Если он желает погрузиться в землю, ему нужно лишь выразить соответствующее намерение. Все в действительности так просто.

Затем Клара спросила меня, помню ли я то, что она говорила мне в саду в тот день, когда мы занимались вдыханием солнечной энергии. Она тогда отметила, что макушка головы всегда должна быть защищена. Я ответила, что хорошо помню об этом и не выходила с тех пор из дома без шляпы. Потом она спросила меня, понятно ли мне то, что говорит м-р Абеляр. Я сказала, что без труда понимаю его объяснения, хотя мне и не до конца ясны некоторые понятия, которыми он пользуется. Это звучит парадоксально, но я обнаружила, что он говорил непостижимые для

интеллекта, но вполне разумные и понятные на каком-то другом уровне вещи. Клара одобрительно кивнула и отметила, что так происходит потому, что он обращается к той части моего существа, которую нельзя по праву назвать рациональной, ведь она способна постигать все вещи непосредственно, особенно если о них говорит маг.

Клара говорила правду. В поведении м-ра Абеляра было что-то такое, что располагало меня к спокойствию даже больше, чем Клара. Это была не его манера выражаться вежливо и тихо, а что-то в выражении его глаз. Его глубокий взгляд заставлял меня внимательно выслушивать его объяснения, несмотря на то, что с рациональной точки зрения они казались мне бессмысленными. Я снова и снова замечала, что задаю ему вопросы так, как будто прекрасно понимаю, о чем идет речь.

— А я смогу когда-нибудь добраться до своего тонкого тела? — спросила я у м-ра Абеляра.

— Все зависит от того, захочешь ли ты этого.

Его слова посеяли во мне сомнения. В ходе воспоминания я неоднократно убеждалась, что я самодовольна и труслива и что моя первая реакция на все беспокоящее и опасное состоит в том, чтобы избегать этого. Но во мне также жило сильное любопытство. Я стремилась пройти через необычные переживания, что подтверждают и слова Клары о том, что я несомненно обладаю бесстрашием и дерзостью.

— Мне очень интересно узнать, что такое двойник, сказала я, — стало быть, я определенно хочу почувствовать его.

— Любой ценой?

— Любой, за исключением продажи своего тела, — сказала я неловко.

Услышав это, они так залились смехом, что я подумала, не закончится ли это тем, что они будут кататься по полу. Я говорила искренне, потому что, по правде говоря, не была уверена, нет ли у них в связи со мной каких-то тайных планов. Будто прочитав мои мысли, м-р Абеляр сказал, что пришло время познакомить меня с некоторыми законами их мира. Он выпрямился, и лицо его приняло серьезное выражение.

— Перипетии отношений мужчин и женщин нас не интересуют, — сказал он.

— Это значит, что нам нет никакого дела до морали человеческого общества, отсутствия таковой или наличия аморальности. Вся наша энергия направляется на исследование новых путей.

— Можете ли вы привести мне пример нового пути, м-р Абеляр? — спросила я.

— Разумеется, могу. Что ты скажешь о том, чем ты сейчас занимаешься, о воспоминании? Уже сам факт, что я сейчас разговариваю с тобой, связан с тем, что благодаря своим занятиям ты накопила достаточно энергии для того, чтобы выйти за пределы некоторых физических ограничений. Ты уже видела, хотя, возможно, это длилось лишь мгновения, то, что нельзя понять рационально, потому что его нет у нас на складе, как выражается Клара.

— Мой склад содержит странные вещи, — предупредила я его. — Просмотрев свое прошлое в ходе воспоминания, я убедилась, что когда-то была сумасшедшей. На самом деле я и сейчас не совсем в своем уме. Подтверждением этому может служить то, что я здесь, и то, что я не могу сказать, во сне мы сейчас разговариваем или наяву.

Едва я это произнесла, как они оба опять разразились хохотом, словно смотрели телепередачу, в которой комик только что выдал очередную остроту.

— Я прекрасно знаю, насколько ты в своем уме, сказал м-р Абеляр с оттенком понимания в голосе. — Но твое сумасшествие не связано с тем, что ты здесь с нами. Более того, со времени твоего появления здесь, что бы ты сама об этом ни думала, я уверяю тебя, что ты *индульгировала*^[3] не так много, как в прошлом. Откровенно говоря, кое-что из того, что, по словам Клары, ты уже делала, например, посещение мира теней — в действительности не

является ни индульгированием, ни сумасшествием. Это был новый путь, нечто неназванное и невообразимое с точки зрения обычного мира.

Затем последовало продолжительное молчание, от которого я неловко заерзала. Мне хотелось сказать что-нибудь, чтобы нарушить беспокоящую тишину, но ничего подходящего не приходило мне в голову. Мое положение усугубилось тем, что м-р Абеляр все время искоса поглядывал на меня. Затем он шепнул что-то Кларе, и они вместе тихо засмеялись, что окончательно вывело меня из равновесия, потому что я не сомневалась ни на мгновение, что они насмеются надо мной.

— Ты даже не представляешь себе, как высоко мы ценим твое согласие быть здесь с нами, — сказал м-р Абеляр совершенно неожиданно для меня. — Мы находим тебя забавной, потому что ты так эксцентрична. Вскоре ты познакомишься с одной особой из нашей группы, которая так же эксцентрична, как и ты, хотя она намного старше тебя. Когда мы смотрим на тебя, мы вспоминаем, как она выглядела в молодости. Вот почему мы смеемся. Прости ню, пожалуйста.

Я терпеть не могла, когда надо мной смеются, но ее извинение было таким искренним, что я тут же принял его. М-р Абеляр вновь пустился рассуждать о двойнике так словно ничего другого и не было сказано.

— По мере того, как мы отказываемся от идей, которые запирают нас в физическом теле, — сказал он, — наше сознание начинает смещаться в сторону тонких сущностей, что происходит постепенно или внезапно. Для того, чтобы способствовать этому переходу, наш физический аспект должен оставаться в полном покое, будто погруженный в глубокий сон. Трудность здесь в том, чтобы убедить тело начать сотрудничать, потому что оно редко по своей воле отказывается от власти над ним.

— Как же тогда мне стать независимой от тела? — спросила я.

— Нужно его перехитрить, — ответил он. — Ты даешь своему телу возможность чувствовать себя погруженным в глубокий сон. Ты преднамеренно успокаиваешь его, смещая сознание на другой уровень. Когда твои тело и ум успокаиваются, двойник просыпается и берет контроль над происходящим в свои руки.

— Кажется, я не до конца понимаю вас, — сказала я.

— Не разыгрывай здесь роль адвоката дьявола, Тайша, — оборвала меня Клара. — Для этого у тебя есть достаточно времени в пещере. Знай, что уже сам факт, что ты смогла увидеть нагваля, свидетельствует о твоей способности пользоваться двойником. Ведь ты тогда спала и бодрствовала одновременно.

Мое внимание привлекло слово, которым Клара назвала м-ра Абеляра. Она сказала, что он — «нагваль». Я спросила ее, что означает это слово.

— Джон Мишель Абеляр — это нагваль, — гордо сказала она. — Он — мой наставник, источник моей жизни и благополучия. Напрягай воображение как хочешь, ты не сможешь понять, в каком смысле он является моим мужчиной, и все же я люблю его больше всех на свете. Когда он станет таким же и для тебя, тогда он будет и твоим нагвалем тоже. А пока он для тебя просто м-р Абеляр или даже Джон Мишель.

М-р Абеляр засмеялся так, словно Клара говорила это все шутя, но она смотрела на меня столь выразительно, что я поняла, что она говорила чистую правду.

Последовавшее за этим молчание прервал м-р Абеляр.

— Для того, чтобы привести в действие тонкое тело, ты должна прежде всего открыть некоторые центры своего тела, которые работают подобно воротам, — продолжал он. Когда все эти центры открыты, двойник может выйти из своей защитной оболочки. В противном случае он навсегда останется заключенным в этой грубой скорлупе.

Он попросил Клару достать из шкафчика коврик. Затем он расстелил его на полу и попросил меня лечь на него лицом вверх, вытянув руки вдоль туловища.

— Что вы собираетесь со мной делать? — подозрительно спросила я.

— Не то, что ты думаешь, — резко ответил он.

Клара захихикала.

— Тайша не на шутку боится мужчин, — объяснила она м-ру Абеляру.

— Тем хуже для нее, — сказал он, от чего моя неловкость стала просто неопишуемой.

Затем, повернувшись лицом ко мне, он объяснил, что хотел показать мне простой метод перевода осознания с физического тела на эфирную сеть, которая его окружает.

— Ляг и закрой глаза, но не засыпай, — велел он.

Я сделала так, как он сказал, чувствуя не только смущение, но и уязвимость от того, что лежу перед ним на полу. Он наклонился надо мной и заговорил тихим голосом.

— Вообрази себе энергетические линии, которые выходят повсюду из твоего тела, начиная с ног, — сказал он.

— А что если я не могу этого сделать?

— Если захочешь, то сможешь, — сказал он. — Напряги все свои силы для того, чтобы с помощью намерения воссоздать их существование.

Он объяснил мне, что в действительности моя задача состояла не просто в том, чтобы вообразить себе эти волокна, а в том, чтобы совершить магический акт вытягивания их из тела, начиная с пальцев ноги и доходя до макушки головы. Он сказал также, что я должна чувствовать, как из подошв исходят линии, которые затем огибают снизу тело и возвращаются в него на затылке. Кроме того, я должна чувствовать линии, идущие из лба поверх моего тела к ногам. Все они образуют что-то наподобие кокона из светящейся энергии, внутри которого находится тело.

— Воображай линии до тех пор, пока не почувствуешь, что можешь покинуть физическое тело и по собственной воле сосредоточивать внимание на светящейся эфирной сети, — сказал он. — После некоторой практики ты сможешь одним поворотом мысли воссоздавать эту сеть в воображении и сознавать ее столько, сколько нужно.

Я пыталась расслабиться. Его голос успокаивал. Влияние этого голоса было гипнотизирующим. По временам казалось, что он звучал рядом со мной, а иногда доносился откуда-то издалека. Он предупредил меня, что если в теле где-то были места, в которых сеть ощущалась запутанной, туго натянутой, или ее линии расплывались, в этом месте мое тело было ослаблено или повреждено.

— Ты можешь излечить эти места, если дашь возможность своему двойнику восстановить в этих местах эфирную сеть, — сказал он.

— Как мне сделать это?

— С помощью намерения, но без всяких мыслей, ответил он. — Воспользуйся намерением, которое находится на более глубоком уровне, чем мысли. Внимательно прислушайся и поищи его под мыслями, вдали от них. В действительности намерение пребывает так далеко от мыслей, что мы ничего не можем сказать о нем. Мы не можем даже почувствовать его. Но несомненно то, что мы можем использовать его.

Однако я даже представить себе не могла, как мне пользоваться намерением. М-р Абеляр сказал, что у меня не должно возникнуть особых затруднений с воображением сети, потому что в течение нескольких месяцев, сама того не подозревая, я укрепляла отдельные ее линии в ходе воспоминания. Он отметил, что начинать следует с сосредоточения внимания на дыхании. Казалось, прошли часы, в течение которых я, должно быть, раз или два начинала дремать, прежде чем мне удалось почувствовать покалывающее тепло в ногах и голове. Это тепло распространялось вокруг меня, образуя вытянутую оболочку вокруг тела.

Тихим голосом м-р Абеляр напомнил мне, что я должна сосредоточить внимание на тепле, которое струится внутри моего тела, затем попытаться вытолкнуть его наружу и дать ему возможность расшириться.

Я сосредоточивала внимание на дыхании до тех пор, пока все напряжение не исчезло. Когда я расслабилась еще больше, покалывающее тепло потекло по мне без всяких усилий с моей стороны. Ничто не исходило из меня наружу, ничто не расширялось. Наоборот, тепло сконцентрировалось внутри, и мне показалось, что я лежу на парящем в пространстве гигантском шаре. На мгновение меня охватил ужас, и я начала задыхаться. Затем что-то внутри одержало верх и начало дышать независимо от меня. Волны убаюкивающей энергии окружали меня, то накатывая на меня, то удаляясь куда-то до тех пор, пока я не перестала осознавать, потому что все вокруг погрузилось во тьму.

Я проснулась оттого, что услышала, как Клара просит меня сесть. На то, чтобы ответить, мне потребовалось довольно много времени, во-первых, потому что я все никак не могла понять, где нахожусь, а во-вторых, потому что у меня занемели ноги. Увидев, что у меня возникли затруднения, Клара взяла меня под руки и посадила, а затем подложила под спину несколько подушек, чтобы я могла сидеть без ее помощи. Я увидела, что сижу на кровати и одета в ночную рубашку. По свету в комнате можно было понять, что уже далеко за полдень.

— Что случилось? — пробормотала я. — Я что, проспала всю ночь?

— Да, — ответила Клара. — Я очень беспокоилась о тебе. Ты вошла в глубокий тупик восприятия. Ничто не могло до тебя достучаться. Поэтому мы решили дать тебе возможность спать в нем до тех пор, пока ты сама не проснешься.

Я наклонилась и принялась растирать ноги, пока ощущение покалывания не прекратилось. Я все еще чувствовала слабость и какое-то странное раздражение.

— Ты должна говорить, рассказывать мне все, что с тобой происходило, до тех пор, пока полностью не придешь в себя, — сказала Клара самым категоричным тоном, который я от нее когда-либо слышала. — Это одна из тех ситуаций, когда тебе полезно разговаривать.

— Но мне не хочется ничего рассказывать, — сказала я, плюхаясь обратно на подушку. Тело покрылось холодным потом, а конечности казались резиновыми — я едва могла шевелить ими.

— М-р Абеляр сделал что-то со мной?

— Если и сделал, то тогда, когда я не видела, — ответила Клара, весело посмеиваясь своей собственной шутке.

Она взяла мои руки в свои и потерла их внешние стороны, стараясь взбодрить меня.

Но мне было не до смеха.

— Что на самом деле случилось, Клара? — настаивала я. — Я не помню ничего.

Она удобно устроилась на краю кровати.

— Твоя первая встреча с нагвалем не совсем пошла тебе на пользу, — сказала Клара. — Ты еще слишком слаба, вот и все. Но я не хочу, чтобы ты думала об этом, потому что тебя так легко лишить уверенности в себе. Кроме того, я не хочу, чтобы ты читала между строк, как ты любишь делать, и приходила к неправильным выводам.

— Как я могу читать между строк, если я совсем не представляю, что происходит? — спросила я, стуча зубами.

— Думаю, что это ты всегда можешь, — сказала Клара со вздохом. — Ты умеешь делать выводы исключительно быстро. Но, к сожалению, неправильные. И при этом неважно, что ты не представляешь себе, что происходит, ведь тебе ничего не стоит решить, что ты представляешь это.

Мне пришлось признать, что я очень не любила двусмысленных ситуаций. Они всегда ставили меня в невыгодное положение. Мне всегда хотелось знать, что происходит, чтобы вовремя принять меры в случае возникновения нежелательных обстоятельств.

— Твоя мать сделала из тебя идеальную женщину, сказала Клара. — Наблюдая лишь детали обстоятельств, идеальные женщины узнают все, что им нужно знать, особенно если речь идет о мужчине. Они могут прогнозировать его самые незначительные желания. Они всегда замечают изменения в его настроении, потому что верят, что оно связано с чем-то сказанным или сделанным женщиной. В итоге у них создается впечатление, что они могут дать мужчине все, что тому нужно.

Понаблюдав за собой в ходе занятий воспоминанием, я должна была, к своему огорчению,

признать, что Клара права — я веду себя точно так же снова и снова. Пришлось признать, что воспитали меня прекрасно. Стоило только отцу вздохнуть, подать знак взглядом или тоном своих слов, и я уже точно знала, чего он хочет или о чем подумал. То же самое касалось и братьев. Они приучили меня реагировать на малейший намек со своей стороны. Но еще хуже было то, что, как только мне приходило в голову, что я мужчине не нравлюсь, я делала все от меня зависящее для того, чтобы угодить ему.

Клара легко толкнула меня локтем, будто для того, чтобы привлечь к себе мое внимание.

— Если бы мы с тобой вчера вечером были вдвоем, ты бы не залетела так далеко, — сказала она, улыбаясь самой неприятной улыбкой.

— На что ты намекаешь, Клара? Что я нахожу м-ра Абеяра привлекательным?

— Именно так. Когда поблизости появляется мужчина, ты сразу же преображаешься. Ты становишься женщиной, которая готова сделать все для того, чтобы привлечь его внимание, включая и потерю сознания.

— Позволь мне с тобой не согласиться, — сказала я. Я вовсе не пыталась заигрывать с м-ром Абеяром.

— Задумайся! Не пытайся сейчас выгораживать себя, — ответила Клара. — Я не нападаю на тебя. Я просто указываю тебе на то, что сама когда-то чувствовала и делала.

В глубине души я знала, о чем говорит Клара. М-р Абеяр был так необычайно обаятелен, что несмотря на его возраст, он показался мне очень привлекательным. Однако я предпочла этого не признавать ни перед собой, ни перед Кларой. Я почувствовала облегчение, когда Клара сменила тему разговора.

— Я тебя прекрасно понимаю, потому что у меня был свой Джон Мишель Абеяр, — сказала она. — Это был нагваль Хулиан Грау, самый красивый и галантный мужчина, который когда-либо жил на свете. Он был очарователен, дерзок и забавен. Он просто незабываем. Все обожали его, включая и Джона Мишеля, и всех остальных членов моей семьи. Мы все готовы были целовать землю, по которой он прошел.

Когда я слушала, как Клара восторгается своим учителем, мне пришло в голову, что это, наверное, потому, что она слишком много времени провела на Востоке. Меня всегда смущало то, каким нелепым поклонением ученики окружают своего учителя каратэ, или сэнсэя. Они тоже буквально целовали землю, по которой он прошел, почтительно кланяясь до самой земли всякий раз, когда наставник входил в комнату. Я не сказала об этом Кларе, хотя и чувствовала, что она слишком унижается сама, окружая таким почитанием своего учителя.

— Нагваль Хулиан обучил нас всему, что мы знаем, продолжала она, не заметив моих размышлений. — Он посвятил свою жизнь тому, что указывал нам путь к свободе. Он специально наставлял нагваля Джона Мишеля Абеяра, что позволило тому стать новым нагвалем.

— Ты хочешь сказать, что нагвали подобны королям? — спросила я ее, желая напомнить ей об опасности и неразумности такого сильного преклонения.

— Нет, совсем не похожи. У нагвалей вообще нет чувства собственной важности, — сказала она. — И именно по этой причине мы можем поклоняться им, ничем не рискуя.

— Я имела в виду другое, Клара. Они получают свою должность по наследству? — быстро поправила я себя.

— О, да! Они получают свою должность именно по наследству, но не как короли. Для того, чтобы взойти на престол, нужно быть сыном короля. Но для того, чтобы стать нагвалем, нужно, чтобы человека отметил дух. Ведь если дух не изберет его, он ни при каких условиях не может быть лидером. Начать с того, что нагваль — это личность с особой энергией. Но даже обладая этой энергией, человек может реально стать нагвалем только в том случае, если его обучат

всему тому, что должен знать нагваль.

Я внимательно слушала Клару, но ее объяснение, каким-то непонятным образом смущало меня. Поразмыслив немного, я поняла: меня тревожило то, что она сказала, что избрать нагваля должен дух.

— Как дух решает, кого ему выбрать? — спросила я.

Клара покачала головой.

— Это, моя дорогая Тайша, тайна всех тайн, — сказала она тихо. — Нагваль может либо выполнить миссию, возложенную на него духом, либо потерпеть жалкое поражение.

Я подумала о м-ре Абеляре и о том, какую миссию возложил на него дух. Я вспомнила также о том, что когда-то он, возможно, станет и моим нагвалем.

— Кстати, где сейчас м-р Абеляр? — спросила я, стараясь сделать это так, чтобы мой вопрос прозвучал как бы невзначай.

— Он отбыл вчера вечером, когда увидел, что ты выбыла из строя.

— А он вернется?

— Конечно. Ведь он живет здесь.

— Где, Клара? В левой части дома?

— Да. Сейчас он находится там. Но не в этот конкретный момент, — поправились она, — не теперь. Иногда он живет со мной в правом крыле дома. Я о нем забочусь.

Я почувствовала такой сильный прилив ревности, что откуда-то ко мне хлынула энергия.

— Ты говорила, что он не является твоим мужем, Клара? — спросила я.

Моя щека нервно подергивалась.

Клара смеялась так сильно, что повалилась спиной на кровать, будучи не в силах больше сидеть.

— Нагваль Джон Мишель Абеляр вышел за пределы всего того, что свойственно обычному мужчине, — завершила она меня, снова садясь.

— Что ты имеешь в виду, Клара?

— Я имею в виду, что он не является больше обычным человеком. Но я не могу объяснить всего этого тебе, потому что мне не хватает мастерства, а ты еще не можешь понять. Насколько я понимаю, нагваль потому и дал тебе те магические кристаллы, что я не способна тебе объяснить все, что нужно.

— Ты неспособна, Клара? Ты выражаешься очень понятно.

— В таком случае, это ты не можешь правильно понять.

— Но это нелепо, Клара.

— Почему же тогда я никак не могу растолковать тебе, кто мы, и что мы от тебя хотим?

Я несколько раз глубоко вдохнула для того, чтобы расслабить нервное напряжение в животе.

— И что же вы от меня хотите? — спросила я Клару, снова поддаваясь панике.

— Мне очень трудно объяснить тебе это, — начала она. — Очевидно, что мы с тобой принадлежим одной и той же традиции. Ты являешься неотъемлемой частью того, что представляем собой мы. Поэтому мы обязаны обучать тебя.

— Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы»? Себя и м-ра Абеяра?

На мгновение Клара задумалась, словно выбирая нужные слова.

— Как я уже говорила, нас больше, чем двое, ответила она. — Фактически я даже не являюсь твоим учителем. И Джон Мишель тоже не является им. Это кто-то другой.

— Погоди, погоди, Клара. Ты снова вводишь меня в заблуждение. Кто этот другой человек, о котором ты только что упомянула?

— Это женщина, очень похожая на тебя, но старше тебя и намного сильнее. А я для тебя —

все равно что швейцар. Я ответственна лишь за то, чтобы дать тебе возможность накопить достаточное количество энергии с помощью вспоминания и тем самым подготовить тебя к встрече с этой женщиной. И поверь мне, ее присутствие будет для тебя еще более сокрушительны, чем присутствие нагваля.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, Клара. Ты считаешь, что она опасна и может причинить мне вред?

— Здесь мы сталкиваемся с затруднением, которое дает о себе знать, когда я пытаюсь ответить на твои вопросы, сказала Клара. — Ты меня не понимаешь потому, что между нами существует лишь поверхностная связь. Ты задаешь мне вопрос, ожидая получить однозначный ответ, который удовлетворит тебя, а я даю тебе ответ, который удовлетворяет меня, а тебя сбивает с толку. Поэтому я советую тебе либо ни о чем меня не спрашивать, либо не приходить в смятение от моих ответов.

Я хотела узнать больше о м-ре Абеляре и этой другой женщине, а также об их планах в отношении меня, поэтому с надеждой, что Клара мне все об этом расскажет, я пообещала, что начиная с этого времени буду рассудительной и не стану нервничать и тревожиться, когда услышу от нее что-то непонятное.

— Прекрасно. Давай посмотрим, как ты воспримешь это, — сказала Клара с видом ученого, приступающего к очередному эксперименту. — Я напому тебе, о чем нагваль говорил тебе вчера вечером, прежде чем ты потеряла сознание. Но поскольку я не мужчина, несомненно, что ты будешь реагировать на это не так, как тогда, когда об этом говорил нагваль. Возможно, ты даже дослушаешь меня до конца.

— Но я не помню ничего из того, что он говорил мне, когда я заснула на коврике, — запротестовала я.

Она сделала паузу и посмотрела на меня, пытаясь заметить на моем лице следы тревоги или волнения. Затем она покачала головой, словно что-то заметила, хотя я изо всех сил пыталась выглядеть спокойной и внимательной и даже улыбнулась, чтобы развеять ее подозрения.

— Он рассказал тебе обо всех существах, которые проживают в этом доме, — начала Клара. — Он сказал тебе, что все они являются магами, включая и Манфреда.

Когда она упомянула о Манфреде, внутри меня что-то екнуло.

— Так я и знала — выпалила я, не задумываясь.

Мысль, что Манфред является магом, показалась мне вполне достоверной, хотя я не имела ни малейшего представления о том, почему это должно быть так. Я сказала Кларе, что однажды чуть было сама так не подумала, хотя и не совсем ясно представляю себе, что такое маг.

— Неправда, представляешь, — заверила меня Клара, широко улыбаясь.

— А я говорю тебе, что нет.

Клара посмотрела на меня с недоверием.

— Ты уверена, что не помнишь ничего из объяснений нагваля?

— Нет. Я действительно не помню этого.

— Для нас маг — это тот, кто с помощью настойчивых целенаправленных занятий выходит за пределы обычного восприятия, — сказала Клара так, будто давала формальное определение.

— Ну, это ничего не проясняет, — сказала я. — Как может Манфред делать все это?

Казалось, она радуется моему непониманию.

— Вижу, что ты снова запуталась, Тайша. Я ведь говорю не об одном лишь Манфреде. Ты все никак не можешь взять в толк, что все мы в этом доме маги. Не только нагваль, Манфред и я, но и те четырнадцать человек, которых ты еще не видела. Все мы — маги, абстрактные существа. Если ты хочешь считать магию занятием, которое сводится к выполнению ритуалов или приготовлению волшебных снадобий, — я могу сказать, что такие конкретные маги

действительно существуют, но в этом доме ты их не встретишь.

Было очевидно, что до сих пор мы с ней рассуждали о разных вещах. Я говорила о Манфреде, а она — о людях, которых я никогда в глаза не видела. И только теперь, когда она сказала мне об этом прямо, я вдруг осознала, что Клара, м-р Абельяр и все эти невидимые другие люди, о которых они то и дело упоминали, являются магами. Вместо того, чтобы о чем-то спрашивать, я припомнила ее совет и решила лучше промолчать.

Она продолжила рассказ о том, что абстрактные маги достигают освобождения с помощью расширения диапазона своего восприятия, тогда как конкретные маги, к которым относятся последователи магических традиций древней Мексики, преследуют лишь эгоистические цели, увеличивая при этом чувство собственной важности.

— А что, собственно, плохого в эгоистических делах? — спросила я, отпив немного воды из стакана, стоящего на прикроватном столике.

— Ну вот, Тайша начинает защищать конкретных магов, — сказала она, сочувственно посмотрев на меня. — Не удивительно, что нагваль дал тебе те заостренные кристаллы.

Невзирая на свое обещание оставаться спокойной, я занервничала, как только она упомянула о кристаллах. В животе у меня начались такие бурные процессы, что я заподозрила, что подхватила где-то кишечную инфекцию.

— Мне кажется, что я едва ли смогу объяснить тебе, что мы делаем, но еще труднее мне донести до тебя то, почему мы это делаем, — сказала Клара.

— Такие ответы может дать только учитель.

— Мой учитель?

— Ты меня не слушаешь, Тайша. Я уже сказала тебе, что у тебя есть учитель. Ты не встретила с ней лишь потому, что у тебя недостаточно энергии. Для встречи с ней нужно в десять раз больше энергии, чем для этой встречи с нагвалем, после которой ты все еще не можешь прийти в себя. Ты выглядишь болезненно бледной.

— Мне кажется, что я подхватила какую-то инфекцию, — сказала я, снова чувствуя головокружение.

Клара покачала головой.

— Ты подхватила тяжелый случай индальгирования, — сказала она, и после паузы продолжила:

— Нагваль также может объяснить тебе все что нужно. Но проблема в том, что ты считаешь его мужчиной, и если он говорит с тобой больше чем несколько минут, так и знай, что в тебе проснется твоя женская натура. Вот почему твой учитель должен быть женщиной.

— Не кажется ли тебе, что ты преувеличиваешь роль всего, что касается отношений мужчины и женщины? — спросила я, пытаясь встать с кровати.

Я чувствовала сильную слабость, и ноги мои дрожали. Комната начала вращаться вокруг меня, и я чуть было не потеряла сознание. Но Клара сразу же ухватила меня за руку.

— Вскоре ты сама разберешься, преувеличиваю я или нет, — сказала она.

— Давай выйдем на улицу и сядем в тени деревьев. Быть может, свежий воздух благотворно подействует на тебя.

Она помогла мне одеть длинную куртку и какие-то штаны и повела меня, как инвалида, во внутренний дворик за домом.

Мы уселись на соломенных матах под огромным сапотовым деревом, которое бросало тень почти на весь дворик. Я спросила Клару, можно ли мне съесть плод этого дерева. Она заставила меня замолчать, сказав:

— Бери и ешь, но не говори об этом.

Я так и сделала, но вскоре почувствовала себя виноватой, словно чемто обидела дерево.

Мы сидели в тишине, слушая как ветер шелестит листьями. Здесь было прохладно и спокойно, и я почувствовала, что усталость и неловкость покидают меня. Через некоторое время из-за дома вышел Манфред. Он приплелся оттуда, где возле дома ему была отведена комнатка, вход в которую был закрыт панелью на шарнирах — толкая ее, он мог заходить и выходить, когда ему хотелось. Он подошел ко мне и принялся лизать мне руку. Я посмотрела в его грустные глаза и поняла, что мы с ним — близкие друзья. Будто повинуюсь невысказанному приглашению, он взгромоздился мне на колени. Я начала гладить его мягкую шелковистую шерсть и почувствовала огромную теплоту по отношению к нему. Меня охватила необъяснимая нежность, и я наклонилась к нему и обняла его. Следующее, что я помню, было то, что я заплакала, потому что мне стало очень жаль его.

— Где твои кристаллы? — требовательным голосом спросила Клара.

Ее резкий тон вернул меня к реальности.

— В комнате, — ответила я, отпуская Манфреда и вытирая глаза рукавом куртки.

Он быстро взглянул на Кларино лицо, на котором ясно читалось неодобрение, спрыгнул с моих колен и уселся под ближайшим деревом по другую сторону дорожки.

— Ты должна всегда носить их с собой, — строго сказала она. — Как ты уже знаешь, оружие, подобное этим кристаллам, не имеет ничего общего с войной или миром. Можешь быть какой угодно пацифисткой, но все же ты будешь нуждаться в оружии. На самом деле тебе оно нужно именно сейчас для борьбы с врагом.

— У меня нет врагов, Клара, — сказала я, тяжело вздохнув. — Никто даже не знает, жива ли я еще.

Клара наклонилась ко мне.

— Нагваль дал тебе эти кристаллы для того, чтобы ты уничтожила своих врагов, — сказала она тихо. — Если бы они сейчас были здесь, ты бы сделала несколько магических приемов, которые помогли бы тебе избавиться от этого наплыва жалости к себе.

— Я и не думала жаловаться на свою судьбу, — сказала я, защищаясь. — Мне было жаль несчастного Манфреда.

Клара засмеялась и покачала головой.

— Манфреда жалеть не стоит. Какую бы форму он не принимал, он — воин. А жалость к себе — это то, что живет внутри тебя и проявляет себя поразному. Вот сейчас ты назвала ее «жалостью к несчастному Манфреду».

У меня на глазах вновь выступили слезы, потому что на фоне пугающей меня обстановки я опять почувствовала, как во мне дал знать о себе огромный океан жалости, относящийся исключительно ко мне самой. Я уже достаточно занималась воспоминанием, чтобы понять, что я переняла эту реакцию у своей матери, которая жаловалась на свою жизнь каждый день, сколько я ее помню. Поскольку она очень редко проявляла при мне какие-то другие эмоции, эту я сама переняла у нее.

— Ты должна держать кристаллы между пальцами как оружие и повторять свои магические приемы, сосредоточивая внимание на сердце своего врага, которым в данном случае является чувство собственной важности, пробивающееся к тебе под видом жалости к себе, морального негодования или праведной грусти, — продолжала Клара.

Я только смотрела на нее в смятении. Она заговорила вновь, обвиняя меня в слабости и неустойчивости, вследствие которых я сдаю, как только ощущаю на себе малейшее давление. Но больше всего меня уязвило то, что она сказала, что все эти месяцы воспоминание проходило у меня неэффективно, потому что это были всего лишь поверхностные фантазии. Ведь, по ее словам, я занималась лишь тем, что ностальгически припоминала удачи своего безупречного «я» и лелеяла жалость к себе, когда встречала воспоминания о не столь уж безупречном его

поведении.

Я не могла понять, зачем ей понадобилось так жестоко нападать на меня. Скоро в ушах у меня загудело и я почувствовала прилив ярости. Я безудержно разрыдалась, ненавидя себя за то, что позволила Кларе нанести мне такой сокрушительный эмоциональный удар. Я слышала ее слова так, будто они приходят ко мне издалека. Она говорила:

— ...чувство собственной важности, отсутствие целеустремленности, неконтролируемое честолюбие, недальновидная чувственность, трусость. Список врагов, которые стремятся помешать твоему полету к свободе, бесконечен, и ты должна быть беспощадна в борьбе с ними.

Попросив меня успокоиться, она сказала, что просто пыталась показать мне, что наши мнения и чувства являются нашими подлинными врагами и что они не менее опасны, чем какой-нибудь вооруженный до зубов бандит, которого мы можем встретить на большой дороге.

— Нагваль дал тебе эти кристаллы с тем, чтобы ты выровняла свою энергию, — объяснила она. — Они творят чудеса во всем, что касается сосредоточения нашего внимания и удерживания его на одном объекте. Это качество всех кварцевых кристаллов вообще и особое намерение этих кристаллов в частности. Для того, чтобы подключиться к этому намерению, тебе нужно просто выполнять магические приемы, не выпуская их из рук.

Мне и впрямь захотелось, чтобы кристаллы сейчас были здесь со мной. Но поскольку их не было, я посмотрела в сочувственно поблескивающие глаза Манфреда. Мне пришла в голову мысль, что они отражают свет точно так же, как и кристаллы кварца. На какое-то мгновение его взгляд задержался на мне, и непонятная безусловная уверенность наполнила мое сознание. Я поняла, что Манфред является магом, который следовал традиции древних магов, в результате чего его дух каким-то образом оказался заключенным в тело собаки. Как только я подумала об этом, Манфред резко пролаял, словно подтверждая мою мысль.

Я спросила себя, не Манфред ли нашел эти кристаллы для меня в какойто далекой пещере и привел туда нагваля точно так же, как он показал мне прекрасное место на холмах, с которого лучше всего был виден дом и прилегающая к нему местность.

— Когда-то ты спрашивала меня, откуда я так много знаю о кристаллах, — отозвалась Клара, перебивая мои размышления. — Тогда я не могла тебе ответить, потому что в то время ты еще не была знакома с нагвалем. Но теперь, после того, как я представила ему тебя, я могу сказать тебе, что... — она глубоко вздохнула и наклонилась ко мне. — Мы принадлежим к той же древней традиции, что и маги прошлого. Мы унаследовали от них все их эзотерические ритуалы и заклинания, но не хотим пускать их в дело, хотя и знаем все об их использовании.

— Манфред — это один из древних магов! — воскликнула я с нескрываемым восхищением, забыв о том, что не поведала ей ничего о своих предыдущих мыслях. Клара посмотрела на меня так, словно хотела убедиться, что я в своем уме, а затем засмеялась так неудержимо, что наш разговор не мог больше продолжаться. Я услышала, как Манфред лает так, будто тоже смеется. Я почувствовала себя, как безнадежная идиотка. Клара и слушать не захотела ничего о том, как блестяли глаза у Манфреда.

— Я всегда говорила тебе, что ты медлительна и совсем не догадлива, но ты мне не верила, — пожурила она. — Но не переживай, никто из нас не является очень уж догадливым. Все мы невежественны, глупы и похожи на узколобых обезьян. Она похлопала меня по голове, чтобы до меня дошло как следует. Мне не нравилось, что меня называют узколобой обезьяной, но я была так восхищена своим открытием, что пропустила это замечание мимо ушей.

— У нагваля есть много других оснований для того, чтобы дать тебе эти кристаллы, — продолжила Клара, но будет лучше, если об этом он расскажет тебе сам. Единственное, что я знаю наверняка, — это то, что тебе следует сшить для них мешочки.

— Какой мешочек?

— Небольшой кисет из того материала, который, по твоему мнению, лучше всего подходит. Можешь использовать для этой цели замшу, войлок, пике или даже дерево, если так подсказывает тебе внутреннее чутье.

— А из чего ты сделала свой мешочек, Клара?

— Я никогда не получала никаких кристаллов, ответила она, — но когда-то в юности я одно время пользовалась ими.

— Ты говоришь о себе так, словно ты — старуха. Но мне кажется, что за время нашего знакомства ты даже помолодела.

— Для того, чтобы создать видимость этой внешности, я делаю очень много магических приемов, — сказала она, по-детски отдаваясь смеху. — Маги только то и делают, что творят видимости. Взгляни, например, на Манфреда.

Услышав свое имя, Манфред поднял голову, оставаясь лежать под своим деревом, и пристально посмотрел на нас. У меня появилось странное чувство, что он точно знает, что мы разговариваем о нем, и не желает пропустить ни одного нашего слова.

— А что Манфред? — спросила я, неосознанно понижая голос.

— Глядя на него, можно поклясться, что это собака, сказала шепотом Клара. — Но он достаточно силен, чтобы творить иллюзии. — Она толкнула меня локтем и подмигнула, как заговорщик. — Видишь ли, на самом деле ты права, Тайша. Манфред — это совсем не собака.

Я не могла понять, добивается ли она моего согласия по этому поводу ради Манфреда, который, несомненно, слушал наш разговор, потому что даже привстал для этого, или же она действительно говорит правду о том, что Манфред — вовсе не собака. Прежде чем я смогла определить, в чем смысл ее слов, из дома донесся резкий шум, услышав который, Клара и Манфред бросились в его направлении. Я хотела последовать за ними, но Клара повернулась ко мне и резко сказала:

— Останься здесь. Я вернусь очень скоро.

Она побежала в дом, а Манфред последовал за ней по пятам.

Шли недели, за ними месяцы. Но я не обращала на время совсем никакого внимания. Клара, Манфред и я жили вместе в идеальной гармонии. Клара перестала оскорблять меня, а может быть, это я перестала обижаться. Все время я проводила в занятиях воспоминанием и кунг-фу с Кларой и Манфредом, который при своем весе в сотню фунтов был довольно серьезным противником. Я неоднократно убеждалась в том, что удар его головы ничуть не слабее удара кулаком призера соревнований.

Меня беспокоило лишь одно противоречие, которое мне все никак не удавалось разрешить. Хотя Клара и настаивала на том, что уровень моей энергии неуклонно возрастает, о чем можно было судить, в частности, по тому, что я теперь могла разговаривать с Манфредом, я была убеждена в обратном: я медленно, но верно захожу в тупик.

Всякий раз, когда мы с Манфредом оставались одни, мной овладевало неопишное чувство расположения к нему. Я просто обожала его. Именно это чувство слепой любви послужило мне мостом, по которому я могла временами проникать в его мысли и настроения. Я поняла, что чувства у Манфреда просты и непосредственны, как у ребенка. Он мог переживать счастье, тревогу, гордость за какой-нибудь свой поступок, или страх, который мог мгновенно перейти в ярость. Но больше всего мне нравились в нем его смелость и способность к состраданию. Я чувствовала, что он действительно сожалеет о том, что Клара похожа на лягушку. В отношении своей смелости Манфред был уникален. Это была смелость развитого сознания, которое видит свои ограничения. Уже только это в Манфреде было совершенно непонятно для меня. Но было очевидно, что никто не смог бы выносить одиночество так, как он, не обладая этой непревзойденной смелостью.

Однажды во второй половине дня, вернувшись из пещеры, я присела отдохнуть в тени сапотового дерева. Манфред подошел, лег мне на колени и тут же уснул. Слушал его мерное похрапывание и чувствуя его теплую тяжесть у себя на коленях, я тоже стала засыпать. Я, наверное, уснула, потому что внезапно проснулась и поняла, что видела сон, в котором спорила со своей матерью о серебряных вещах. Во сне я настаивала на том, что после ополаскивания их не следует сразу же прятать в шкаф. Проснувшись, я увидела, что рядом стоит м-р Абеляр и смотрит на меня яростным холодным взглядом. Этот взгляд, его поза, аккуратность его одежды и сосредоточенность, с которой он на меня взирал, создали у меня впечатление, что на меня смотрит орел. Его вид вселил в меня благоговейный страх.

— Что случилось? — спросила я.

Температура воздуха и яркость неба изменились. Было уже почти темно, вечерние тени лежали на земле.

— А случилось вот что: Манфред привязался к тебе и высасывает из тебя энергию, как вампир, — сказал он, широко улыбаясь. — То же самое он делал и со мной. Между вами, кажется, установились довольно близкие взаимоотношения. Попробуй называть его зарии, и мы посмотрим, рассердится он или нет.

— Нет, я не могу сделать этого, — ответила я, поглаживая Манфреда по голове. — Он красив и одинок, но никак не напоминает ж-а-б-у.

Мне показалось нелепым то, что я произнесла это слово по буквам, но что-то во мне не желало произносить это слово, чтобы не обидеть Манфреда.

— Жабы тоже красивы и одиноки, — сказал м-р Абеляр, сверкая глазами.

Подстегиваемая внезапным любопытством, я наклонилась над Манфредом и прошептала ему на ухо: «Сапито!» Я сказала это так доброжелательно, что Манфред только зевнул, делая

вид, что ему наскучили мои комплименты.

М-р Абеляр засмеялся.

— Пошли в дом, — сказал он, — а то он истощит всю твою энергию. И кроме того, там теплее.

Я столкнула Манфреда со своих колен и последовала за м-ром Абеляром внутрь дома. Я села в гостиной, приняв очень формальную позу, потому что чувствовала себя очень неловко, оставшись наедине с мужчиной в темном пустом доме. Он зажег керосиновую лампу, а затем сел на диван на почтительном расстоянии от меня и произнес:

— Насколько я понимаю, ты хотела задать мне какие-то вопросы. Сейчас как раз подходящее время для этого, поэтому давай, я жду.

В течение какого-то мгновения в моей голове было пусто. Оказавшись в поле зрения его пронзительных глаз, я потеряла самообладание. Наконец я собралась с мыслями и спросила:

— Что произошло со мной в тот вечер, когда мы с вами познакомились, м-р Абеляр? Клара сказала, что не может должным образом объяснить это мне, а сама я ничего не помню.

— Твой двойник одержал верх, — серьезно сказал он. И при этом ты потеряла связь со своим обыденным «я».

— Что вы имеете в виду, когда утверждаете, что я потеряла с ним связь? — спросила я обеспокоенно. — Я сделала тогда что-то недозволенное?

— Ты не сделала ничего, о чем нельзя было бы рассказать твоей матери, — сказал он хитро и улыбнулся. Его полные озорства глаза сверкали. — А если серьезно, Тайша, то тебе просто-напросто удалось воссоздать в своем воображении эфирную сеть настолько полно, насколько ты тогда была на это способна. Ты смогла отдохнуть в этом невидимом гамаке, который в действительности составляет неотъемлемую часть тебя. Когда-нибудь, став более опытной, ты можешь использовать линии эфирной сети для того, чтобы перемещать и изменять вещи.

— А двойник находится внутри или вне тела? — спросила я. В тот вечер у меня в течение какого-то мгновения присутствовало несомненное впечатление, что надо мной возобладало нечто внешнее по отношению к моему телу.

— Двойник находится и там, и там, — сказал м-р Абеляр. — Он одновременно и снаружи, и внутри тела. Как об этом можно сказать подружому? Для того чтобы управлять им, та часть двойника, которая свободно перемещается вне тела, должна вступить в контакт с энергией, которая пребывает внутри тела. Внешнюю составляющую приближают и удерживают с помощью непоколебимого сосредоточения, а внутреннюю энергию-ось рождают, открывая некоторые тайные врата в теле и поблизости от него. Когда эти две части сливаются, рождается сила, которая позволяет человеку творить немислимые чудеса.

— Где находятся те таинственные врата, о которых вы говорите? — спросила я, не смея прямо взглянуть ему в глаза.

— Некоторые из них находятся на поверхности кожи, тогда как другие скрыты в глубине тела, — ответил м-р Абеляр. — Всего есть семь главных врат. Если они закрыты, наша внутренняя энергия остается заключенной внутри физического тела. Присутствие внутри нас двойника при этом едва дает о себе знать. Мы можем прожить всю жизнь даже не подозревая о том, что он существует. Но если человек все же желает осознать его, врата должны быть открыты, и это можно сделать с помощью вспоминания и тех дыхательных упражнений, которые тебе показывала Клара.

М-р Абеляр пообещал, что лично будет наставлять меня в том, как преднамеренно открыть первые врата, после того, как я успешно совершу абстрактный полет. Он подчеркнул, что для того, чтобы открыть все врата, нужно полностью изменить свое мировоззрение, потому что свободу двойника ограничивают скорее наши предвзятые представления о том, что мы — это

всего лишь тело, чем сама структура этого физического тела.

— А вы можете рассказать мне, где находятся эти врата так, чтобы я смогла открыть их сама?

Он посмотрел на меня и отрицательно покачал головой.

— Легкомысленно экспериментировать с силами, которые пребывают по ту сторону врат, глупо и опасно, — предупредил он. — Освободить двойник следует постепенно, гармонично. Однако при этом обязательно должно соблюдаться одно условие: человек не должен вступать в половые сношения.

— Почему это так важно? — спросила я.

— Разве Клара не говорила тебе о светящихся червях, которые мужчина оставляет в теле женщины?

— Говорила, — сказала я смущенно и подавленно. Но мне следует признаться, что я в это не поверила.

— Это была твоя ошибка, — сказал он раздраженно. Ведь если вначале не очиститься с помощью процесса вспоминания, то открыв врата, ты буквально раскупоришь консервную банку с червями. А если к тому же будешь продолжать заниматься сексом, это лишь подольет масла в огонь.

Он громко засмеялся, от чего я почувствовала себя очень неловко.

— Если серьезно, то сохранение сексуальной энергии является первым шагом в путешествии к эфирному телу, к глубинному восприятию и полной свободе.

Как раз в это время в гостиную вошла Клара, одетая в просторный белый кафтан, в котором она выглядела, как большая белая лягушка. Я про себя улыбнулась оттого, что так непочтительно подумала о ней, и тут же взглянула на м-ра Абеяра, который, я могла поклясться, подумал то же самое. Клара села на стул и улыбнулась, глядя на то, как неуклюже мы сидим на диване.

— Ну как, дошли уже до обсуждения ворот? — спросила она с любопытством у м-ра Абеяра. — Поэтому Тайша так плотно сжимает ноги?

М-р Абеяр утвердительно кивнул, оставаясь полностью серьезным.

— Я только что рассказал о громадных воротах, которыми являются половые органы. Однако не думаю, что она поняла, о чем шла речь. В этом отношении у нее еще осталось немало заблуждений.

— Разумеется, осталось, — сказала Клара, подмигнув в мою сторону.

Они одновременно разразились такими раскатами хохота, что я почувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Я терпеть не могла, когда надо мной смеялись или при мне разговаривали так, будто меня нет в комнате. Я уже собиралась сказать им, что они совсем не понимают меня, но вдруг Клара снова заговорила, обращаясь на этот раз ко мне.

— Ты понимаешь, почему мы советуем тебе не вступать в половые сношения? — спросила она.

— Чтобы я могла совершить путешествие к свободе, сказала я, повторяя слова м-ра Абеяра. Затем я прямо спросила Клару о том, воздерживаются ли она и м-р Абеяр от половой жизни или просто пропагандируют линию поведения, которой не собираются следовать в жизни сами.

— Я же говорила тебе, что мы — не муж и жена, ответила Клара, ничуть не смутившись. — Мы — маги и поэтому нас интересует сила, которая приходит вместе с накоплением энергии, а не при растрачивании ее.

Я повернулась к м-ру Абеяру и спросила у него, правда ли, что он является магом, и попросила объяснить, что это значит. Он посмотрел на Клару, будто спрашивал у нее разрешения на то, чтобы разгласить тайну. Клара едва заметно одобрительно кивнула.

— Мне не нравится слово «маг», — сказал он, — потому что оно сразу же наводит на мысль о человеке, который занимается тем, что не имеет никакого отношения к нашим делам.

— О каких делах идет речь? — спросила я. — Клара сказала, что только вы можете ответить на этот вопрос.

М-р Абеляр сел ровно и устрашающе посмотрел на меня. Мгновенно я забыла обо всем и приготовилась внимательно его слушать.

— Мы — группа, состоящая из шестнадцати человек, к числу которых отношусь и я, и еще одного существа Манфреда, — начал он официальным тоном.

— Десятеро среди нас — женщины. Все мы занимаемся одним и тем же: мы посвятили свои жизни совершенствованию своих двойников. С помощью эфирных тел нам удастся совершать действия, которые не могут быть описаны в рамках законов физического мира. Если мы теперь условимся называть это магией, то можно сказать, что все мы — маги. Если нет, мы — не маги. Это проясняет положение вещей?

— Из того, что вы рассказываете мне о двойнике, я делаю вывод, что вы хотите, чтобы я тоже стала магом. Это так? — спросила я.

— Не совсем, — ответил он, внимательно глядя на меня. — Все здесь зависит от тебя. Ведь в каждом конкретном случае от самого человека зависит, как сложится его судьба.

— Но Клара говорила, что все в этом доме появляются не случайно. Почему я была избрана? — спросила я. — Почему именно я?

— Ответить на этот вопрос очень трудно, — сказал м-р Абеляр, улыбаясь. — Давай ограничимся тем, что скажем, что мы должны были взять тебя в этот дом. Ты помнишь ту ночь лет пять назад, когда тебя застали в компрометирующей ситуации с молодым человеком?

Я тут же начала чихать, как со мной бывало всегда, когда я чувствовала себя в опасности. По ходу занятий воспоминанием я снова и снова вспоминала все подобные ситуации. С четырнадцатилетнего возраста я с ума сходила из-за молодых людей и постоянно преследовала их так же, как в детстве бегала за своими братьями. Мне больше всего на свете хотелось, чтобы меня любили, потому что я знала, что мои домашние меня не любят. Но это всегда заканчивалось тем, что я отпугивала кандидатов в поклонники раньше, чем мы успевали сблизиться. Моя навязчивость послужила поводом для того, чтобы все начали считать меня ветреной женщиной, способной на все. В итоге у меня была самая худшая репутация из всех, какие только можно себе вообразить, хотя я не совершила и половины того, что мне приписывали родители и друзья.

— Тебя застали в служебном помещении кафе того кинотеатра на открытом воздухе, куда люди приезжают на просмотр фильма в автомобилях. Это было в Калифорнии, помнишь? — услышала я слова м-ра Абеяра.

Как я могла не помнить? Несомненно, это была одна из самых худших переделок в моей жизни. И поскольку воспоминания о ней были для меня такими болезненными, я все откладывала ее глубокую проработку в ходе воспоминания, каждый раз только издали касаясь ее. Тогда во время летних каникул я нанялась в кинотеатр на работу, которая состояла в том, чтобы продавать горячие бутерброды с сосисками и прохладительные напитки. В конце лета молодой человек по имени Кенни, который работал в справочном бюро того же кинотеатра на открытом воздухе, сказал, что любит меня. До этого я была полностью безразлична к нему, потому что на примете у меня был директор кинотеатра, который был красив и богат. Но к несчастью для меня, он был увлечен Ритой, девятнадцатилетней ярко-размалеваной красоткой, которая стала моей *Немезидой (Древнегреческая богиня возмездия)*. Каждый вечер вскоре после того, как начинался сеанс, она украдкой проскальзывала в кабинет босса и запирала за собой дверь. Когда она появлялась оттуда перед самым началом перерыва, ее красно-белый клетчатый

костюм официантки был весь измят, а волосы взлохмачены и запутаны. Я сильно завидовала Рите за то внимание, которое ей уделяют. Но еще хуже было то, что вскоре она получила более престижную работу кассира, тогда как я по-прежнему бегала с поп-корном и бутылками лимонада.

Когда Кенни сказал мне, что я красива и желанна, я начала смотреть на него в ином свете. Я перестала замечать, что его лицо сплошь покрыто угрями, что он постоянно хлещет пиво, слушает веселенькую музыку, ходит в ботинках и разговаривает на отвратительном тexasском слэнге. Совершенно неожиданно для себя я увидела в нем мужество и красоту, хотя все, что я знала о нем, сводилось к тому, что его родители — католики. Я даже не знала, что он покуривает марихуану. Я начала влюбляться в него и не хотела, чтобы все эти, как мне тогда казалось, мелочи воспрепятствовали этому.

Когда я сообщила ему, что заканчиваю работать в конце недели, потому что моя семья уезжает на остаток моих каникул в Германию, и я должна последовать за ними, Кенни был очень раздосадован. Он обвинил моих родителей в том, что они пытаются разлучить нас. Он взял меня за руку и поклялся, что не может жить без меня. Он предложил мне выйти за него замуж, но мне тогда еще не было и шестнадцати, поэтому я сказала, что ему придется подождать. Он страстно обнял меня и сказал, что в таком случае мы могли бы по крайней мере заняться любовью. Я не поняла, имел ли он в виду тот вечер или вообще время до моего отъезда, но тут же согласилась с ним и предложила не откладывать. До конца сеанса у нас оставалось минут двадцать, поэтому я быстро отодвинула в сторону булочки и начала раздеваться.

Он испугался. Он дрожал, как мальчишка, хотя ему было уже двадцать два. Мы обняли друг друга и поцеловались, но прежде чем случилось все остальное, к нам в комнату ворвался какой-то старик. Увидев, что мы находимся в такой неловкой ситуации, он схватил метлу, ударил ею меня по спине и выгнал меня полураздетую в фойе, где я оказалась на виду у публики, стоящей в очереди в буфет. Они принялись хохотать и язвительно обзывать меня. Но хуже всего было то, что среди них я узнала двух учителей из своей школы. Они были так же шокированы, когда меня увидели, как и я, когда узнала их. Один из них рассказал о случившемся директору школы, который в свою очередь доложил обо всем родителям. Через некоторое время обо мне стали ходить сплетни, я стала посмешищем для всей школы. В последующие годы больше всех на свете л ненавидела того глупого старичка, который взял на себя роль моего морального воспитателя. Мне казалось, что в действительности это он испортил мне жизнь, потому что после этого мне не пришлось больше увидеться с Кенни.

— Я был тем старичком, — сказал м-р Абеляр так, будто следил за моими мыслями.

В это мгновение на меня свалилась вся тяжесть воспоминания о том публичном осмеянии. Но тот факт, что виновник всего происшедшего был сейчас передо мной, был для меня совершенно невыносимым. Почувствовав полную безвыходность своего положения, я расплакалась. Однако хуже всего было то, что м-р Абеляр, казалось, совсем не сожалеет о том, что тогда сделал.

— Я слежу за тобой, начиная с того самого вечера, сказал он, застенчиво улыбаясь.

В его взгляде и словах я прочла множество утонченных сексуальных оттенков. Казалось, что мое сердце вот-вот разорвется от ярости и страха. Я тогда поняла, что Клара привезла меня в Мексику, претворяя в жизнь какой-то зловещий замысел, который распространялся на меня и явно был связан с половыми извращениями. Ни на мгновение я не верила в то, что они говорили о воздержании.

— Что вы намереваетесь делать со мной? — спросила я дрожащим от страха голосом.

Клара озадаченно посмотрела на меня, а затем начала смеяться так, будто поняла, что у меня на уме. М-р Абеляр передразнив меня, задал Кларе тот же вопрос:

— Что вы намереваетесь делать со мной?

Вслед за этим его громогласный хохот присоединился к Кларину так, что, казалось, задрожал весь дом. Я услышала завывание Манфреда, доносящееся из его будки, — оно тоже напоминало смех. Я чувствовала себя хуже чем ничтожеством: для меня это был полный крах. Я поднялась, чтобы уйти, но м-р Абеляр снова толкнул меня на диван.

— Стыдливость и чувство собственной вины — не лучшие приятели, — сказал он серьезно. — Ты не проработала этот эпизод в ходе вспоминания, в противном случае ты бы себя сейчас так не вела.

А затем, сменив свой гневный взгляд на почти что соболезнующий, он добавил:

— Мы с Кларой ничего не собираемся с тобой делать. Ты уже сама сделала более чем достаточно. В тот вечер я искал комнату отдыха и случайно открыл дверь служебного помещения. Поскольку нагваль не может сделать подобной ошибки по невнимательности, так как он всегда осознает все свои действия, мне пришлось предположить, что сама судьба привела меня к тебе, а это означает, что ты для меня что-то значишь. Увидев тебя полураздетой, готовой отдаться какому-то хилому парню, который, возможно, испортит тебе жизнь, я начал действовать решительно и ударил тебя метлой.

— На самом деле вы сделали меня посмешищем для родных и друзей, — с досадой сказала я.

— Возможно. Но кроме этого я поймал твое эфирное тело и отметил его одной особой энергетической линией, сказал он. Начиная с этого дня, я всегда знал, где ты, но мне понадобилось пять лет для того, чтобы мы с тобой оказались в ситуации, в которой ты сможешь выслушать то, что я должен сказать тебе.

В первый раз до меня полностью дошли его слова. Я с недоверием уставилась на него.

— Вы хотите сказать, что постоянно знали, где я нахожусь? — спросила я.

— Я следил за каждым твоим движением, — ответил он уверенно.

— Значит, вы подсматривали за мной?

Смысл его слов медленно поднимался на поверхность моего ума.

— Да, в некотором смысле, — признался он.

— И Клара знала, что я живу в Аризоне?

— Естественно, все мы знали, где ты.

— Значит, Клара тогда встретила меня в пустыне не случайно! — выпалила я.

Я повернулась к Кларе в ярости.

— Ты знала, что я буду там, правда?!

Клара кивнула.

— Признаю это. Но ты ездила туда так часто, что нетрудно было проследить, где ты бываешь.

— Ио ведь ты сказала мне, что ты оказалась там случайно, — закричала я. — Ты сказала неправду. Ты хитростью заманила меня в Мексику. И с тех пор ты постоянно мне лжешь, посмеиваясь у меня за спиной, Бог знает почему!

Все сомнения и подозрения, которые я не высказывала месяцами, вырвались на поверхность.

— Для тебя это всегда были шуточки! — вопила я. Ты сразу поняла, что я глупая и доверчивая!

М-р Абеляр свирепо взглянул на меня, но я не опустила глаз и смотрела прямо на него. Он похлопал меня по голове, чтобы успокоить.

— Ты жестоко ошибаешься, девушка, — сказал он строго. — Все это для нас не забава. Верно, что мы немало потешаемся над твоей неразумностью, но никакие наши действия не

направлены на то, чтобы обмануть кого-то или обвести вокруг пальца. Наши действия преследуют очень серьезную цель. В действительности здесь речь идет о нашей жизни или смерти.

Он говорил так проникновенно и выглядел так повелительно, что почти вся моя злость исчезла, оставив вместо себя безнадежное замешательство.

— Чего Клара от меня хочет? — спросила я, глядя на м-ра Абеяра.

— Я дал Кларе очень деликатное задание: привести тебя домой, — объяснил он. — И это ей удалось. Ты последовала за ней, повинаясь своей глубинной предрасположенности. Согласись, что не каждому незнакомому человеку удастся пригласить тебя к себе в дом. Но она справилась с этой почти невозможной задачей. Это был мастерский ход! Мне остается только восхищаться тем, как хорошо это ей удалось.

Клара вскочила на ноги и почтительно поклонилась.

— Шутки в сторону, — сказала она, снова садясь и принимая самый серьезный вид. — Нагваль прав: это было самое трудное дело в моей жизни. В какой-то момент мне показалось, что ты вот-вот должна уступить своей недоверчивой натуре и послать меня подальше. Мне пришлось даже соврать тебе и сказать, что у меня есть тайное буддистское имя.

— А его у тебя нет?

— Нет. Все тайны во мне сожгло мое стремление к свободе.

— Но мне по-прежнему неясно, как Клара узнала, где меня искать, — сказала я, глядя на м-ра Абеяра. — Как она поняла, что я была в это время в Аризоне?

— С помощью твоего двойника, — ответил м-р Абеяра так, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном.

Как только он сказал это, мой ум прояснился, и я сразу же поняла, что он имеет в виду, я уже на самом деле знала, что это была единственная возможность проследить за мной.

— Я прицепил одну энергетическую линию к твоему тонкому телу в тот вечер, когда впервые тебя встретил, объяснил он. — Поскольку двойник состоит из чистой энергии, оставить на нем такую отметину не так уж трудно. Принимая во внимание обстоятельства нашей встречи, я почувствовал тогда, что по крайней мере это я могу сделать для тебя. Для твоей же защиты.

М-р Абеяра смотрел на меня, ожидая, что я задам вопрос. Но я была занята тем, что пыталась вспомнить как можно подробнее обстоятельства того вечера, когда он ворвался в комнату, где я находилась.

— Ты что, не будешь спрашивать у меня, как я отметил тебя? — спросил он, глядя на меня испытующе.

Мои уши покраснели, я почувствовала, как комната наполняется энергией, и вдруг все стало на свои места. Мне не нужно было спрашивать м-ра Абеяра, как он сделал это, потому что я поняла это без его объяснений.

М-р Абеяра утвердительно кивнул, довольный тем, что я все поняла сама.

— Вы отметили меня ударом метлы! — воскликнула я.

Это было для меня несомненно, но когда я задумалась над своими словами, они показались мне совершенно бессмысленными, потому что я никак не могла их обосновать.

— Совершенно верно. Я отметил тебя, когда ударил по верхней части спины метлой, выгоняя тебя из комнаты. При этом я оставил внутри тебя особую энергию. Она находится в тебе с тех самых пор.

Клара подошла ко мне и пристально посмотрела на меня.

— Тайша, разве ты никогда не замечала, что твое левое плечо выше, чем правое?

Я знала, что одна из моих лопаток торчит сильнее, чем другая, вследствие чего в затылке и плечах у меня иногда возникает напряжение.

— Я думала, что это у меня от рождения, — сказала я.

— Никто не рождается с отметиной нагваля, — засмеялась Клара. — Энергия нагваля сконцентрирована у тебя за левой лопаткой. Вспомни, твои плечи стали неровными после того, как нагваль ударил тебя метлой.

Я вынуждена была признаться, что именно в то время, когда я работала на каникулах в кинотеатре на открытом воздухе, моя мать заметила, что у меня что-то случилось со спиной. Она примеряла на меня летнее платье, которое шила для меня тогда, и заметила, что оно неровно сидит на мне. Она была удивлена, когда обнаружила, что изъян не в платье, а в моих лопатках: одна из них была заметно выше другой. На следующий день она вызвала семейного доктора, который осмотрел меня и пришел к выводу, что у меня немного искривлен позвоночник. Он поставил диагноз «сколиоз», но заверил мать, что искривление настолько незначительно, что на него можно не обращать внимания.

— Тебе повезло, что нагваль не оставил в тебе слишком много энергии, — сказала Клара насмешливо, — а то бы ты стала горбуньей.

Я повернулась лицом к м-ру Абеляру, чувствуя, что мышцы на спине у меня напряжены так, как это обычно происходило, когда я нервничала.

— Теперь, когда вы поймали меня, что вы собираетесь со мной делать? — спросила я.

М-р Абеляр сделал шаг в направлении ко мне. Его холодный взгляд заставил меня сосредоточиться.

— Все, что я хотел, начиная с того самого дня, когда я тебя впервые встретил, — это сделать с тобой то же, что и в тот вечер, — ответил он торжественно. — А именно: открыть дверь и выгнать тебя наружу. Только на этот раз я хочу открыть дверь в этом обычном мире и выгнать тебя на свободу.

Его слова и то, как он их произнес, вызвали во мне целую лавину переживаний. Дело в том, что сколько я себя помню, я всегда чего-то искала, выглядывала из окна, разглядывая пешеходов на улице, словно где-то рядом кто-то поджидает меня. У меня всегда были какие-то непонятные предчувствия, мне снились сны о побегах, хотя я никогда не могла понять, от чего я убегала. Именно это чувство заставило меня последовать за Кларой в неизвестном направлении. Оно же удерживало меня от того, чтобы уехать отсюда, несмотря на очевидную бессмысленность всего, чем я здесь занималась. М-р Абеляр продолжал пристально смотреть на меня, и вдруг по мне прокатилась волна неопишуемой благодати. Я поняла, что наконец-то нашла то, что всегда искала. Повинуясь порыву искренней признательности, я наклонилась и поцеловала его руку. Из каких-то неведомых мне ранее глубин во мне что-то поднялось, и я пробормотала то, что не имело никакого смысла, а выражало лишь мои чувства.

— Вы и мой нагваль тоже, — сказала я.

Его глаза сияли, радуясь тому, что мы в конце концов пришли к пониманию. Он нежно потрепал меня по волосам, и тут все мои скрытые страхи и разочарования прорвались потоками слез.

Клара встала и подала мне носовой платок.

— Для того чтобы вывести тебя из этого грустного расположения духа, нужно было тебя разозлить или заставить думать, — сказала она. — Я сейчас открою тебе то, что подействует на тебя и так, и этак. Я не только знала, где найти тебя в пустыне, но и... Помнишь ту душную, запакованную вещами маленькую квартирку, из которой ты попросила меня перевезти свои вещи? Так вот, дом, в котором она расположена, принадлежит моему двоюродному брату.

Я ошарашено посмотрела на Клару, не в состоянии вымолвить ни слова. Смех ее и м-ра Абеляра прозвучал в моих ушах как грандиозный взрыв. Что бы они ни сказали или ни сделали, сильнее они не могли меня удивить ничем. Когда я вновь пришла в себя, вместо того, чтобы

разозлиться на них за то, что как они так обошлись со мной, меня охватил благоговейный страх перед невероятной точностью их замысла и широтой их возможностей, которые, как я теперь поняла, не сводились лишь к тому, чтобы контролировать меня, но вытекали из их глубокого контроля себя самих.

Однажды через несколько месяцев после знакомства с м-ром Абеляром Клара вместо того, чтобы послать меня заниматься воспоминанием в пещере, предложила мне составить ей компанию для работы во дворе. Неподалеку от огорода за внутренним двориком Клара усердно сгребала на кучу листья. Я увидела, что наверху кучи она аккуратно выложила какой-то узор из сухих коричневых листиков.

— Что ты делаешь? — спросила я, подходя поближе, чтобы лучше видеть.

Я чувствовала усталость и уныние, потому что все утро, сидя в пещерке, прокручивала в воображении воспоминания о своем отце. Мне всегда казалось, что он похож на высокомерного напыщенного великана-людоеда. Но когда я поняла, что в действительности это обычный угрюмый мужчина, надломленный войной и переживший полное крушение надежд на красивую жизнь, я почувствовала великое разочарование.

— Я свила тебе гнездышко, где ты можешь сесть, ответила Клара. — Ты должна будешь расположиться на этой куче, как наседка на яйцах. Я хочу, чтобы ты отдохнула, потому что скоро к нам пожалует гость.

— Кто бы это мог быть? — спросила я как бы невзначай.

Уже не один месяц Клара обещала познакомить меня с другими членами группы нагваля — своими таинственными родственниками, которые, должно быть, вернулись из Индии, — но до сих пор этого не происходило. Каждый раз, когда я выражала желание повидать их, она говорила, что я вначале должна очиститься с помощью воспоминания, потому что в том состоянии, в котором я тогда находилась, я не была готова к этой встрече. И я верила ей. Чем больше я исследовала свои воспоминания, тем больше я убеждалась, что нуждаюсь в очищении.

— Ты не ответила на мой вопрос, Клара, — раздраженно сказала я. — Кто должен к нам прийти?

— Какая тебе разница? — промолвила она, протягивая мне несколько сухих листиков цвета меди. — Положи их себе на пупок и обвяжи тем поясом, который используешь при воспоминании.

— Я оставила свой пояс в пещере, — сказала я.

— Надеюсь, ты правильно им пользуешься, — начала она. — Он нужен для того, чтобы поддерживать нас во время воспоминания. Ты завязываешь его вокруг талии, а одним концом привязываешь к палке, которую я закопала в пещерке. Таким образом ты не упадешь и не ударишься головой, даже если задремлешь или если пожелает проснуться твой двойник.

— Мне сходить и принести его?

Она рассержено щелкнула языком.

— Нет, у нас нет больше времени. Наш гость должен явиться с минуты на минуту, а я хочу, чтобы ты успела расслабиться и была в лучшей своей форме. Возьми мой пояс.

Клара поспешно вошла в дом и сразу же вернулась с полоской из оранжевой ткани. Она была действительно прекрасна. На ее поверхности был вышит едва заметный узор. В лучах солнечного света эта шелковая полоска переливалась разными оттенками от темно-золотистого до нежного янтарного.

— Если какое-то место на твоем теле болит или повреждено, оберни вокруг него этот пояс, — объяснила Клара. Он поможет тебе выздороветь. В нем отложилось немало силы, потому что я годами занималась в нем воспоминанием. Когда-нибудь то же самое ты сможешь сказать и о своем поясе.

— Почему ты не можешь сказать мне, кто к нам придет? — настаивала я.

— Ты ведь знаешь, как я не люблю сюрпризы. Это нагваль?

— Нет, кто-то другой, — сказала она, — но этот кто-то не менее силен. Когда ты встретишься с ней, ты должна быть спокойной и совершенно без мыслей, иначе ее присутствие не пойдет тебе на пользу.

Чрезмерно напыщенно Клара сказала мне, что сегодня мне обязательно придется использовать все магические приемы, которым она меня обучила — и не потому, что кто-то будет проверять, знаю ли я их, а потому, что я подошла к распутию и должна буду начать движение в новом направлении.

— Погоди, Клара, не пугай меня разговорами о скорых изменениях, — взмолилась я. — У меня вызывает страх это новое направление.

— Пугать тебя меньше всего входит сейчас в мои планы, — заверила она.

— Дело в том, что я сама немного беспокоюсь. Магические кристаллы с тобой?

Я расстегнула жилет и показала ей кожаный мешочек на веревочке, висящий у меня на шее, который я с ее помощью сшила для того, чтобы хранить в нем два кварцевых кристалла. Они находились каждый в отдельном кармашке, закрытые сверху кусочком кожи с застежкой.

— Достань их и держи наготове, — сказала она. — И пользуйся ими для того, чтобы поддерживать свою энергию на должном уровне. Не жди, пока она посоветует тебе сделать это. Делай это по своему усмотрению всякий раз, когда чувствуешь, что нуждаешься в энергетической подпитке.

Судя по утверждениям Клары, я могла легко сделать два вывода: что должна состояться очень серьезная встреча, и что ожидаемый гость — женщина.

— Она — одна из твоих родственниц? — спросила я.

— Да, — сказала Клара, холодно улыбаясь. — Эта особа — моя родственница, член нашей группы. А теперь расслабься и не задавай больше никаких вопросов.

Я хотела узнать, где сейчас находятся ее родственники. Они не могли жить в этом доме, потому что я рано или поздно наткнулась бы на них или по крайней мере заметила бы следы их присутствия. Но тот факт, что я нигде ни разу не встретила ни с кем из них, превратил мое любопытство в наваждение. Я воображала, что родственники Клары специально прячутся от меня и даже подсматривают за мной. Это выводило меня из себя и в то же время умножало мою решимость хотя бы мельком увидеть кого-то из них. Источником моего беспокойства было безошибочное ощущение, что за мной постоянно следят.

Я, желая получить доказательства их присутствия, оставляла один из своих карандашей валяться на видном месте для того, чтобы кто-нибудь подобрал его. Я оставляла журнал открытым на определенной странице, а потом проверяла, на том ли месте он открыт. На кухне я внимательно исследовала всю посуду, чтобы выяснить, не пользуется ли ею кто-нибудь кроме нас. Дошло даже до того, что я очищала от мусора участок тропинки перед черным ходом в дом, и подойдя к нему позже, искала на нем отпечатки чьих-то ног или какие-то другие непонятные следы. Но несмотря на все мои детективные уловки, я каждый раз обнаруживала лишь следы Клары, Манфреда и свои. Я была уверена, что если бы кто-то скрывался от меня в доме, я бы точно заметила его. Но поскольку я ничего не замечала, получалось, что в доме никого кроме нас нет, хотя это и противоречило моим ощущениям.

— Прости меня, Клара, но я все же должна кое-что у тебя спросить, — выпалила я, в конце концов не удержавшись, — потому что я скоро свихнусь. Где живут твои родственники?

Клара удивленно посмотрела на меня.

— Это их дом. Разумеется, они живут здесь.

— Но где именно? — настаивала я. Мне даже захотелось рассказать ей обо всех своих уловках, с помощью которых я напрасно старалась подтвердить их присутствие, но я удержалась

от этого.

— О! Понимаю, что ты имеешь в виду, — ответила она. — Тебе не удалось обнаружить никаких их следов, несмотря на все твои попытки разыграть из себя сыщика. Но в этом нет ничего загадочного. Ты никогда не видела их, потому что они живут в левом крыле дома.

— Но почему они никогда не выходят во двор?

— Они выходят, только избегают появляться вблизи правого крыла, потому что в нем живешь ты, а они не хотят тебе мешать. Они знают, как ты дорожишь своим одиночеством.

— Но как можно ни разу не попасться мне на глаза? Не перегибают ли они в данном случае, стараясь любой ценой не нарушить мое одиночество?

— Нисколечко, — ответила Клара. — Тебе нужно полное одиночество для того, чтобы ты могла сосредоточить все внимание на воспоминании. Когда я сказала тебе сегодня, что у нас будет посетитель, я имела в виду, что одна из моих родственниц придет из левого крыла для того, чтобы повидаться с тобой. Она давно мечтает с тобой встретиться, но вынуждена была ждать, пока ты хотя бы немного очистишься. Я говорила тебе, что встреча с ней является еще большим испытанием, чем встреча с нагвалем. Ты должна уже обладать некоторой силой. В противном случае с тобой опять что-нибудь приключится, как в тот вечер, когда ты познакомилась с нагвалем.

Клара помогла мне расположить листочки на животе и прижать их поясом.

Эти листья и пояс помогут тебе устоять перед натиском этой женщины, — сказала Клара, а затем, глядя на меня, добавила:

— Они защитят тебя и от других ударов тоже. Поэтому, что бы ты ни делала, не снимай повязку.

— А что со мной должно произойти? — спросила я, нервно набивая под пояс побольше листьев.

Клара пожала плечами.

— Все зависит от твоей силы, — сказала она и потуже затянула узел пояса. — Но по тому, как ты выглядишь, я ничего не могу сказать об этом.

Дрожащими пальцами я снова застегнула пуговицы рубашки и заправила ее в свои отвисающие штаны. Я выглядела раздувшейся, потому что вокруг талии была обмотана широким оранжевым куском ткани. Листья были похожи на колкую травяную подушку, которая лежала у меня на животе. Но через некоторое время мой беспокойный живот перестал дрожать. Он нагрелся и расслабился, а за ним и все тело.

— А теперь усади себя на кучу листьев так, как это делает курица, — приказала Клара.

Я, должно быть, удивленно посмотрела на нее, потому что она спросила меня:

— Как ты думаешь, чем занимаются куры, когда сидят на яйцах?

— Не имею представления, Клара.

— Курица сидит спокойно и прислушивается к яйцам под собой, сосредоточивая на них все свое внимание. Она прислушивается и не позволяет себе отвлечься на что-то постороннее ни на миг. Эта несгибаемая концентрация внимания направляет ее намерение на то, чтобы вылупились цыплята. Способностью спокойно вслушиваться животные владеют от природы, но люди потеряли этот дар и поэтому должны снова развивать его в себе.

Клара села на большой бледно-серый камень и повернулась лицом ко мне. В камне была естественная впадина, придающая ему вид кресла.

— Теперь задремай так, как курица, и слушай своим глубинным слухом то, что я буду тебе рассказывать. Сосредоточься на тепле в животе и не позволяй вниманию отвлекаться. Прислушивайся к звукам, доносящимся отовсюду, но не позволяй уму следовать за ними.

— Действительно ли мне нужно сидеть здесь так, как ты говоришь, Клара? Я хочу сказать,

не будет ли лучше, если я просто вздремну для того, чтобы немножко освежиться?

Боюсь, что не будет. Как я уже говорила тебе, присутствие нашей будущей гостьи является серьезным испытанием. Если ты не накопишь достаточное количество энергии, для тебя это будет полный провал. Поверь мне, она не так ласкова, как я. Она больше напоминает нагвалю своей беспощадностью и жестокостью.

— А зачем она подвергает всех такому испытанию?

— Она просто ничего не может с собой поделать. Она настолько превзошла людей в своем развитии и так мало обращает внимания на их заботы, что может своей энергией полностью сокрушить тебя. В настоящее время различия между ее физическим телом и эфирным двойником не существует. Я хочу сказать, что она великая женщина-маг.

Клара взглянула на меня испытующе и высказалась о темных кругах у меня под глазами.

— Конечно же, ты опять читала ночью при свете фонаря. Или скажешь, что не читала? — упрекнула она. — Почему, как ты думаешь, мы не провели в спальне электричество?

Я сказала ей, что не прочла ни одной страницы с того самого дня, когда впервые вошла в ее дом, потому что воспоминание и другие занятия, которыми она загрузила меня, отнимали у меня все время.

— Я не слишком люблю читать, — призналась я. — Но все же я иногда была бы не прочь пошарить по книжным полкам в холле.

Я не сказала ей, что в действительности ходила туда для того, чтобы наблюдать, не взяли ли ее родственники каких-то книг.

Она рассмеялась и сказала:

— Кое-кто из моих родственников очень любит читать. Но на меня это не распространяется.

— Но разве ты никогда не читаешь ничего просто ради удовольствия, Клара?

— Нет. Я читаю для того, чтобы получить новые сведения. Но есть среди нас и такие, которые читают ради удовольствия.

— Почему же я тогда ни разу не видела, чтобы на полке недоставало книг? — спросила я, стараясь говорить так, словно это вопрос, заданный мимоходом.

Клара захихикала.

— У них есть своя библиотека в левом крыле дома, сказала она, а затем спросила меня:

— А разве ты читаешь ради удовольствия, Тайша?

— К несчастью, я тоже читаю только для того, чтобы узнать что-то новое, — ответила я.

Я поведала Кларе, что моя любовь к чтению была подавлена в зародыше еще тогда, когда я обучалась в средней школе. Один из приятелей моего отца, хозяин книготорговой фирмы, имел привычку давать моему отцу целые упаковки книг, которые не пользовались спросом. Отец просматривал и отбирал художественные для меня, чтобы я обязательно читала их в дополнение к тем, которые меня заставляли читать в школе. Я знала, что от меня требуется, чтобы я прочла все от первого до последнего слова, но хуже всего было то, что он требовал от меня, чтобы я всегда заканчивала одну книгу, прежде чем начать читать другую. Впоследствии я была немало удивлена, когда узнала, что мои друзья иногда читают одновременно по несколько книг, переходя от одной к другой в зависимости от своего настроения.

Клара посмотрела на меня и покачала головой так, будто со мной было все ясно.

— Под давлением родителей дети ведут себя очень странно, — сказала она. — Теперь я понимаю, почему ты так привыкла к принуждению. Уверена, что если бы ты вспомнила сейчас, о чем были все те истории, ты была бы немало удивлена. В детстве мы никогда не ставим под сомнение то, что нам предлагается, точно так же, как и не спрашиваем, зачем нужно прочитывать каждую книгу от корки до корки. Члены моей семьи имеют серьезные претензии к

тому, что родители делают с детьми.

Я прямо не могу дождаться, когда мне посчастливится встретиться с твоими родственниками, Клара.

— Вполне естественно. Ведь я так много говорила тебе о них.

— Дело не только в этом, Клара, — сказала я. — Речь идет о каком-то физическом ощущении. Сама не знаю почему, но я не прекращаю думать о них. Они мне уже начали сниться.

Как только я сказала это, что-то прояснилось у меня в уме. Я решила подвергнуть Клару прямому допросу. Ведь если она знала обо мне задолго до нашей встречи в горах, и если ее двоюродный брат как хозяин дома, в котором я жила, тоже знал меня, мне внезапно пришло в голову спросить у нее, знаю ли я других ее родственников.

— Естественно, все они знают тебя, — ответила Клара так, словно речь шла о чем-то самом очевидном, — но я ее спрашивала не об этом.

Я совершенно не могла представить себе, кем они могли быть.

— Позволь мне прямо спросить тебя об этом, Клара. Я их знаю? — настаивала я.

— Это один из тех вопросов, на которые я не могу пока тебе ответить, Тайша. Думаю, будет лучше, если ты не будешь меня об этом спрашивать.

Я обиделась. Но как только я привстала с кучи листьев, Клара ловко толкнула меня обратно.

— Ладно, ладно, Маленькая Мисс Сыщик, — сказала она. — Если ты согласишься посидеть еще некоторое время, я расскажу тебе. Ты знаешь их всех, но, разумеется, ты не помнишь, когда ты их встречала. Даже если кто-нибудь из моих родственников окажется сейчас перед тобой, мне кажется, ты нисколько не заподозришь, что видишь его не в первый раз. Но в то же время что-то в тебе придет в сильное возбуждение. Такой ответ тебя удовлетворяет?

Ее ответ совсем не удовлетворял меня. Он фактически убедил меня в том, что она умышленно мистифицирует меня, заговаривая мне зубы, играя словами.

— Тебе, наверное, приятно издеваться надо мной, сказала я с отвращением.

Клара громко засмеялась.

— Я не разыгрываю тебя, — заверила она меня. Дело в том, что труднее всего объяснить, кто мы такие и что мы делаем. Я очень хочу, чтобы мои слова были понятнее, но мне не удастся этого достичь. Поэтому с твоей стороны будет бессмысленным настаивать на объяснении там, где его не существует.

Сидеть мне стало неудобно, и я заерзала на куче. Ноги так затекли, что я их не чувствовала. Клара предложила мне лечь на живот и положить голову на правую руку, согнув ее в локте. Я так и сделала и заметила, что это положение довольно удобно. Казалось, что я глубоко связана с землей и листьями, но ум оставался спокоен и внимателен. Клара наклонилась и ласково погладила меня по голове. Затем она так странно взглянула на меня, что мне захотелось взять ее за руку и подержать некоторое время.

— А теперь мне пора уходить, Тайша, — сказала она тихо, высвобождая свою руку, — но будь уверена, что мы еще встретимся. — В ее глазах играли маленькие желтые огоньки. Взгляд этих глаз был последним, что я видела.

Я проснулась от того, что кто-то касался палкой моей спины. Надо мной стояла странная женщина. Она была высокой, стройной и невероятно красивой. Черты ее лица были словно высечены из мрамора — небольшой рот, равные зубы, идеально очерченный нос, овальное лицо. Она была изящного скандинавского телосложения и выглядела почти прозрачной. Ее вьющиеся белокурые волосы сияли. Когда она улыбнулась, мне показалось, что это молодая девушка, дерзкая и пленительная. Но когда она смотрела невозмутимо, казалось, что это жительница континентальной Европы, средних лет и модно одетая. Ее одежда была изыскана и выдержана в одном стиле. Особенно бросались в глаза ее удобные туфли, каких я никогда не видела на

красавицах в Соединенных Штатах, где хорошо одетая женщина в таких туфлях выглядела бы как мать семейства.

Женщина была одновременно старше и моложе Клары: очевидно, она была старше ее возрастом, но выглядела намного моложе. Кроме того, ей было свойственно то, что можно назвать внутренней энергией. По сравнению с ней Клара выглядела не до конца развитой, тогда как это существо воплощало в себе совершенство. Я осознавала, что с неподдельным любопытством меня рассматривал кто-то, совсем не похожий на обычных людей, возможно, отличающийся от них, как представитель другой цивилизации разумных существ.

Я вскочила и быстро представилась.

Меня зовут Нелида Абеляр, — сказала она по-английски. — Я живу здесь вместе со своими компаньонами. Ты уже знакома с двумя из них, — Кларой и нагвалем Джоном Мишелем. Вскоре ты встретишься и со всеми остальными.

У нее был какой-то особый выговор. Ее голос был приятен и так близко знаком мне, что я, недоумевая, уставилась на нее. Она рассмеялась, как мне показалось, из-за того, что от удивления на моем лице застыла резиновая улыбка. Звук ее пронзительного смеха тоже показался мне отдаленно знакомым — у меня было чувство, что я уже слышала этот смех раньше. У меня промелькнула мысль, что я видела где-то эту женщину, но все никак не могла вспомнить, где. Чем больше я смотрела на нее, тем больше я была убеждена, что встречалась с ней когда-то, но забыла, когда это было.

— В чем дело, дорогая? — спросила она заботливым тоном. — Тебе кажется, что мы встречались раньше?

— Да, да, — возбужденно промолвила я, потому что почувствовала, что вот-вот вспомню, где я ее видела.

— Рано или поздно ты вспомнишь, где это было, сказала она успокаивающим голосом, который дал мне понять, что она не спешит. — Очищающее дыхание, которым ты занимаешься во время вспоминания, когданибудь позволит тебе вспомнить все, что ты делала в своей жизни, включая и сны. Тогда ты поймешь, где и когда мы встречались.

Я почувствовала неловкость из-за того, что не могу оторвать от нее глаз и поймана врасплох на первой же своей мысли о ней. Я встала и повернулась к ней лицом, но не вызывая, а с благоговейным ужасом.

— Кто вы? — спросила я, будто во сне.

— Я уже сказала, кто я, — сказала она с улыбкой. Но когда ты узнаешь, что я из себя представляю, ты будешь разочарована. На самом деле я не Бог вещь что. Я просто одна из группы людей, которые ищут свободу. После того, как ты встретишься с нагвалем, следующим шагом для тебя была встреча со мной. Это потому, что я ответственна за тебя.

Услышав, что она ответственна за меня, я почувствовала укол страха. Всю свою жизнь я боролась за то, чтобы отстоять свою независимость. Я завоевывала ее, пуская в ход все свои способности.

— Я не хочу, чтобы кто-то был ответственным за меня, — сказала я. — Я так настойчиво боролась за то, чтобы ни от кого не зависеть, что не желаю больше быть ни у кого под пятой.

Я думала, что она обидится, но она засмеялась и дружелюбно похлопала меня по плечу.

— Я не хотела, чтобы это так прозвучало, — сказала она. — Никто здесь не собирается помыкать тобой. Нагваль объяснил мне, почему у тебя такой упрямый характер. Он действительно верит, что ты наделена духом воина. Он серьезно считает, что ты немножко сумасшедшая, но в хорошем смысле.

Она сказала, что нагваль объясняет странности моего характера тем, что я была зачата в необычных безвыходных условиях. Затем Нелида рассказала мне факты из жизни моих

родителей, которые никто, кроме них, не знал. Она поведала мне, что перед тем, как я была зачата, мои родители жили в Южной Африке, и мой отец был там заключен в тюрьму по причинам, о которых он никогда ничего не говорил. Я всегда догадывалась, что он на самом деле был не в тюрьме, а в лагере для интернированных. Нелида сказала, что отец спас жизнь одному из тюремщиков. Впоследствии этот тюремщик помог моему отцу бежать, не подняв тревогу в критический момент.

— Ем искали по всей стране, — продолжила Нелида, но он пришел повидаться со своей женой, думая, что видится с ней в последний раз. Он не сомневался, что его поймут и убьют. Во время этой страстной встречи на грани жизни и смерти жена понесла. Сильный страх и жажда жизни, которые твой отец испытывал тогда, передались тебе. Поэтому ты родилась неусидчивой, непокорной и стремящейся обрести свободу.

Но я едва ли слышала то, о чем она мне рассказывала. Я была так ошарашена тем, что она мне открыла, что уши у меня покраснели, а колени подкашивались. Мне пришлось опереться на ствол дерева, чтобы не упасть. Прежде чем ко мне вернулся дар речи, она продолжила:

— Твоя мать была так несчастна и втайне ненавидела отца потому, что он использовал все, что досталось ей по наследству, для того, чтобы уплатить за свои ошибки, каковы бы они ни были. Деньги у них были на исходе, и им пришлось уехать из ЮАР до того, как ты родилась.

— Откуда ты знаешь о моих родителях все то, что даже мне, их дочери, не до конца ясно? — спросила я.

Нелида улыбнулась.

— Я знаю это все, потому что ответственна за тебя, ответила она.

Снова волна страха прокатилась по мне, и я вся задрожала. Я боялась того, что если она знает столько о моих родителях, она может знать все и обо мне. Я всегда чувствовала безопасность, когда знала, что могу укрыться в своей несокрушимой субъективной крепости. Меня убаюкивало ложное чувство безопасности, которое подсказывало мне, что все, что я переживала в душе, думала и делала, не имеет значения до тех пор, пока я скрываю это от других, до тех пор, пока о нем никто ничего не знает. Но сейчас мне стало очевидно, что эта женщина имеет доступ в святая святых моей души. Мне отчаянно захотелось самоутвердиться.

— Если я вообще представляю собой что-то, — сказала я упрямо, — то это значит, что я сама себе хозяйин. И никто не должен господствовать надо мной.

Нелида засмеялась, услышав, как я огрызнулась. Она взъерошила мне волосы так же, как и нагваль, — одновременно очень знакомым и успокаивающим жестом.

Никто не собирается господствовать над тобой, Тайшика, — сказала она дружелюбным тоном. Ее мягкость сразу же развеяла мою злость. — Я рассказала тебе обо всем этом, потому что мне нужно подготовить тебя к одному очень неожиданному для тебя повороту событий.

Я внимательно слушала ее, потому что чувствовала по ее тону, что она должна сказать мне что-то ужасное.

— Клара довела тебя до этого уровня очень быстро и искусно. За это ты всегда будешь благодарна ей. Но теперь, когда ее работа выполнена, она ушла. Самое грустное здесь то, что ты даже не поблагодарила ее за ее заботу и доброту.

Какое-то ужасное, невыразимое чувство подступило ко мне.

— Погоди, — пробормотала я. — Что, Клара покинула меня?

— Да, она ушла.

— Но ведь она вернется, правда? — спросила я.

Нелида отрицательно покачала головой.

— Нет. Я же сказала тебе, что ее работа сделана.

В это мгновение меня охватило самое глубокое чувство, которое я когда-либо переживала в

своей жизни. По сравнению с ним все, что я чувствовала раньше, было нереально: ни злость, ни припадки гнева, ни приливы нежности, ни даже моя жалость к себе — ничто не могло сравниться с тем душераздирающим страданием, которое охватило меня в это мгновение. Оно было таким сильным, что я не могла говорить. Я хотела плакать, но не могла. Я поняла тогда, что подлинное страдание не сопровождается слезами.

— И Манфред? Он тоже ушел? — наконец спросила я.

— Да. Его роль, состоявшая в том, чтобы охранять тебя, тоже сыграна до конца.

— А нагваль? Я увижу его вновь?

— В магическом мире нет невозможного, — сказала Нелида, касаясь моей руки. — О нем можно сказать наверняка только одно: ты никогда не знаешь, что будет завтра. Поэтому мы должны благодарить других сразу же, потому что будущего не существует.

Я была так ошарашена, что могла лишь смотреть на нее отсутствующим взглядом. Она тоже смотрела на меня некоторое время, а потом прошептала:

— Завтра никогда не наступит. Тебе уже пора понять это. И когда ты закончишь воспоминание и полностью сотрешь свое прошлое, у тебя останется лишь настоящее. Тогда ты постигнешь, что все существует лишь одно мгновение, и не дольше.

Нелида ласково погладила меня по спине и велела мне дышать свободнее. Но я была так убита горем, что дыхание у меня почти прекратилось.

— Я когда-нибудь изменюсь? У меня есть хоть какая-то надежда? — умоляюще спросила я.

Не ответив, Нелида повернулась и пошла в направлении дома. Подойдя к двери черного хода, она поманила меня за собой движением указательного пальца.

Я хотела побежать за ней, но не могла сдвинуться с места. Я начала рыдать, а затем у меня вырвался невероятный крик, в котором было что-то нечеловеческое. Тогда я поняла, почему Клара повязала мне на талию свой защитный пояс — он должен был защитить меня от этого потрясения. Я упала лицом на кучу листьев и принялась неистово выть, как животное. Но от этого горе, которое душило меня, не отступило. Я достала кристаллы, поместила их между пальцами и стала вращать руками против часовой стрелки по кругу уменьшающегося радиуса. Я направила кристаллы на свою бесчувственность, трусость и напрасную жалость к себе.

Нелида терпеливо ждала меня возле двери черного хода. Мне показалось, что прошли часы, прежде чем я успокоилась. День приближался к концу. Я последовала за ней в дом. В холле, как раз напротив гостиной, она остановилась так неожиданно, что я чуть не столкнулась с ней.

— Клара говорила тебе, что я живу в левом крыле дома, — сказала она, поворачиваясь лицом ко мне. — Теперь я собираюсь забрать тебя туда же. Но сначала давай зайдём в гостиную и немножко посидим, чтобы ты отдышалась.

Меня трясло, а сердце стучало настолько быстро, что мне было не по себе.

— Я в хорошей физической форме, — заверила я её. Каждый день мы с Кларой занимались кунг-фу. Но сейчас я почему-то чувствую себя плохо.

— Не беспокойся, что у тебя появилась одышка, — предупредила Нелида.

— На тебя давит энергия моего тела. Из-за этого избыточного давления сердце у тебя начинает биться быстрее. Но когда ты привыкнешь к моей энергии, оно больше не будет беспокоить тебя.

Она взяла меня за руку и провела в гостиную, где У садила меня на полу на подушку так, что я опиралась спиной о переднюю сторону дивана.

Когда ты перевозбуждена так, как сейчас, прислонись нижней частью спины к какому-нибудь предмету в комнате. Или отведи руки за спину и нажми ими то место, которое находится ниже почек.

Я посидела немного на полу, опираясь при этом спиной о диван, и определенно заметила расслабляющий эффект. Через некоторое время ко мне вернулось нормальное дыхание, а желудок не казался больше завязанным в узел.

Я наблюдала, как Нелида прохаживается туда-сюда по комнате.

— Давай теперь уясним раз и навсегда вот что, — сказала она, продолжая плавно двигаться передо мной из стороны в сторону. — Когда я говорю, что ответственна за тебя, я имею в виду, что от меня зависит, достигнешь ты окончательного освобождения или нет. Поэтому не говори мне больше чепухи о том, что борешься за свою независимость. Мне совсем нет никакого дела до твоего своенравного ухода из дома. Несмотря на то, что жить с родными тебе было очень неприятно, твой уход от них ничем так и не увенчался, потому что был бесцельным. Пришло время направить силу и настойчивость, которые даны тебе от природы, на достижение достойной цели.

Я заметила, что она ходит по комнате совсем не потому, что нервничает. Это с её стороны был скорее способ приковать к себе мое внимание, потому что, глядя на её движение, я полностью расслабилась, но в то же время осталась сосредоточенной.

Я еще раз спросила её, увижу ли когда-нибудь Клару или Манфреда. Нелида взглянула на меня столь беспощадным взором, что у меня мороз пошел по коже.

— Нет, ты больше их не увидишь, — сказала она. По крайней мере в этом мире. Они оба безусловно сделали все что могли для того, чтобы подготовить тебя к великому полету. Только тогда, когда ты овладеешь своим двойником и совершишь переход в абстрактное, ты сможешь встретиться с ними. Если сделать это тебе не удастся, они останутся лишь в твоих воспоминаниях, о которых ты будешь или не будешь иногда рассказывать другим, но в любом случае станешь постепенно их забывать.

Я поклялась ей, что никогда не забуду ни Клару, ни Манфреда, что они всегда останутся частью меня, даже если я их больше никогда не увижу вновь. И хотя что-то во мне знало, что я их действительно никогда больше не увижу, я не могла смириться с мыслью об этой разлуке

навсегда. Мне снова захотелось заплакать, как я всегда делала в трудные минуты своей жизни, но тот магический прием с кристаллами, по-видимому, сработал: слез больше не было. Теперь, когда у меня были для этого все основания, плакать я не могла. Внутри я чувствовала пустоту. Я оставалась такой, какой была всегда: бесчувственной. Только теперь в моем поведении проявлялись другие мотивы. Я помнила, что Клара говорила мне о том, что бесстрастность — это не жестокость и не бездушие, а полная непривязанность. Наконец-то я начала понимать, что значит ни о чем не сожалеть.

— Не акцентируй внимания на своих потерях, — сказала Нелида, зная, что творится у меня на душе. — По крайней мере сейчас. Давай лучше посмотрим, как можно накопить достаточно энергии для того, чтобы совершить неминуемое — постичь абстрактный полет. Ты уже знаешь теперь, кто мы такие и кто такая, в частности, я. Сегодня ты должна будешь попытаться перейти в мое крыло дома. Нелида сняла туфли и села в кресло напротив меня. Одним ловким движением она подняла колени к груди и поставила ноги на сидение перед собой. Длинная юбка закрывала ее икры так, что видны были только лодыжки и стопы ног.

— А теперь постарайся не быть застенчивой, осуждающей или подозревающей какие-то извращения, — сказала она.

Затем, прежде чем я успела как-то отреагировать, она подняла юбку и раздвинула бедра.

— Посмотри на мое влагалище, — приказала она. Отверстие между ног женщины — это энергетический вход в матку, орган, который является средоточием одновременно и силы, и новых возможностей.

К моему ужасу, на Нелиде не было нижнего белья. Я смотрела прямо ей в промежность. Мне захотелось отвести взгляд, но я была словно загипнотизирована. Я могла только смотреть перед собой с отвисшей челюстью. На ее теле не было волос, а живот и ноги были гладкими и упругими, совсем без морщин и жира.

— Поскольку я не живу в этом мире как женщина, мои половые органы приобрели некоторую другую функцию, отличную от той, которую они выполняют у всех обычных неразвитых женщин, — сказала она, ничуть не смутившись. — Поэтому ты просто не должна считать, что я делаю сейчас что-то неприличное.

Она действительно была красива, и я почувствовала укол зависти. Я была не меньше чем раза в три моложе ее, но едва ли могла выглядеть так хорошо, сидя в подобной позе. На самом деле я не смела и подумать о том, чтобы показаться кому-то в обнаженном виде. Я всегда носила длинные купальные халаты, словно под ними у меня было что прятать. Вспомнив о своей стыдливости, я благовоспитанно отвернулась, но мой взгляд уже успел зачерпнуть того, что может быть названо чистейшей энергией область вокруг ее влагалища, казалось, излучала силу, от которой у меня начала кружиться голова.

Я закрыла глаза, не заботясь о том, что она подумает обо мне. Смех Нелиды зазвучал как журчание воды — нежно и с переливами.

— Сейчас ты полностью расслабилась, — сказала она. Посмотри на меня еще раз и глубоко вдохни несколько раз для того, чтобы зарядить себя этой энергией.

— Подожди минутку, Нелида, — сказала я, внезапно почувствовав страх не от созерцания ее наготы, а от того, что только что поняла.

Когда я увидела ее в обнаженном виде, со мной случилось что-то немыслимое: я сразу же забыла о своем горе и не чувствовала больше стыдливости. В одно мгновение мы с ней стали очень близкими друзьями. Болезненно заикаясь, я рассказала ей о том, что сейчас поняла.

— Именно так проявляется действие энергии из матки, — весело сказала Нелида. — А теперь ты действительно должна посмотреть на меня еще раз и глубоко подышать. А потом будешь сколько хочешь анализировать все, что с тобой случилось.

Я сделала так, как она сказала, и не почувствовала в этот раз никакой робости. Вдыхая ее энергию, я заметила, что становлюсь все более вдохновленной, как будто между нами возникли узы, которые не нуждаются в словах.

— Управляя и перераспределяя энергию матки, ты можешь творить чудеса, — сказала Нелида, снова натягивая юбку себе на колени.

Нелида объяснила, что первичная функция матки состоит в том, чтобы рождать потомство и тем самым способствовать выживанию вида. Но женщины и не догадываются, что матка является органом, который имеет еще и иные утонченные и изощренные функции. Именно эти функции, сказала она, представляют для нас с ней интерес и нуждаются в дальнейшем развитии.

Я была так польщена тем, что Нелида включила и меня в число тех, кто интересуется такими фундаментальными вещами, что почувствовала у себя в животе приятную щекотку. Я внимательно слушала, как она объясняла, что наиболее важная вторичная функция матки состоит в том, что она служит связующим звеном с двойником. Тогда как мужчинам для управления двойником приходится пользоваться сочетанием деятельности разума и намерения, женщины имеют в своем распоряжении матку — мощный источник энергии, наделенный к тому же множеством таинственных качеств и функций, смысл которых в том, чтобы защищать и приводить в действие двойник.

— Все это становится доступным только тогда, конечно, когда ты освободишься от той отягощающей энергии, которая была оставлена в тебе мужчинами, — сказала она. — И в том тебе поможет воспоминание всего, что связано с сексуальной деятельностью.

Она подчеркивала, что использование матки — самый непосредственный и эффективный метод работы с дублем. Она напомнила о том известном мне магическом приеме, в ходе которого дыхание осуществляется непосредственно через отверстие влагалища.

— С помощью матки самки животных ощущают окружающий мир и регулируют функционирование своих тел, сказала она. — Используя матку, женщины могут породить и накапливать силу своих двойников для того, чтобы созидать, разрушать или отождествляться со всем, что их окружает.

Снова я почувствовала пощипывание в животе. Это была едва уловимая вибрация, которая распространялась на этот раз на половые органы и внутреннюю часть бедер.

— Существует еще один способ добраться до двойника, которого называют также другим. С этой целью можно использовать не только энергию матки, но и движения, продолжала Нелида. — Именно поэтому Клара обучала тебя магическим приемам. Для того, чтобы подготовиться к предстоящему тебе сегодня, нужно вспомнить два приема.

Она подошла к шкафчику, достала оттуда соломенный коврик, расстелила его на полу и велела мне лечь на него. Когда я легла на спину на коврик, она попросила меня немного согнуть ноги в коленях, сложить руки на груди и кататься на спине то вправо, то влево. Она заставила меня повторить это движение семь раз. Перекатываясь, я должна была немного сгибать позвоночник в районе плеч.

Затем она предложила мне снова сесть скрестив ноги на пол, прислонившись спиной к дивану. Сама она села напротив меня в кресле. Медленно и плавно она вдохнула воздух через нос. Затем она грациозно поворачивала левой рукой с ладонью вверх перед собой так, словно сверлила в воздухе дырку. Потом она протянула руку «внутри»,хватила там что-то и вытянула руку назад, создавая у меня впечатление, что ей удалось достать из отверстия в воздухе длинную веревку. Затем она повторила то же движение правой рукой.

Когда она выполняла этот магический прием, я узнала в нем движение, которое мне показывала Клара, но в исполнении Нелиды оно сильно отличалось — оно было легче, плавнее, но не менее насыщено энергией. У Клары магические приемы получались похожими на

движения в боевых искусствах: они были грациозными и исполненными внутренней силы. Но в исполнении Нелиды те же приемы выглядели зловеще, угрожающе, но в то же время на них было приятно смотреть: они излучали психическую энергию, но не носили при этом следов возбуждения.

Во время выполнения магического приема лицо Нелиды напоминало прекрасную маску. Его черты были симметричны, совершенны. Наблюдая за великолепными движениями, которые она выполняла отчужденно и бесстрастно, я вспомнила, как Клара сказала о Нелиде, что у нее нет жалости.

— Этот прием используется для того, чтобы получать энергию из необъятности, которая лежит сразу же за всем, что мы видим, — сказала она.

— Постарайся проделать дыру в видимой панораме вещей, проникнуть за нее и зачерпнуть оттуда энергию, которая питает нас. Сделай это сейчас.

Я старалась подражать ее точным плавным движениям, но чувствовала себя по сравнению с ней скованно и неуклюже. Я не смогла представить себе, что проникаю рукой в дыру и достаю оттуда энергию, как я ни напрягала свое воображение. И тем не менее, после того как я завершила выполнение приема, я почувствовала, что стала сильнее, и энергия переполняет меня.

— В действительности вступать в контакт с эфирным телом и даже осознать его не так уж трудно, — продолжала Нелида. — Помимо использования для этой цели энергии матки и движений, его внимание можно привлечь с помощью обычных звуков.

Она объяснила, что обращаясь постоянно со словами к источнику нашего осознания — двойнику, — можно получать от него ответы.

— При условии, что у нас достаточно энергии, разумеется, — добавила она. — Если энергии действительно достаточно, нам нужно лишь произнести определенные слова или услышать некоторый тихий звук, для того чтобы открыть перед собой нечто немислимое.

Как именно мы можем направить эти слова к двойнику? — спросила я.

Нелида взмахнула руками перед собой.

— Двойник почти бесконечен, — сказала она. — Ведь точно так же, как тело может общаться с другими физическими телами, двойник может вступать в контакт с космической силой жизни.

Нелида быстро встала.

— Мы уже выполнили магические приемы и много говорили, — сказала она, — давай теперь посмотрим, умеем ли мы действовать. Я хочу, чтобы ты стала перед дверью, которая ведет в левое крыло дома. Я хочу, чтобы ты стояла спокойно и ясно осознавала все, что происходит вокруг тебя.

Я проследовала за ней через холл до двери, которая всегда оставалась закрытой. Клара объясняла мне, что эта дверь остается закрытой даже в том случае, когда все члены ее семейства присутствуют в доме. Поскольку она взяла с меня слово, что я никогда ни при каких обстоятельствах не буду пытаться ее открыть, какое бы меня ни одолевало любопытство, я не обращала на эту дверь слишком много внимания.

Взглянув на нее теперь, я не заметила в ней ничего особенного. Это была обычная деревянная дверь, похожая на многие другие двери в этом доме. Нелида аккуратно открыла ее. По ту сторону тоже был холл, точно такой же, как и холл правого крыла, но двери из него вели в другую часть дома.

— Я хочу, чтобы ты повторила одно слово, — сказала Нелида, стоя совсем рядом у меня за спиной. — Это слово намерение. Я хочу, чтобы ты произнесла намерение три, четыре раза или больше. Но не просто выговаривай его, а являй его из своих глубин.

— Из моих глубин?

— Дай возможность этому слову вырваться из своего живота громко и отчетливо. Фактически это значит, что ты должна выкрикивать слово намерение в полную силу.

Я колебалась. Я терпеть не могла кричать, и не любила, когда другие в разговоре со мной повышали голос. Еще в детстве я усвоила, что кричать очень неприлично, и приходила в ужас, когда родители громко ссорились в моем присутствии.

Не будь застенчивой, — сказала Нелида. Прокричи так громко, как нужно, и столько раз, сколько нужно.

— Как мне узнать, когда остановиться?

— Остановишься тогда, когда что-нибудь случится или когда я скажу, что надо остановиться, потому что ничего не случилось. Ну, давай! Пора!

Я произнесла слово «намерение», но мой голос звучал тихо, нетвердо и нерешительно. Даже я поняла, что в нем недостает уверенности. Я продолжала повторять его снова и снова, каждый раз все с большим задором. Мой голос стал неглубоким, но резким и громким. Так продолжалось до тех пор, пока я чуть не потеряла сознания от душераздирающего крика, который был уже не моим. Однако я уже слышала его раньше. Это был тот же самый пронзительный звук, который донесся до меня из дома в тот день, когда Клара и Манфред бросились туда, оставив меня одну под дверью. Я затряслась, а голова у меня так закружилась, что я рухнула на пол и прислонилась к дверному косяку.

— Не двигайся! — приказала Нелида, но было уже поздно. Я вяло сидела на полу.

— Очень плохо, что ты пошевелилась тогда, когда должна была стоять неподвижно, — строго сказала Нелида, но к своим словам она прибавила улыбку, когда увидела, что я вот-вот потеряю сознание. Она присела на корточки рядом со мной и потерла мне шею и руки, чтобы привести меня в чувство.

— Зачем ты заставила меня кричать? — пробормотала я, выравниваясь и занимая более удобное положение под стеной.

— Мы пытались привлечь внимание твоего двойника, — сказала Нелида. — Дело в том, что существует два уровня вселенского осознания: уровень видимого мира, в котором все упорядочено, названо и где обо всем можно подумать; а также непроявленный уровень энергии, которая порождает и питает все.

— Поскольку мы привыкли во всем доверять логике и названиям, — продолжала Нелида, — мы считаем реальным только видимый уровень. Вам кажется, что здесь все систематизировано, стабильно и предсказуемо. Однако на этом уровне все мимолетно, временно и подвержено изменениям. То, что мы считаем неизменной реальностью, есть в действительности лишь поверхностное проявление необъятной силы.

Я чувствовала себя такой сонной, что едва понимала, о чем она говорит. Несколько раз я зевнула для того, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. Нелида засмеялась, когда я преувеличенно широко раскрыла глаза, стараясь создать у нее впечатление, что слушаю ее внимательно.

— Все эти крики нужны нам с тобой для того, — продолжала она, — чтобы привлечь внимание не видимой реальности, а невидимой силы, которая является источником нашего существования и которая, как мы надеемся, перенесет тебя через пропасть.

Я хотела слушать то, что она рассказывала, но мне мешала одна странная мысль. Непосредственно перед тем, как я повалилась на пол, мне удалось на мгновение заметить необычную картину. Я увидела, что воздух в холле за дверью был наполнен небольшими пузырьками, точно так же, как и в ту первую ночь, когда я лежала в темноте в своей комнате.

Нелида продолжала говорить, но когда я снова повернулась в сторону двери, она стала между дверью и мной, не давая мне возможности заглянуть в соседний холл. Она нагнулась и

подняла листик. Он, должно быть, выпал, когда я кричала, из защитной повязки, которую Клара обмотала вокруг моего живота.

— Возможно, этот листик поможет нам понять, что к чему, — сказала она, держа его передо мной. Она заговорила быстро, словно знала, что я не смогу надолго сосредоточить внимание, и должна была успеть сказать мне как можно больше, прежде чем мой ум снова отвлечется на что-то постороннее.

— Наощупь этот листик сухой и шершавый, форма у него плоская и закругленная, а цвет — коричневый с красными прожилками. Мы знаем, что это листик, потому что органы чувств, инструменты нашего восприятия, наблюдают его, а мысли называют его. Без них листик представлял бы собой чистую недифференцированную энергию. Та же самая нереальная эфирная энергия, которая струится в основе этого листика, течет в основе всего и питает собой все. Так же, как и все остальное, мы реальны с одной стороны и являемся бестелесной видимостью с другой.

Она бережно положила листик обратно на пол, как будто он был таким хрупким, что мог сломаться от малейшего прикосновения.

На некоторое время Нелида сделала паузу, словно ожидая, пока мой ум впитает в себя все, что она сказала, но мое внимание отвлеклось, когда я снова заглянула через открытую дверь в холл и увидела, как небольшие светящиеся шарики влетают в помещение через большое окно в дальнем конце холла. Мне удалось мельком заметить, как из дверей, выходящих в холл, выглянуло несколько мужчин и женщин, слегка высовывая из-за них головы. Казалось, что все они внезапно проснулись от моих криков и выглядывали из своих спален, чтобы понять, откуда весь этот шум.

— Ты совершенно не можешь управлять собой! — отрывисто крикнула Нелида. — Твое внимание отвлекается слишком часто!

Я попыталась рассказать Нелиде, что я видела, но она остановила меня одним взглядом. Я почувствовала, как у меня по спине до самого затылка поднимается холодок. Кончилось это тем, что я непроизвольно затряслась. Именно в этот момент, когда я сидела под стеной растерянная и незащищенная, ко мне пришла самая странная из всех мыслей, которые когда-либо приходили мне в голову. Я поняла, что Нелида кажется мне знакомой, потому что я видела ее во сне. В действительности я видела ее во сне не раз. Это была целая последовательность снов, и эти люди в холле...

— Не пускай свой ум дальше этого места! — закричала Нелида. — И не вздумай мне... Ты меня слышишь?! И не вздумай мне еще раз отвлекаться! Я хочу, чтобы все твоё внимание сейчас было обращено только на меня!

Она подняла меня на ноги и велела поскорее прийти в себя. Я делала все, что было в моих силах, подчиняясь ей беспрекословно. Я всегда считала, что никто не имеет надо мной такой власти и гордилась этим. Но один взгляд этой женщины мог остановить поток моих мыслей, наполнив меня благоговейным страхом.

Нелида сильно ударила меня по макушке головы костяшками пальцев. От этого в голове у меня прояснилось так же быстро, как перед этим там все смешалось, когда она крикнула на меня.

— Я забивала тебе баки разговорами, потому что Клара сказала мне, что это лучший способ снять у тебя напряжение и завладеть твоим вниманием, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты собралась с силами. Ведь тебе любой ценой предстоит пройти сегодня через эту дверь.

Я сказала ей, что уверена в том, что видела ее в снах. Но это было еще не все. У меня создалось впечатление, что люди, которые высовывали свои головы из дверей в холле.

Когда я упомянула о людях, Нелида отступила на не сколько шагов и осмотрела меня так,

словно искала у меня на теле какие-то следы. Некоторое время она молчала, по-видимому размышляя о том, стоит ли открывать мне какой-то секрет.

— Мы представляем собой группу магов, как уже говорили тебе Клара и нагваль. У нас есть родословная, но это не обычная семейная родословная. В этом доме живут две линии нашего рода, в каждой из них насчитывается восемь человек. Представители Клариной линии носят фамилию Грау, а представители моей — фамилию Абельяр. Происхождение наших линий затерялось в незапамятном прошлом. Каждый из нас относится к тому или иному поколению. Я представитель ныне здравствующего поколения, а это означает, что я могу передавать знания, которые являются достоянием всей группы, тем, кто подобен мне. В данном случае это ты. Ты — Абельяр.

Она стала позади меня и повернула меня в направлении двери.

А теперь никаких больше разговоров. Повернись лицом к двери и снова выкрикивай слово «намерение». Думаю, что сейчас ты уже готова к тому, чтобы встретиться со всеми нами лично.

Я прокричала «Намерение!» три раза. На этот раз мой голос не хрипел, а громко звучал эхом в стенах дома. После третьего крика воздух в холле начал пузыриться. Миллиарды крохотных шариков вспыхнули и засияли, будто кто-то в одно мгновение зажег их. Я услышала тихий шум, который напоминал приглушенный звук электрогенератора. Его притягивающее жужжание влекло меня в холл через порог, на котором мы с Нелидой стояли. Уши постоянно закладывало, и мне то и дело приходилось глотать слюну для того, чтобы я снова могла слышать. Затем жужжание прекратилось, и я обнаружила, что стою посередине левого холла, являющегося точной зеркальной копией правого, к которому примыкает коридор, ведущий к моей комнате. Но в этом холле было полно людей. Все они вышли из своих комнат и удивленно смотрели на меня, словно я пришелец с другой планеты, который материализовался здесь прямо у них на глазах.

Среди них в дальнем конце холла я увидела Клару. Она лучезарно улыбалась и широко раскрыла объятия, приглашая меня подойти к ней и прижаться к ее груди. Затем я увидела Манфреда, который стоял, переминаясь лапами по полу. Он был так же рад видеть меня, как и Клара. Я побежала ему навстречу, но вместо того, чтобы чувствовать каждый свой шаг на деревянном полу, мне казалось, что я плыву по воздуху. К моей досаде, я проплыла мимо Клары, Манфреда и всех остальных людей в холле. Я не могла управлять своими движениями. Все, что я могла делать, это выкрикивать в отчаянии имена Клары и Манфреда, пролетая мимо них через холл, сквозь дом, деревья, холмы в ослепительное сияние, которое в конце концов превратилось в непроглядную тьму и полный покой.

Мне снилось, что я вскапываю почву на огороде, когда резкая боль в шее разбудила меня. Не открывая глаз, я стала шарить рукой в темноте в поисках подушки, из-за отсутствия которой ныла моя шея. Но руками я так ничего и не нащупала. Подушки не было. Я не могла почувствовать под собой даже матраса. Вокруг меня все начало покачиваться так, будто предыдущим вечером я съела и выпила больше, чем нужно, и теперь страдала от нежелательных последствий несварения желудка. Постепенно я открыла глаза. Вместо стен и потолка я увидела ветви и зеленые листья. Когда я попыталась подняться, все вокруг меня пришло в движение. Я поняла, что нахожусь не на кровати. Я была подвешена в воздухе с помощью какого-то приспособления из кожи, и покачивалась я, а не окружающий мир. Я знала вне всяких сомнений, что это не сон. Когда мои органы чувств наконец упорядочили хаос окружающей обстановки, я увидела, что с помощью блоков была поднята и зацеплена за ветку на самой вершине дерева.

Ощущение от неожиданного пробуждения в неудобном положении, к которому прибавилось понимание того, что я подвешена в воздухе и вокруг меня ничего нет, мгновенно вызвали во мне физический страх высоты. Я никогда в своей жизни не была так высоко на дереве. Я начала звать на помощь. Никто не спешил меня спасти, и поэтому я кричала до тех пор, пока не сорвала голос. Выбившись из сил, я расслабилась и вяло повисла в воздухе. От страха я потеряла контроль над своими выделительными функциями. Все вокруг было испачкано. Но крики помогли мне преодолеть страх. Я огляделась по сторонам и начала трезво оценивать свое положение.

Я заметила, что руки у меня свободны, и когда я повернула голову вниз, я увидела, на чем вишу. Вокруг моей талии, груди и ног были затянуты толстые коричневые кожаные ремни. Вокруг ствола дерева был обвязан другой ремень, до которого я могла дотянуться, вытянув руки. К этому ремню был прикреплен блок, через который была перекинута веревка. Я поняла, для того, чтобы спуститься на землю, мне нужно было лишь расфиксировать веревку и начать понемногу отпускать ее. Я собрала все свои силы для того, чтобы дотянуться до веревки, а затем постепенно опуститься. Мои руки дрожали. Но как только я оказалась на земле, мне удалось расстегнуть ремни, охватывающие тело, и освободиться от приспособления, в котором я висела.

Я побежала в дом, зовя Клару. У меня осталось смутное воспоминание о том, что я ее больше не увижу, но это было скорее какое-то предчувствие, чем осознанная уверенность. Не задумываясь над тем, что делаю, я начала искать Клару, но нигде не могла найти ни ее, ни Манфреда. Я осознала, что все вокруг как-то изменилось, но я еще не могла сказать, что это было за изменение, когда оно случилось и почему, но было очевидно, что теперь все не так, как раньше. Я знала лишь, что прошлое было безвозвратно утрачено.

Я начала длинный внутренний монолог. Я говорила себе, что больше всего хочу, чтобы Клара вернулась сейчас из своего нового таинственного путешествия, ведь она мне сейчас нужна больше всего. Затем я подумала, что ее отсутствие может объясняться и другими причинами. Может быть и так, что она умышленно избегает меня или отправилась навестить своих родственников в левом крыле дома. Затем я вспомнила встречу с Нелидой, бросилась к двери, которая вела в левую часть дома, и попыталась открыть ее, невзирая на то, что Клара предостерегала меня против этого. Дверь оказалась запертой. Несколько раз я позвала Клару через дверь, затем в отчаянии ударила по двери ногой и пошла в свою спальню. К моему разочарованию, ее дверь тоже была закрыта. Я отчаянно пыталась открыть двери других спален, которые выходили в коридор. Все они были закрыты, кроме одной. Это была комната,

напоминавшая чулан — в ней хранились какие-то вещи. Я никогда не заходила в нее, подчиняясь специальной просьбе Клары держаться от нее подальше. Однако эта дверь всегда оставалась приоткрытой, и, проходя мимо, я каждый раз заглядывала в нее.

На этот раз я вошла внутрь, зовя Клару и Нелиду, прося их показаться мне. Комнатка была темной и заполненной до отказа самыми странными вещами, которые я когда-либо видела. Она была битком набита причудливыми скульптурами, ящиками и трубами, и здесь едва можно было двигаться.

Тусклый свет падал из небольшого окошка, застекленного витражным стеклом и выделявшегося на фоне темной стены. Освещаемые этим мягким светом, все предметы в комнатке отбрасывали жуткие тени. Я подумала, что так, должно быть, выглядит каморка красивого, но сейчас уже не используемого океанского корабля, который неоднократно совершал кругосветное плавание. Внезапно пол у меня под ногами заходил ходуном и начал скрипеть. Я бросилась прочь из комнаты. Мое сердце стучало так громко и быстро, что для того, чтобы успокоить его, мне понадобилось несколько минут и много глубоких вдохов.

Снова оказавшись в коридоре, я заметила, что открыт большой стеной шкаф, находящийся напротив каморки, из которой я выбежала. На его полках лежала моя одежда, аккуратно сложенная. К рукаву куртки, в которой мы с Klarой ходили на прогулку в первый вечер, была приколота записка, адресованная мне. В ней говорилось: «Тайша, тот факт, что ты читаешь сейчас эти слова, свидетельствует о том, что ты смогла спуститься с дерева на землю. Пожалуйста, неукоснительно следуй моим инструкциям. Не заходи в старую комнату, потому что она закрыта на ключ. Начиная с этого времени, ты должна будешь спать в том приспособлении, в котором ты сегодня проснулась в домике на дереве. Все мы уехали в продолжительное путешествие. Весь дом остается на твоём попечении. Делай все что в твоих силах!» Внизу стояла подпись: «Нелида».

Я ошарашено смотрела на записку довольно долго, читая и перечитывая ее. Что Нелида хотела сказать тем, что дом находится на моем попечении? Чем мне заниматься здесь, оставшись совсем одной? А от мысли о том, что я должна спать в том ужасном приспособлении, вися в воздухе, как мясная туша, у меня по телу забегали мурашки.

Мне хотелось, чтобы слезы наполнили мои глаза. Мне хотелось сожалеть о себе, потому что они покинули меня одну, и сердиться на них за то, что они не предупредили меня перед отъездом, но я не могла ни страдать, ни гневаться. Я прохаживалась туда-сюда, стараясь вызвать у себя приступ раздражения. И я снова потерпела жалкую неудачу. Создавалось впечатление, что что-то внутри меня переключилось, отчего я стала безразличной ко всему и неспособной выражать привычные мне эмоции. Но я все же чувствовала себя одинокой. Мое тело задрожало, как происходило всегда перед тем, как я начинала плакать. Но теперь за дрожью последовали не слезы, а всплеск воспоминаний и сноподобных видений.

Я висела на дереве и смотрела вниз. Подо мной возле дерева стояли люди, они смеялись и хлопали в ладоши. Криками они старались привлечь мое внимание. Затем они все в один голос издали звук, напоминающий рычание льва, и ушли. Я знала, что это было всего лишь видение. Но в то же время встреча с Нелидой явно не была сном. Это подтверждала записка, которая находилась сейчас в моих руках. Я не была уверена только в том, сколько я провисела на дереве. Судя по состоянию моей одежды и по тому, как я проголодалась, могло быть и так, что я провисела там несколько дней. Но как я оказалась там?

Я взяла из шкафа все, что нужно, и отправилась в уборную, чтобы помыться и переодеться. Когда я снова стала чистой, мне пришла в голову отрадная мысль, что я еще не была на кухне. У меня появилась надежда, что, возможно, Клара как раз завтракает там и поэтому не слышала моего зова. Я распахнула дверь, но на кухне никого не было. Я посмотрела вокруг в поисках еды.

В печке я обнаружила горшочек со своим любимым пловом. Мне очень хотелось верить в то, что именно Клара оставила его мне. Я попробовала плов и грустно вздохнула, потому что плакать не могла. Овощи были нарезаны очень мелко, а не кусками, и мяса почти не было. Я поняла, что Клара не могла такого приготовить, а значит, она действительно уехала. Сначала я не хотела есть этого плова, но я была ужасно голодна. Достав с полки свою тарелку, я заполнила ее до краев.

Только после того, как я поела и принялась размышлять о своем положении, мне пришло в голову, что есть еще одно место, куда я забыла заглянуть. Я поспешила в направлении пещерки со смутной надеждой на то, что хотя бы там я встречу Клару или нагваля. Но там тоже никого не было — даже Манфреда. Одинокость пещерки и окружающих холмов навеяли на меня такую грусть, что я готова была отдать что угодно за то, чтобы снова уметь плакать. Я заползла в пещерку, чувствуя отчаяние немого, который еще вчера знал, как говорить. Мне захотелось умереть прямо там, но вместо этого я уснула.

Проснувшись, я вернулась в дом. Теперь, когда все уехали, думала я, я тоже вполне могу отправиться, куда захочу. Я пошла туда, где стояла моя машина. Клара часто ездила на ней и отремонтировала ее в автомастерской в городе. Я завела мотор, чтобы проверить аккумулятор, и облегченно вздохнула, когда убедилась, что все работает нормально. Собрав все свои вещи в первую попавшуюся на глаза сумку, я уже выходила из двери дома, как неожиданно меня остановил сильный укол вины. Я перечитала записку Нелиды. В ней она просила позаботиться о доме. Я не могла просто так бросить его и уехать. Она просила меня сделать все, что в моих силах. Я почувствовала, что они доверили мне какую-то важную роль, и я должна была остаться уже хотя бы для того, чтобы узнать, что это за роль. Я выложила свои вещи обратно в шкаф и легла на диване, чтобы критически оценить свое положение.

От всех сегодняшних криков у меня болели голосовые связки. В горле ужасно ныло, но во всех других отношениях мое физическое состояние было на первый взгляд вполне хорошим. Потрясение, страх и жалость к себе прошли, и я чувствовала лишь уверенность в том, что со мной случилось что-то очень важное тогда, когда я вошла в холл левого крыла дома. Но как я ни старалась, я не могла вспомнить, что же произошло, когда я пересекла порог холла.

Кроме неясности в отношении этих фундаментальных событий, у меня было еще одно частное затруднение: я не была уверена, что смогу разжечь в печке огонь. Клара мне снова и снова показывала, как это делается, но я все никак не могла научиться. Вероятно, это объяснялось тем, что я никогда не думала, что мне придется топить ее самой. Мне пришла в голову мысль о том, как выйти из этого положения: я могла поддерживать огонь, постоянно подбрасывая дрова.

Я бросилась на кухню для того, чтобы добавить дров уже сейчас, пока огонь не потух. Я также согрела немного воды и помыла в ней свою тарелку. Остаток воды я вылила в известняковый фильтр, который выглядел как большой перевернутый конус. Он представлял собой большой резервуар, устойчиво стоящий на подставке из железных прутьев. Из него капля по капле сочилась кипяченая вода. Из сосуда, который стоял под фильтром, я несколько раз зачерпнула черпаком воды себе в чашку. Затем я выпила эту прохладную вкусную воду и решила снова отправиться в дом. Вероятно, Клара или Нелида оставили где-нибудь еще записку, в которой было сказано, что я должна делать.

Я принялась искать ключи от дверей, которые вели в спальни. В шкафчике, расположенном в холле, я обнаружила связку, каждый ключ в которой был подписан. Я выбрала тот, на котором было написано имя Нелиды, и была удивлена, когда обнаружила, что он подходит к замку двери в мою комнату. Затем я выбрала Кларин ключ и пробовала открыть им несколько дверей до тех пор, пока не нашла замок, к которому он подходил. Я повернула ключ и дверь открылась, но

когда я поняла, что следующим моим действием будет осмотр обстановки в комнате, я почувствовала, что не могу этого делать. Я знала, что несмотря на то, что она уехала, за ней попрежнему оставалось право на тайну.

Я закрыла дверь, замкнула ее и положила ключи там, где я их нашла. Затем вернулась в гостиную и села на пол, прислонившись спиной к дивану так, как мне советовала поступать Нелида, когда нужно избавиться от напряжения. Это определенно успокоило мои нервы. Я снова подумала о том, чтобы сесть в машину и уехать. Однако я чувствовала, что совсем не хочу никуда уезжать. Я решила, что принимаю их предложение и останусь на хозяйстве в доме как бы долго мне ни пришлось ждать их возвращения, пусть даже вечно.

Поскольку мне ничего не нужно было делать, мне пришло в голову, что можно было бы почитать. Я уже проработала в ходе вспоминания свои детские отрицательные переживания, связанные с чтением, и решила, что таким образом проверю, изменилось ли мое отношение к книгам. Я вышла в холл и осмотрела книжные полки. Я обнаружила, что большинство книг было на немецком, некоторые — на английском и несколько — на испанском. После быстрого просмотра я узнала, что большинство немецких книжек было по ботанике. Среди них оказались также труды по экологии, геологии, географии и океанологии. На другой полке, которая была не сразу заметна, были собраны английские книги по астрономии. Испанские книги, стоящие на отдельной полке, были художественными романы и поэзия.

Я решила, что вначале прочту книги по астрономии, потому что этот предмет всегда волновал меня. Я взяла в руки тоненькую книжечку с многими картинками и начала просматривать ее. Вскоре она усыпила меня.

Когда я проснулась, в доме царил непроглядная темнота, и мне пришлось наощупь искать путь к выходу из дома. Направляясь в сарайчик, где был расположен электрогенератор, я заметила, что на кухне горит свет. Я подумала, что кто-то уже, должно быть, включил генератор. Порадовавшись тому, что, возможно, это вернулась Клара, я бросилась в сторону кухни. Приблизившись к ней, я услышала тихое пение по-испански. Это была не Клара. Это был голос мужчины, но не нагваля. Я продолжала идти, но меня охватило волнение. Не успела я подойти к двери, как мужчина высунул наружу голову и, заметив меня, громко вскрикнул. Я вскрикнула одновременно с ним. Очевидно, я напугала его точно так же, как и он меня. Он вышел за дверь, и в течение какого-то времени мы просто смотрели друг на друга.

Он был строен, но не сухощав, силен, но не массивен. Он был такого же роста, как и я, а возможно на дюйм выше меня: это значило пять футов и восемь дюймов. На нем был голубой рабочий комбинезон, похожий на те, какие носят служащие бензоправочных станций. Его лицо было слегка розовым, а волосы — седыми. Нос и подбородок были заостренными, а скулы выступали. Рот у него был небольшим, а глаза напоминали глаза птицы — темные и круглые, но сияющие и живые. Мне едва удавалось разглядеть белки его глаз. Я пристально глядела на него, но у меня не создавалось впечатления, что это старик. Он был похож на мальчишку, у которого вследствие какой-то странной болезни появились морщины. В нем было что-то одновременно юношеское и старческое, располагающее к себе, но в то же время вселяющее беспокойство. Используя все свои знания испанского языка, мне удалось спросить его, кто он и что здесь делает.

Он с любопытством уставился на меня.

— Я разговариваю по-английски, — сказал он почти без акцента. — Многие годы я жил в Аризоне вместе с родственниками Клары. Меня зовут Эмитито. Я смотритель. А ты, наверное, живущая на деревьях.

— Что ты говоришь?

— Ты — Тайша, не так ли? — сказал он, сделав несколько шагов в моем направлении. Его

движения были легкими и плавными.

— Да, Тайша. Но что вы имели в виду, когда сказали, что я — живущая на деревьях?

— Нелида сказала мне, что ты живешь на большом дереве перед главным входом в дом. Это правда?

Не задумываясь, я утвердительно кивнула в ответ, и только теперь до меня дошло нечто столь очевидное, что лишь твердолобая обезьяна могла до этого не додуматься: мое дерево находилось на запретной территории перед домом к востоку от него. Эту часть прилегающей к дому территории до сих пор я могла лишь обозревать из своего наблюдательного пункта на холмах. Открытие отозвалось во мне радостным возбуждением, потому что я поняла, что теперь я уже свободна обследовать те места, которые раньше были запретными для меня.

Радости у меня поубавилось, когда Эмилито покачал головой, словно ему было жаль меня.

— Что ты натворила, бедная девочка? — спросил он, нежно похлопывая меня по плечу.

— Ничего я не натворила, — сказала я, отступая назад.

Он явно намекал на то, что я сделала что-то не так, за что меня наказали, подвесив на дерево.

— Ну-ну, я не хотел тебя обидеть, — сказал он, улыбаясь. — Тебе не нужно ссориться со мной. Я ничего собой не представляю. Я — просто зритель, наемная рабочая сила. Я не отношусь к их числу.

— Ничего я не натворила, — оборвала я его. — Еще раз говорю вам, что ничего такого не делала!

— Ладно, если ты не желаешь говорить об этом, не говори. Мне как-то все равно, — сказал он, поворачиваясь ко мне спиной, чтобы вернуться на кухню.

— А здесь и говорить не о чем! — крикнула я, желая, чтобы мое слово было последним.

Мне ничего не стоило повысить на него голос, чего бы я никогда не осмелилась сделать, если бы он был молодым и красивым. Я даже сама удивилась, когда продолжила кричать:

— Нечего меня здесь допрашивать! Я здесь главная! Меня Нелида оставила присматривать за домом! Она написала об этом в записке!

Он подскочил, словно пораженный молнией.

— Ты очень странная, — пробормотал он.

Затем он откашлялся и тоже закричал на меня:

— Осмелюсь только подойти ближе ко мне! Хотя я и выгляжу старым, у меня еще хватит силенок! Работая здесь, я не обязан рисковать своей жизнью или выслушивать оскорбления идиотов! Я уволюсь!

Я сама не знала, что на меня нашло.

— Погодите, — сказала я тоном, которым просят прощения. — Я не хотела повышать голос, но я сейчас очень раздосадована. Клара и Нелида оставили меня здесь, не предупредив, что уезжают, и не объяснив, что делать.

— Кто ж, я тоже не хотел на тебя кричать, — сказал он в точности таким же тоном, как и я. — Я просто хотел узнать, почему они подвесили тебя перед отъездом. Поэтому я и спросил тебя, не натворила ли ты чего-нибудь. Я не хотел тебя обидеть.

— Но уверяю вас, сэр, я ничего не натворила, честное слово.

— Почему же ты тогда стала живущей на деревьях? Эти люди очень серьезны. Они бы не сделали этого с тобой просто так. Кроме того, очевидно, что ты — одна из них. Если Нелида оставляет тебе записки, в которых просит присматривать за домом, значит, ты ее закадычная подруга. Она никогда не разбрасывается подобными словами.

— По правде говоря, — сказала я, — я и сама не знаю, зачем они оставили меня висеть на дереве. Я была с Нелидой в левом крыле дома, а потом следующее, что я помню, — это то, что я

проснулась с искривленной шеей, висая на дереве. Я насмерть перепугалась.

Вспомнив о том, что я обнаружила себя одну в доме, когда все остальные уехали неизвестно куда, я помимо своей воли снова разволновалась. Я начала дрожать прямо там, стоя перед этим странным мужичком, а на лице у меня выступил пот.

— Ты была в левой части дома?

Когда он спросил это, его глаза расширились, а на лице появились признаки непритворного удивления.

— Какое-то мгновение я была там, но потом все куда-то провалилось, — ответила я.

— И что же ты видела?

— Я видела много людей в холле. Целую толпу.

— Сколько их было, ты можешь сказать?

— Холл был заполнен людьми. Быть может, их было двадцать или тридцать.

— Так много? Да-а, это странно.

— Почему это странно, сэр?

— Потому что во всем доме никогда не было столько людей. В то время в нем находилось только десять человек. Я знаю, потому что я — смотритель.

— Что это все значит?

— Будь я проклят, если знаю! Но мне лично кажется, что с тобой что-то не так.

Мой желудок завязался в узел, когда меня окутало знакомое облако обреченности. Подобное чувство я пережила еще ребенком, когда в кабинете врача у меня обнаружили *мононуклеоз (Инфекционное заболевание крови, разновидность ангины.)*. Я не знала тогда, что это значит, но понимала, что я обречена. Угрюмый вид окружающих говорил о том, что они тоже это знают. Когда мне попытались сделать укол пенициллина, я кричала так надрывно, что потеряла сознание.

— Ну-ну, — ласково сказал смотритель. — Не стоит впадать в панику. Я не хотел задеть тебя. Давай я лучше расскажу тебе то, что я знаю о том приспособлении, в котором ты висела. Возможно, это что-то прояснит для тебя. Они подвешивают в нем тех, кто не... как сказать, немного не в себе. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— А что вы имеете в виду, сэр?

— Называй меня Эмитито, — сказал он улыбаясь. Но, пожалуйста, не обращай ко мне «сэр». Можешь называть меня смотрителем подобно тому, как все называют Джона Мишеля нагвалем. А сейчас давай пройдем на кухню и сядем за стол, где обстановка более располагает к разговорам.

Я последовала за ним на кухню и села. Он налил в мою чашку теплой воды, которая нагрелась на печке, и поднес ее мне.

— Так вот, о том приспособлении, — начал он, садясь на скамейку напротив меня. — Бытует мнение, что оно излечивает душевные недуги. Обычно они подвешивают в нем тех, кто свихнулся.

— Но я не сумасшедшая, — запротестовала я. — И если вы или кто-то другой будут обвинять меня в этом, я уеду отсюда.

— Но ты ведешь себя как сумасшедшая, — заключил он.

— Этим все сказано. Я уезжаю домой, — сказала я, поднимаясь на ноги.

Смотритель остановил меня.

— Погоди, Тайша. Я не хотел сказать, что ты не в своем уме. Это все можно объяснить и по-другому, — сказал он дружелюбно. — Эти люди очень доброжелательны. Вероятно, они сочли, что тебе нужно немного укрепить психику, пока они находятся в отъезде, а вовсе не вылечиться от душевной болезни. Вот зачем тебя подвесили. Я был неправ, когда начал делать поспешные

выводы. Пожалуйста, прими мои извинения.

Я была рада этому примирению со зрителем и снова уселась за стол. Помимо всего прочего, я была заинтересована в том, чтобы быть с ним в хороших отношениях, потому что он, очевидно, знал, как разжигать печь. Кроме того, мне не хотелось расходовать энергию на то, чтобы чувствовать себя обиженной. Только теперь я поняла, что зритель был прав. Я была сумасшедшей. Я просто не хотела, чтобы он об этом знал.

— Ты живешь где-то поблизости, Эмилито? — спросила я, стараясь говорить непринужденно.

— Нет. Я живу здесь, в доме. Дверь в мою комнату находится как раз напротив твоего шкафчика в коридоре.

— Ты хочешь сказать, что живешь в той каморке, которая заполнена скульптурами и всякой рухлядью? — воскликнула я. — А откуда ты знаешь, где находится мой шкаф?

— Мне Клара рассказала об этом, — ответил он, усмехнувшись.

— Но если ты живешь здесь, как могло случиться так, что я никогда не видела тебя в доме или во дворе?

— А это наверное потому, что мы с тобой входим и выходим в разное время. По правде говоря, я тоже ни разу тебя не видел.

— Как так может быть, Эмилито? Я здесь живу уже больше года.

— А я здесь уже сорок лет, с перерывами, правда.

Мы с ним громко рассмеялись, поняв всю нелепость того, что было сказано. Больше всего меня смущало то, что в глубине души я чувствовала, что он является тем самым человеком, присутствие которого я давно ощущала в доме.

— Я знаю, Эмилито, что ты все это время следил за мной, — сказала я открыто. — Не отрицай этого и не спрашивай меня, откуда я это знаю. Более того, я знаю также и то, что ты прекрасно представлял себе, кто я, когда увидел, как я подхожу к кухне. Разве не так?

Эмилито вздохнул и утвердительно кивнул.

— Это правда, Тайша. Я действительно узнал тебя. Но ты все же здорово меня напугала.

— Но как ты узнал меня?

— Я наблюдал за тобой из своей комнаты. Но не сердись на меня. Я никогда не мог подумать, что ты почувствуешь, что я наблюдаю за тобой. Смирненно приношу тебе извинения, если доставил тебе этим неудобство.

Я собиралась спросить у него, зачем он за мной наблюдал. Я надеялась, что он скажет, что я показалась ему красивой или по крайней мере интересной, но он оборвал наш разговор, заметив, что поскольку уже стемнело, он чувствует себя обязанным помочь мне подняться на дерево.

— Позволь мне дать тебе один совет, — сказал он. Спи в домике на дереве, а не в этом приспособлении. Это увлекательнейшее занятие. Я тоже однажды жил некоторое время в этом домике, но это было много лет назад.

Прежде чем мы вышли, Эмилито угостил меня тарелкой великолепного супа и целой горой лепешек из маисовой муки. Мы ели в полной тишине. Я пыталась заговорить с ним, но он сказал, что болтовня во время еды плохо влияет на пищеварение. Я сказала ему, что мы с Кларой всегда подолгу разговаривали за едой.

— Мое тело даже отдаленно не напоминает ее тело, пробормотал он. — Она сделана из железа, поэтому она может делать с ним все что хочет. Но я не могу позволить себе этого, потому что у меня тело маленькое и капризное. Это же касается и тебя.

Мне понравилось, что он включил и меня в число тех, у кого маленькое тело, хотя я надеялась, что говоря обо мне, он имел в виду его изящность, а не капризность.

После ужина он очень заботливо провел меня через дом к центральному входу. Я никогда

не была в центральной части дома, поэтому я специально замедляла шаг и пыталась заметить как можно больше деталей интерьера. Я увидела еще одну огромную гостиную, в которой стоял длинный праздничный стол и сервант, заполненный хрустальными бокалами, стаканами для шампанского и всевозможной посудой. Рядом с гостиной находился кабинет. Проходя мимо него, я увидела внутри огромный стол из красного дерева, а также книжные полки, полностью закрывавшие собой одну из стен. В следующей комнате горел электрический свет, но я не могла видеть, что находится в ней, потому что дверь в нее была лишь приоткрыта. Изнутри доносились приглушенные голоса.

— Кто там, Эмилито? — возбужденно спросила я.

— Никого, — ответил он. — Это ты слышишь завывание ветра. Он творит чудеса с нашими ушами, когда дует сквозь ставни.

Я взглянула на него взглядом, который говорил: «Кого ты хочешь провести?», и решительно распахнула дверь, чтобы посмотреть, кто сидит в комнате. Он был прав: в комнате никого не было. Это тоже была гостиная, похожая на ту, что находилась в правом крыле дома. Однако когда я присмотрелась, я заметила, что с тенями в комнате творится что-то странное. Я могла поклясться, что они двигались, мерцали, танцевали, хотя ничто в комнате не двигалось, и сквозняка тоже не было.

Шепотом я сказала об этом Эмилито. Он засмеялся и похлопал меня по спине.

— Ты ведешь себя точно как Клара, — сказал он. — Но в этом нет ничего предосудительного. Я бы начал беспокоиться, если бы ты была похожа на Нелиду. Ты знаешь, что у нее между ног живет энергия?

То, как он на меня посмотрел, тон его слов и странное птичье недоумение, отразившееся в его глазах, показались мне очень смешными, и я так рассмеялась, что слезы едва не брызнули из моих глаз. Затем мой смех оборвался так же внезапно, как и начался, будто кто-то внутри меня повернул выключатель. Это обеспокоило меня. Это обеспокоило Эмилито тоже, потому что он так настороженно посмотрел на меня, будто сомневался в моем душевном здоровье.

Он открыл главную дверь, сняв задвижку, и вывел меня к тому месту во дворе перед домом, где находилось мое дерево. Он помог мне застегнуть ремни и показал, как управлять блоком так, чтобы я могла находиться во время подъема в сидячем положении. Он дал мне маленький фонарик, и я подняла себя наверх. Оказавшись на уровне верхних веток, я смогла разглядеть небольшой деревянный домик. Он находился почти рядом с тем местом, где я висела сегодня утром, когда проснулась, но я тогда не заметила его, потому что была очень испугана, а также потому, что его со всех сторон окружала листва.

С земли смотритель освещал своим фонарем это строение и кричал мне:

— Внутри домика есть корабельный светильник, Тайша, но не пользуйся им очень долго. А утром, перед тем, как слезать на землю, не забудь отсоединить его от батарей.

Он освещал меня с земли до тех пор, пока я не пришвартовалась к небольшой площадке, находящейся прямо перед входом в домик, и не закончила расстегивать ремни.

— Спокойной ночи! Я ухожу! — кричал он снизу. Приятных сновидений!

Мне показалось, что я слышала его хихиканье, когда он перестал освещать меня и направился в сторону главного входа в дом. Я забралась в домик на дереве с помощью своего маленького фонарика и начала искать в нем то, что он назвал корабельным светильником. Это был большой фонарь, прикрученный к полке. На полу лежала огромная квадратная батарея в оправе, которая была прикручена к полу. Я подключила ее к светильнику и зажгла его.

Домик на дереве представлял собой одну небольшую комнатку, в которой находилась небольшая платформа, служившая одновременно кроватью и низеньким столиком. Сверху на ней лежал свернутый спальный мешок. Постройка имела с каждой стороны по одному окошку,

которое представляло собой рамочку со стеклом, закрепленную сверху шарнирами и открывающуюся наружу. Для того чтобы зафиксировать рамочку в таком положении, использовались толстые палочки, которые лежали тут же на полу. В углу комнатки находился ночной горшок, который как раз помещался в корзинку, плотно закрывающуюся крышкой. После этого быстрого осмотра домика изнутри я отключила большой светильник и заползла в спальный мешок.

Вокруг было совсем темно. Я могла слышать треск сверчков и шум ручья вдали. Ветер шевелил листья рядом с домиком и тихонько покачивал все дерево. Я лежала и прислушивалась ко всем этим звукам, и тут в мое сознание начал закрадываться страх, а в теле появились ощущения, которых у меня никогда раньше не было. Непроглядная темнота так искажала и преображала окружающие звуки, что мне казалось, будто они доносятся до меня изнутри моего тела. Каждый раз, когда домик вздрагивал, у меня начинало покалывать в подошвах ног. Стоило ему скрипнуть, как у меня вздрагивали колени, а каждая сломанная ветка отдавалась болью в затылке.

Затем мое тело наполнилось страхом и начали дрожать ноги. Кончилось это тем, что вся нижняя часть тела стала непроизвольно трястись. В голове у меня помутилось, и я потеряла ориентацию в пространстве. Я не знала, где дверь, где светильник. Мне начало казаться, что домик переворачивается. Вначале я едва ощущала это, но постепенно наклон становился все более заметен, и в конце концов мне показалось, что пол накренился под углом градусов в сорок пять. Я громко вскрикнула, когда мне показалось, что платформа, на которой я лежала, наклонена еще больше. Мысль о том, чтобы поскорее спуститься вниз, одолевала меня. Но я была уверена, что разобьюсь, упав вниз. С другой стороны, ощущение, что домик переворачивается, было таким несомненным, что мне казалось, что я вот-вот скачусь с платформы и выпаду через дверь. В одно мгновение увеличение угла наклона создавало впечатление, будто я стою, а не лежу.

При каждом резком движении домика я вскрикивала и хваталась за край платформы, чтобы не соскользнуть с нее. Казалось, домик вот-вот развалится на куски. От качки меня начало тошнить. Раскачивание и скрипы стали такими резкими, что я решила, что это моя последняя ночь на Земле. Но как только я оставила последнюю надежду на то, что как-нибудь дотяну до утра, ко мне на помощь пришло нечто невообразимое. Изнутри меня засиял свет. Он пробивался через все отверстия в моем теле. Это был густой светящийся поток, который приковал меня к платформе, окружив со всех сторон сияющей защитной оболочкой. Он заполнил мою гортань, и я перестала кричать. Кроме того, он тек по дыхательным путям, отчего дышать мне стало легче. Он успокоил мой разнервничавшийся живот и дрожащие ноги. Этот свет освещал всю комнатку, и я теперь могла видеть дверь, находящуюся на расстоянии нескольких футов от меня. Купаясь в сиянии, я постепенно успокоилась. Все мои опасения и заботы исчезли. Ничто больше не имело значения. Я спокойно, полностью расслабившись, пролежала до рассвета. Исполненная сил, я спустилась вниз и пошла на кухню завтракать.

На кухонном столе я увидела тарелку с тамале. Я знала, что Эмитито приготовил еду, но его самого нигде не было видно. Я налила в чашку немного воды и съела все, что было у меня в тарелке, думая о том, что смотритель уже, должно быть, позавтракал.

Помыв тарелку, я отправилась немного поработать в огород, но быстро устала. Я сделала себе под деревом гнездо из листьев так, как меня учила Клара, и уселась в него отдохнуть. Некоторое время я наблюдала, как качаются ветви соседнего дерева. Движение этих ветвей перенесло меня в детство. Тогда мне, наверное, было пять или шесть лет. Я хваталась руками за гибкие ветви ивы. Это переживание было не воспоминанием о тех днях — я действительно была там. Мои ноги болтались подо мной, едва касаясь земли. Я была в восторге. Я кричала от радости, сидя на ветке, которую мои братья по очереди раскачивали. Они подпрыгивали вверх, хватаясь при этом за ветки, подтягивали колени к груди, покачиваясь вверх-вниз несколько раз, а затем снова опускались на землю для того, чтобы оттолкнуться от нее и снова повиснуть в воздухе.

Очнувшись, я сразу же очистила дыханием все то, что только что пережила: радость, смех, крики и чувства, которые питала к своим братьям. Я отмела прошлое плавным покачиванием головы. Постепенно веки становились все более тяжелыми. Наконец, я повалилась в свое лиственное гнездо и уснула глубоким сном.

Я проснулась, потому что какой-то острый предмет касался моих ребер. Смотритель стоял надо мной и легонько толкал меня своей палкой.

— Пора вставать, уже полдень, — сказал он. — Разве тебе плохо спалось этой ночью в домике на дереве?

Когда я открыла глаза, первым, на что я обратила внимание, было то, как солнечный свет сверкает разными оттенками оранжевого на верхушках деревьев. Лицо смотрителя тоже было озарено каким-то странным сиянием, от которого оно выглядело зловещим. На нем был тот же самый голубой рабочий комбинезон, в котором он был в предыдущий день. Но на этот раз к поясу комбинезона были привязаны три тыквы. Я села и посмотрела на то, как он аккуратно вынул пробку из самой большой из них, поднял ее ко рту и немного отпил оттуда. Затем он причмокнул губами от удовольствия.

— Разве тебе плохо спалось этой ночью? — спросил он еще раз, уставившись на меня любопытствующим взглядом.

— Ты что, издеваешься? — простонала я. — По правде говоря, это была одна из самых ужасных ночей в моей жизни.

Целый поток слезных жалоб начал изливаться из меня. Затем я смолкла и ужаснулась от того, что поняла, насколько сейчас похожа на свою мать. Каждый раз, когда я спрашивала, как ей спалось, она давала мне подобный отчет о своих неприятностях. Я очень не любила ее за это, а теперь, подумать только, — я делала то же самое!

— Эмитито, пожалуйста, прости мне этот ничтожный порыв, — сказала я.

— Правда, я даже не сомкнула глаз, но сейчас я чувствую себя хорошо.

— Да, я слышал, как ты выла подобно приведению, подхватил он. — Я думал, что ты либо видишь кошмар, либо падаешь с дерева.

— Мне казалось, что я действительно падаю с дерева, — сказала я, ожидая встретить его сочувствие. — Я чуть не умерла от страха. Но затем случилось нечто необычное, и я дожидая до рассвета.

— И что же такого необычного с тобой случилось? — спросил он с любопытством,

усаживаясь на землю на безопасном расстоянии от меня.

Я не видела причин, по которым мне не следовало рассказывать ему о случившемся, и поэтому я описала ему как можно подробнее события прошедшей ночи, завершив свой рассказ словами о свете, который спас меня. Эмилито выслушал меня с неподдельным интересом, кивая иногда головой для того, чтобы дать мне понять, что ему понятны описываемые мною чувства.

— Я очень рад, что ты оказалась такой находчивой, сказал он. — Я даже не ожидал, что ты переживешь эту ночь. Я думал, что ты потеряешь сознание. А оказывается, ты совсем не такая бестолковая, какой они тебя рисуют.

— А кто сказал, что я бестолковая?

— Нелида и нагваль. Они специально приказали мне не вмешиваться со своей помощью. Вот почему я не бросился выручать тебя ночью, несмотря на мое желание это сделать — хотя бы для того, чтобы отвести тебя в спокойное и безопасное место.

Он еще раз отхлебнул из тыквы.

— А ты не хочешь глотнуть? — предложил он, протягивая тыкву мне.

— А что в тыкве? — спросила я, догадываясь, что там спиртное. В этом случае я бы не отказалась глотнуть несколько раз сама.

Он на миг заколебался, а затем перевернул тыкву вверх дном и громко постучал по ней.

— Она пуста, — вырвалось у меня. — Ты разыгрываешь меня.

Он отрицательно покачал головой.

— Это только кажется, что она пуста, — ответил он. На самом же деле она заполнена до краев самым необычным напитком в мире. Скажи еще раз, хочешь ли ты его попробовать?

— Не знаю, — сказала я.

На одно мгновение я подумала, не шутит ли он со мной. Увидев его в аккуратно выглаженном комбинезоне, к поясу которого привязаны тыквы, у меня создалось впечатление, что он сбежал из психушки.

Он пожал плечами и, широко открыв глаза, уставился на меня. Затем я увидела, как он снова заткнул тыкву пробкой и бережно пристегнул ее к поясу с помощью тоненького кожаного ремешка.

— Ну ладно, дай мне глоточек, — сказала я, одолеваемая любопытством и внезапно возникшим желанием поиграть в его игру.

Он вынул пробку снова и дал тыкву мне. Я встряхнула ее и заглянула внутрь. Там действительно ничего не было. Однако когда поднесла ее к губам, у меня во рту возникло очень необычное ощущение. То, что наполнило мой рот, было похоже на жидкость, которая меньше всего похожа на воду. Она напоминала сухую, почти горькую, невидимую массу, глотая которую, я сначала задохнулась, а затем по всему моему телу растеклось приятное тепло.

Мне пришло в голову, что в тыкве, должно быть, находится какой-то очень мелкий порошок, который попал мне в рот, когда я переворачивала ее. Чтобы проверить свою догадку, я потрясла тыкву над ладонью, но при этом из нее ничего не выпало.

— В этой тыкве нет ничего, что можно увидеть глазом, — сказал смотритель, заметив мое удивление.

Я еще раз хлебнула невидимой жидкости и на этот раз чуть не свалилась с ног. Что-то напоминающее электрический ток потекло по мне и стало покалывать у меня в ногах. Покалывание поднялось вверх по ногам до позвоночника, по которому оно как молния ударило в голову, от чего я чуть не потеряла сознание.

Я увидела, как смотритель прыгает от радости и смеется, как клоун. Я ухватилась руками за землю, чтобы не упасть. Когда мне кое-как удалось восстановить равновесие, я сердито обратилась к нему.

— Что у тебя в этой тыкве, черт побери? — строго спросила я.

— То, что находится в ней, называется намерение, ответил он серьезно.

— Клара немного рассказывала тебе о нем. И вот пришел теперь мой черед поведать тебе кое-что.

— Что ты хочешь сказать тем, что пришел твой черед, Эмилито?

— Я хочу сказать, что теперь я — твой наставник. Клара сделала часть работы, а мне теперь заканчивать.

Моей первой реакцией на его слова было недоверие. Ведь он сам раньше говорил, что является обычным наемным работником, а не членом группы. Было очевидно, что все это — его выдумки, и я решила, что не дам себя провести.

— То, что ты говоришь, звучит так же глупо, как если бы ты захотел сейчас дернуть меня за ногу, — сказала я, стараясь улыбнуться.

— А я и правда этого захотел, — ответил он и, подскочив ко мне, дернул меня за ногу.

Прежде чем я успела встать на ноги, он, продолжая дурачиться, потянул меня за ногу еще раз. Он был очень оживлен и, весело смеясь, прыгал вокруг меня на корточках, как кролик.

— Тебе не нравится, когда твой наставник дергает тебя за ногу? — спросил он, хихикая.

Мне совсем не хотелось, чтобы он прикасался ко мне. Еще больше мне не хотелось, чтобы он таскал меня за ногу. Но я вспомнила, что прикосновения Клары тоже были неприятны для меня. Я начала вертеть в уме идею, почему мне не нравится, когда ко мне прикасаются. Несмотря на то, что я проработала в ходе вспоминания все встречи с людьми, физическое прикосновение было для меня таким же неприятным, как и раньше. Я отложила эту проблему, для того чтобы в будущем вернуться к ней, потому что смотритель унялся и начал объяснять нечто, требовавшее моего внимания.

— Я — твой учитель, — услышала я его слова. — Кроме Клары, Нелиды и нагваля в число твоих воспитателей вхожу также и я.

— Ты болтаешь чепуху, вот что ты делаешь, — оборвала я его. — Ведь ты сам сказал мне вчера, что ты всего лишь нанятый смотритель. Откуда же теперь твои претензии на то, чтобы быть моим учителем?

— Все это правда. Но я все-таки еще один твой учитель, — сказал он серьезно.

— И чему же ты собираешься меня обучать? — закричала я, чувствуя отвращение к такому повороту дела.

— Я собираюсь обучать тебя тому, что называется сталкингу с двойником, — сказал он, мигая глазами, как птица.

— А где Клара и Нелида? — настойчиво спросила я.

— Они уехали. Нелида сказала об этом в своей записке, не правда ли?

— Сама знаю, что они уехали, но куда именно?

— О, наверное они отправились в Индию, — ответил он, усмехаясь так, словно собирался вот-вот разразиться хохотом.

— Значит, они вернутся оттуда не раньше, чем через несколько месяцев, — сказала я с досадой.

— Так и есть. Мы с тобой одни. Нет даже собаки. Поэтому перед тобой открываются два пути: собрать свои манатки и уехать, либо остаться со мной и включиться в работу. Советую тебе избрать последнее, потому что тебе некуда ехать.

— Мне совсем не хочется отсюда уезжать, — сообщила я ему. — Нелида оставила меня присматривать за домом. Этим-то я и буду теперь заниматься.

— Хорошо, я рад, что ты решила следовать намерению магов, — сказал он.

Поскольку ему, должно быть, показалось, что я не поняла смысл его слов, он объяснил, что

намерение магов отличается от намерения обычных людей тем, что маги умеют сосредоточивать свое внимание на нем с необычайной силой и точностью.

— Если ты — мой учитель, можешь ли ты привести мне конкретный пример для подтверждения того, что имеешь в виду? — спросила я, уставившись на него.

На мгновение он задумался, оглядываясь вокруг. Затем его лицо просияло и он указал на дом.

— Этот дом может служить хорошим примером, — сказал он. — Он представляет собой результат действия намерения многочисленных магов, которые в течение многих поколений накапливали и хранили энергию. Поэтому в настоящее время он больше не физическая структура, а фантастическое поле энергии. Сам дом можно разрушить десять раз, как уже и происходило, но сущность магического намерения при этом остается неприкосновенной, потому что оно неуничтожимо.

— А что будет, если маги захотят уехать? — спросила я. — Их энергия будет существовать здесь вечно?

Если уезжая они повинуются духу, — сказал Эмилито, — они могут взять с собой намерение из того места, где сейчас стоит дом, и поместить его где-нибудь в другом месте.

— Я могу подтвердить, что дом этот очень странный, сказала я и поведала ему о том, как он оказывал сопротивление моим попыткам измерить его и точно рассчитать его местоположение.

— Станным этот дом делает не расположение комнат, стен или внутренних двориков, — заметил наблюдатель, а намерение, которым многие поколения магов наполняли его. Другими словами, тайна этого дома — это история многочисленных магов, чье намерение создало его. Видишь ли, они не просто проявили намерение, смысл которого в том, чтобы этот дом был, они сами построили его, кирпич за кирпичом, камень за камнем. Даже ты уже успела внести в него свою лепту намерения и труда.

— В чем же мой вклад в него? — спросила я, искренне удивляясь тому, что сказал Эмилито. — Неужто ты имеешь в виду ту несчастную тропинку на огород, которую я выложила камнями?

— Никто в здравом уме не назовет это вкладом, сказал он, смеясь. — Нет, ты сделала несколько более важных действий.

Он отметил, что на мирском строительно-кирпичном уровне моим вкладом в обустройство этого дома, по его мнению, является надежная электрическая проводка и установка в маленькой цементной постройке насоса для подъема воды из ручья для полива огорода.

— На более тонком уровне энергетических потоков, продолжал он, — я могу совершенно искренне сказать тебе, что твой вклад заключается, в частности, в том, что, сколько мы себя помним, никому еще не удавалось так полно слить свое намерение с Манфредом.

В этот момент мне в голову пришла одна догадка.

— Наверное ты — это тот человек, который может назвать его в лицо «жаба»? — спросила я. — Клара однажды сказала мне, что есть один такой человек.

Лицо наблюдателя просияло и он утвердительно кивнул.

— Да, я — тот человек. Я нашел Манфреда, когда он был еще щенком. Его либо прогнали из дому, либо он сам оттуда сбежал. Возможно, он раньше жил на моторной станции, которая находится недалеко отсюда. Когда я его нашел, он был едва живой.

— Где ты нашел его? — спросила я.

— На Восьмом шоссе, в шестидесяти милях от местечка Гила-Бенд, штат Аризона. Я остановился на обочине, чтобы сбегать в кусты и чуть было не помочился на него. Он лежал там, еле живой от жажды. Меня больше всего поразило то, что он не сидел вблизи дороги, как сделала бы всякая другая собака. И, конечно же, меня озадачило то, что, остановившись там, я

будто специально приехал за ним.

— А что было потом? — спросила я.

Я почувствовала такую жалость к несчастной собаке, оказавшейся в столь незавидном положении, что забыла обо всей своей злости на зрителя.

— Я привез Манфреда домой и положил его в воду, но не позволил ему пить, — сказал зритель. — А затем я предложил магическому намерению поступить с ним так, как оно сочтет нужным.

Эмилито сказал, что магическое намерение решало не только жить ему или умереть, но и то, будет он собакой или кем-то другим. И он выжил и стал чем-то большим, чем обычная собака.

— То же самое случилось и с тобой, — продолжал он. Вероятно, именно поэтому вы с Манфредом чувствуете такую близость. Нагваль встретил тебя, когда ты испытывала духовную жажду и была на грани того, чтобы погубить свою жизнь. Поскольку он тогда был в кинотеатре на открытом воздухе вместе с Нелидой, они вместе предложили тебя магическому намерению.

— Как они предложили меня магическому намерению? — спросила я.

— Разве они тебе об этом до сих пор не рассказали? — спросил он удивленно.

Я задумалась на мгновение, прежде чем ответить.

— Кажется, не рассказывали.

— Нагваль и Нелида вслух обратились к намерению несомненно, это было там же, в кинотеатре — и провозгласили, что готовы без колебания и сожаления отдать все в своей жизни без остатка для того, чтобы помочь тебе. И сразу же после этого они вместе поняли, что не могут увезти тебя с собой сразу же, но должны будут еще некоторое время следить за тобой. Поэтому ты теперь можешь сказать, что именно магическое намерение привлекло тебя в этот дом. Воззвание нагваля и Нелиды подействовало. Посмотри, где ты теперь! Ты здесь и разговариваешь со своим доброжелателем.

Он взглянул на меня, чтобы понять, слежу ли я за ходом его мыслей. Я пристально смотрела на него, безмолвно умоляя точнее объяснить мне, что такое магическое намерение. Он заговорил о том, что имело ко мне лично более непосредственное отношение и сказал, что, судя по тому, что я рассказывала Кларе о себе, он склонен считать, что мое намерение направлено на полное поражение. По его словам, я неявно всегда намереваюсь быть сумасшедшей и неудачницей.

— Клара рассказывала мне все что ты ей говорила о себе, — сказал он, щелкнув языком. — Тот факт, например, что ты выскочила на арену в Японии, свидетельствует о том, что ты намеревалась доказать всему миру свою любовь к поражениям, а не умение выполнять комплексы движений каратэ.

Он сразил меня, сказав, что все мои поступки окрашены предвкушением поражения. Поэтому важнее всего для меня сейчас приобрести другое намерение. Он объяснил, что это новое для меня намерение называется магическим, потому что это не просто намерение, направленное на то, чтобы сделать что-то новое. Смысл магического намерения в том, чтобы подключиться к чему-то уже существующему, а именно — к намерению, которое уходит своими истоками в тысячелетнюю историю магической традиции.

Он сказал, что в этом магическом намерении нет места для поражений, потому что перед магами всегда был открыт лишь один путь: достигать успеха во всех своих начинаниях. Но для того, чтобы унаследовать это могущественное и ясное видение, маг должен преобразить все свое существо, а это подразумевает развитие у себя новых способностей и достижение более глубокого понимания. Понимание приходит вместе с воспоминанием, а способности появляются, когда маг безупречен в своих поступках.

Эмилито посмотрел на меня и похлопал ладонью по тыкве. Он объяснил, что в ней он хранит свои безупречные чувства и что дал мне хлебнуть магического намерения для того, чтобы развеять мои пораженческие настроения и подготовить к пониманию его наставлений. Он говорил еще что-то, но я не могла больше сосредоточить на этом свое внимание. Его голос начал усыплять меня. Совершенно неожиданно я почувствовала тяжесть во всем теле. Я напрягала зрение, чтобы разглядеть его лицо, но видела лишь белый туман, похожий на тот, который заполняет низины в сумерках. Я расслышала, как он велел мне лечь и, постепенно расслабляя мышцы, воссоздать в воображении эфирную сеть.

Я поняла, что он имеет в виду, и почти бессознательно последовала его указаниям. Я легла и начала перемещать осознание от стоп дальше по телу — к щиколоткам, икрам, коленям, бедрам, животу и позвоночнику. Затем я расслабила руки, плечи, шею и голову. Двигаясь осознанием по различным частям тела, я становилась все более сочной и тяжелой.

Затем смотритель приказал мне легко поворачивать глазами против часовой стрелки, давая им возможность свободно перемещаться в глазницах. Я продолжала расслабляться до тех пор, пока дыхание не стало плавным и ритмичным, пока грудь не стала подниматься и опускаться сама по себе. Я сосредоточивалась на убаюкивающих волнообразных движениях грудной клетки, когда он прошептал, что мне следует переместить сознание от головы как можно выше над собой и сделать там маленькое отверстие.

— Какое отверстие? — пробормотала я.

— Небольшое отверстие. Дырочку.

— Дырочку куда?

— Дырочку в пустоту, и которой парит твоя эфирная сеть, — ответил он. — Если ты вынесешь осознание за пределы своего тела, ты почувствуешь, что тебя со всех сторон окружает темнота. Попытайся проникнуть в эту темноту. Сделай дырочку, чтобы выйти в нее.

— Мне кажется, я не смогу, — сказала я, напрягаясь.

— Сможешь, ясное дело, — заверил он меня. — Помни, для магов нет невозможного, они достигают успеха во всем.

Он наклонился надо мной и шепотом сказал, что после того, как мне удастся сделать отверстие, я должна буду свернуть тело в трубочку, как свиток, и улететь вдоль энергетической линии, которая простирается из макушки моей головы в пустоту.

— Но ведь я же лежу, — вяло запротестовала я. — Макушка моей головы почти касается земли. Не лучше ли мне встать?

— Пустота окружает нас со всех сторон, — сказал он. Даже если мы стоим на голове, она тоже присутствует.

Затем тон его голоса изменился настолько, что стал напоминать недопускающие возражения команды. Он приказал мне сосредоточиться на отверстии и позволить своим чувствам и мыслям вытечь через него. Снова мои мышцы напряглись, ведь я еще не сделала никакого отверстия. Смотритель велел мне расслабиться, не думать больше об этом, а действовать и чувствовать так, словно я уже проделала отверстие.

— Выбрось в него все, что находится внутри тебя, сказал он. — Позволь всем своим мыслям, чувствам и воспоминаниям вытечь наружу.

Прекратив напрягать мышцы тела, я ощутила, что меня заполняет энергия, сметая все на своем пути. Меня словно кто-то выворачивал наизнанку: все притягивалось к макушке головы, устремляясь к ней, как горизонтальный водопад, а затем летело дальше, туда, где я ощущала отверстие.

— Отпусти себя на еще более глубоком уровне, — прошептал он мне на ухо. — Отдай себя всю пустоте.

Я сделала все что могла, для того, чтобы поступить так, как он говорил. Какие бы мысли не появлялись у меня в голове, они сразу же присоединялись к водопаду того, что вылетало из меня через макушку головы. Я смутно услышала, как смотритель сказал, что если я захочу улететь сама, мне нужно только отпустить себя, и меня унесет вслед за всем туда, куда я захочу. Прежде чем я позволила этому случиться, я почувствовала легкое, но не прекращающееся дерганье в левом боку. Я расслабилась и позволила этому ощущению продолжаться. Поначалу у меня создалось впечатление, что одна только голова наклонилась влево, но скоро все мое тело, казалось, начало скатываться в эту сторону. Мне чудилось, что я вот-вот упаду куда-то вбок, но в то же время я знала, что мое тело не движется с места. Я услышала за головой шум и увидела, что отверстие увеличилось в размере. Мне захотелось вылезти наружу, протиснуться сквозь него и раствориться в пустоте. Вдруг все внутри меня пришло в движение: осознание начало перемещаться в направлении макушки головы, а затем выскользнуло наружу.

Я почувствовала, будто оказалась внутри огромной полости. Ее бархатистые стенки окружали меня со всех сторон. Было темно. Мое внимание приковала к себе светящаяся точка. Она то разгоралась, то угасала, появляясь и исчезая, когда я сосредоточивала на ней внимание. Затем пространство передо мной озарилось ярким светом. Потом все вокруг снова погрузилось во тьму. Дыхание, казалось, совсем прекратилось, и никакие мысли и образы больше не появлялись вокруг. Я больше не чувствовала своего тела. Последней моей мыслью было то, что я растворилась.

Я услышала громкий отрывистый звук, напоминающий хлопанье пробки. Внезапно ко мне вернулись все мои мысли, посыпавшись откуда-то, как куча обломков, а вместе с ними пришло осознание твердости земли, занемелости тела и того, что какое-то насекомое кусает меня в подошву. Я открыла глаза и осмотрелась. Смотритель, сняв мои туфли и носки, приводил меня в чувство тем, что тыкал в подошвы ног палочкой. Я хотела рассказать ему о том, что со мной произошло, но он остановил меня покачиванием головы.

— Не разговаривай и не двигайся до тех пор, пока снова не затвердеешь, — предостерег он меня. Он приказал мне закрыть глаза и дышать животом.

Я лежала на земле до тех пор, пока не почувствовала, что ко мне снова вернулись силы, затем села, опираясь спиной о ствол дерева.

— Ты открыла выход во тьму, и твой двойник вначале соскользнул влево, а потом прошел через него, — сказал смотритель, прежде чем я успела ему что-либо сказать.

— Я ясно чувствовала, как меня туда тянет сила, заметила я. — А потом я увидела яркий свет.

— Та сила была выходящим из тела двойником, — сказал он так, словно безошибочно знал, о чем я говорю. — А свет был глазом двойника. Поскольку ты занимаешься воспоминанием больше года, тебе уже удалось немного укрепить свои энергетические линии, и теперь они начинают двигаться сами. Но поскольку ты по-прежнему отягощена разговорами и размышлениями, эти линии еще не двигаются так легко и широко, как они смогут когда-нибудь делить ЭТО.

Я не понимала, что он имел в виду, когда говорил, что я укрепляла энергетические линии в ходе занятий воспоминанием. Я попросила его объяснить это.

— Что здесь объяснять? — спросил он. — Все сводится к энергии. Чем больше ее ты возвращаешь себе с помощью воспоминания, тем больше ее уходит на усиление двойника. Переход энергии к двойнику мы называем укреплением энергетических линий. Тот, кто может видеть энергию, заметит, что из тела человека выходит множество энергетических линий.

— А что все это значит для того, кто, подобно мне, не видит энергии?

— Чем больше у тебя энергии, — объяснил он, — тем больше у тебя возможностей замечать

необычное.

— Мне кажется, что со мной все происходит не так: чем больше у меня появляется энергии, тем больше не в своем уме я становлюсь, — сказала я, и не пытаюсь шутить.

— Не сбивай себя с толку подобными выводами, посоветовал он. — Восприятие — это великая тайна, потому что его совсем никак нельзя объяснить. Маги, как и все люди, что-то воспринимают, но то, что они воспринимают, не является ни хорошим, ни плохим. Это просто воспринимаемое. Если кто-то из людей посредством целенаправленных усилий получает возможность видеть больше, чем доступно обычному восприятию, они приобретают необычные способности. Тебе понятно, что я имею в виду?

Он отказался говорить на эту тему дальше. Вместо этого он снова провел меня сквозь дом и через парадную дверь к моему дереву. Он указал на верхушку дерева и сказал, что, поскольку на этом дереве расположены жилые помещения, оно оснащено громоотводом.

— В этих местах молнии бьют часто и очень сильно, отметил он. — Бывают грозы без единой капли дождя. Но когда видишь, что начинает идти дождь, или что в небе появилось много кумулонимбических облаков, залезай поскорее в домик на дереве.

— Когда появилось в небе много чего? — спросила я.

Эмилито засмеялся и ласково похлопал меня по спине.

— Когда нагваль Хулиан отправлял меня в домик на дереве, он сказал мне точно так же, но тогда я не осмелился его спросить, что это значит. И он мне тоже не объяснил. Только много позже я узнал, что он имел в виду грозовые облака.

Он посмеялся, глядя на тревожное выражение моего лица.

— Может ли случиться так, что молния ударит в дерево? — спросила я.

— Может, на твое дерево находится под защитой, ответил он. — А теперь давай, взбирайся наверх, а то скоро стемнеет.

Прежде чем я начала подъем, он дал мне мешочек с грецкими орехами, которые были уже разбиты, но не очищены.

Он сказал, что если уж мне суждено быть живущей на дереве, я должна питаться как белочка, съедая каждый раз немножко пищи, но ничего не есть ночью.

Мне эта идея понравилась, потому что перспектива слезать каждый раз вниз для того, чтобы сходить на кухню, меня не очень прельщала. Я сказала об этом ему.

— А оправляться ты любишь? — спросил он, хихикая. — Думается, что нет, потому что самое неприятное в жизни на дереве начинается тогда, когда нужно опорожнить кишечник. С человеческими экскрементами трудно иметь дело. Моя философия говорит, что чем меньше их у тебя, тем лучше ты приспособлена к жизни.

Эти его слова показались ему такими забавными, что, смеясь, он чуть не покатился по земле. Продолжая посмеиваться, он развернулся и ушел, а я осталась размышлять о его философии.

На следующую ночь была гроза с громом и молнией. Но нет на всей Земле способа описать мои переживания, когда я сидела в домике на дереве, а небо рассекали молнии, ударяя время от времени в деревья неподалеку. Описать мой страх невозможно. Я кричала еще громче, чем в первую ночь, когда мне казалось, что я вот-вот упаду с платформы, служившей мне кроватью. Это был какой-то животный ужас, он просто парализовал меня. Единственная мысль, способная удерживаться в моем сознании, была о том, что я — трусиха от рождения, и когда напряжение стало невыносимым, я потеряла сознание.

Сознание вернулось ко мне только в середине следующего дня. Когда я спустилась вниз, оказалось, что Эмилито уже ждет меня, сидя на одной из нижних веток так, что его ноги едва касаются земли.

— Ты выглядишь, как летучая мышь, выбравшаяся из ада, — заметил он.

— Что случилось этой ночью?

— Я чуть не умерла от страха, — ответила я.

Я не собиралась прикидываться бодренькой или создавать впечатление, что ничего не произошло. Я чувствовала себя точно так же, как, наверное, и выглядела — живой тряпкой.

Я сказала ему, что впервые за всю свою жизнь посочувствовала солдатам на поле битвы, потому что пережила тот же страх, который, должно быть, посещает их, когда рядом разрываются бомбы.

— Я не согласен, — сказал он. — Твой страх этой ночью был еще сильнее. Твои крики не были человеческими. А значит, они доносились с уровня двойника, и это был действительно непревзойденный страх.

— Эмилито, пожалуйста, объясни мне, что ты хочешь этим сказать.

— Твой двойник уже близок к осознанию, поэтому в стрессовых ситуациях, подобных той, которая возникла у тебя прошлой ночью, он уже частично осознает себя, но при этом абсолютно испуган. Он еще не привык воспринимать мир. Твои тело и ум привыкли к этому, а двойник — еще нет.

Я была уверена, что если бы я была готова к тому, что ночью будет буря, я бы расслабилась и мои страхи и тревожные мысли не проявились бы в полную силу. Возможно, случилось бы даже так, что нечто во мне вышло бы за пределы тела, вышло из домика и спустилось на землю. Но этого не произошло, потому что я испугалась в первую очередь того, что заключена, поймана в своем теле.

— Когда мы входим в абсолютную темноту, туда, где ничто не отвлекает наше внимание, — сказал смотритель, — двойник одерживает верх. Он вытягивает свои эфирные конечности, открывает свои сияющие глаза и оглядывается по сторонам. Иногда это переживание еще более страшно, чем то, что выпало на твою долю этой ночью.

— Двойник не может так бояться, — заверила я его. Я в этом уверена.

— Ты еще ни в чем не можешь быть уверена, — возразил он. — Не сомневаюсь, что твои крики этой ночью были слышны до самого Таксона.

Его реплика задела меня. Было в нем что-то такое, что мне не нравилось, но я не могла точно знать, что это. Возможно, всему был виной его странный вид. Он не вел себя так, как подобает мужчине: он казался всего лишь тенью мужчины, хотя при более пристальном взгляде можно было заключить, что он довольно силен. Но больше всего мне претило то, что он не позволял мне вертеть собой, и это невероятно раздражало худшую сторону моего характера.

В порыве гнева я рывкнула:

— Как ты смеешь все время наезжать на меня, когда я говорю то, что тебе не нравится!

Стоило мне только выпалить эту фразу, как я тут же пожалела об этом и принесла свои искренние извинения за несдержанность.

— Сама не знаю, почему ты так сильно раздражаешь меня, — призналась я потом.

— Не переживай, — сказал он. — Это происходит потому, что ты чувствуешь во мне что-то такое, чего не можешь объяснить. Как ты сама выразила это, я веду себя не так, как подобает мужчине.

— Я не говорила этого, — запротестовала я.

Судя по его взгляду, он не верил моим словам.

— Нет, говорила, — настаивал он. — Ты сказала это моему двойнику несколько минут назад. Мой двойник слышит все и никогда не ошибается в интерпретации услышанного.

Мол нервозность и смущение достигли апогея. Я не знала, что ему ответить. Лицо у меня покраснело, а тело задрожало. Я не могла понять, почему это со мной происходит. Голос зрителя прервал поток моих мыслей.

— Это происходит потому, что твой двойник заметил моего, — сказал он.

— Твое физическое тело напугано, потому что его врата открыты, и через них в него втекают новые для него ощущения. Если тебе сейчас кажется, что тебе плохо, подумай о том, насколько хуже тебе было бы, если бы все твои врата были открыты.

Он говорил так убедительно, что я подумала о том, что скорее всего он прав.

— У животных и младенцев, — продолжал он, — не возникает затруднений с тем, чтобы видеть двойника, и поэтому часто бывает так, что он беспокоит их.

Я заметила, что животные не особо любят меня и что за исключением Манфреда я питаю к ним те же чувства.

— Животные не любят тебя, — начал объяснять он, потому что врата твоего тела никогда не были полностью закрыты. И твой двойник постоянно стремится вырваться наружу. Будь начеку. Ведь теперь ты помогаешь ему своим намерением, и врата рано или поздно распахнутся. В один прекрасный день твой двойник возьмет да и проснется, и ты, например, можешь вдруг обнаружить себя во внутреннем дворике, хотя не выходила из дома.

Мне оставалось лишь засмеяться, прежде всего для того, чтобы разрядить нервное напряжение, которое создавалось во мне под влиянием его бессмысленных слов.

— А как насчет детишек, особенно маленьких? — спросил он. — Разве они не начинают визжать, когда ты сажаешь их себе на руки?

Обычно так и происходило, но я не сказала об этом зрителю.

— Маленькие дети любят меня, — солгала я, прекрасно зная, что когда я несколько раз оказывалась рядом с младенцами, они сразу же начинали плакать. Я всегда говорила себе, что это происходит потому, что у меня недостает материнских чувств.

Зритель с недоверием покачал головой. Я потребовала, чтобы он объяснил, как животные и дети могли чувствовать двойника, если сама я не знала, что он существует. Фактически, до тех пор, пока Клара и нагваль не рассказали мне о двойнике, я даже не подозревала о том, что он есть. Я также не знала никого, кто знал бы о нем. Он резко ответил мне, что ощущения младенцев и животных не имеют ничего общего с рациональным знанием. Они ощущают двойника чем-то другим: своими открытыми вратами.

Он добавил, что эти врата постоянно открыты у животных, но люди закрывают их, как только начинают разговаривать и думать, в результате чего у них начинает преобладать разум.

До этого я слушала зрителя очень внимательно, потому что Клара говорила мне, что кто бы ни говорил мне что-то в этом доме, моя задача в том, чтобы слушать. Но чем больше я уделяла внимание тому, что говорит Эмитито, тем сильнее я раздражалась. Это закончилось

тем, что я пришла в откровенную ярость.

— Я не верю ни одному твоему слову, — сказала я. Зачем ты говорил, что являешься моим учителем, а? Ведь ты же не можешь ничего мне толком объяснить!

Смотритель рассмеялся.

— Разумеется, я не добровольно взял на себя эту обязанность, — сказал он.

— А кто же тогда тебя назначил?

После паузы, в течение которой он размышлял, я услышала:

— Длинная последовательность событий. Началось все с того, что нагваль нашел тебя голую и лежащую на спине с поднятыми ногами.

Он залился хохотом, к которому примешивались какие-то резкие звуки, напоминающие крик птицы.

Его издевательское чувство юмора вызывало у меня негодование.

— Не отвлекайся, Эмитито, и скажи мне, что все это значит! — крикнула я.

Извини меня, я думал, что тебе доставит удовольствие напоминание о твоих подвигах, но вижу, что ошибся. Мы же, в отличие от тебя, очень любим твои выходки. Многие годы мы высмеиваем Джона Мишеля и те несчастья и невзгоды, которые он навлек на себя, когда ошибся дверью и вместо того, чтобы зайти в уборную, попал туда, где была голая девушка, — сказав это, он разразился смехом.

Но я не видела в этих словах ничего смешного. Моя ярость была такой безудержной, что мне хотелось усмирить его несколькими точными ударами рук и ног. Он посмотрел на меня и отодвинулся подальше. Несомненно, он почувствовал, что я вот-вот взорвусь.

— Неужели ты не находишь ничего смешного в том, что Джон Мишель прошел через ад, преодолевая все связанные с тобой затруднения, и все это лишь потому, что, находясь в кинотеатре, захотел помочиться? Это у нас с ним общее. Только там, где я нашел почтидохлого щенка, он встретил совсем спятившую девицу. И оба мы ответственны за тех, кого нашли, до конца своей жизни. Увидев, что с нами случилось, все остальные члены нашей группы пришли в ужас и поклялись никогда больше не ходить мочиться, не проверив и не перепроверив выбранное место.

Тут он так закатился, что ему пришлось переступить с места на место для того, чтобы удержаться на ногах.

Но заметив, что я даже не улыбаюсь, он постепенно успокоился.

— Ладно... давай продолжим наш разговор, — сказал он, утихомирившись.

— Как только произошло первое событие — нагваль увидел тебя с поднятыми ногами, — он выполнил свой долг и пометил тебя. Затем он должен был следить за тобой. Для этого ему понадобилась помощь Клары и Нелиды. В первый раз он пришел с Нелидой навестить тебя, когда ты закончила колледж и работала воспитателем в детском лагере, который находился в горах.

— Это правда, что он нашел меня при помощи энергетического канала? — спросила я, стараясь не выглядеть слишком заинтересованной.

Абсолютная. Он пометил твой двойник своей энергией, и поэтому мог следить за каждым твоим движением, — сказал он.

— Но я что-то не помню их, — заметила я.

— Это потому, что тебе казалось, что ты просто видишь повторяющийся сон. Но они на самом деле отправились туда, чтобы встретиться с тобой наяву. С тех пор они продолжали посещать тебя в течение всех этих лет. Чаще это делала Нелида. Затем, когда, следуя ее совету, ты переехала в Аризону, всем нам выпала возможность встретиться с тобой.

— Погоди, это все становится очень запутанным. Как я могла последовать ее совету, если я

даже не помню ни единой встречи с ней?

— Поверь мне, она не уставала повторять тебе, что ты должна переехать в Аризону, что ты потом и сделала, хотя, конечно, думала, что приняла это решение самостоятельно.

Когда смотритель рассказывал мне об этом, передо мной вспыхивали картины, относящиеся к тому периоду жизни. Я припомнила, что думала тогда об Аризоне как о месте, где я должна жить. Я помню, как применила тогда свой «метод южного горизонта» для того, чтобы решить, куда отправиться в поисках работы, и получила очень ясную подсказку, что должна направляться в Таксон. Мне тогда даже приснился сон, в котором кто-то говорил мне, что я должна устроиться на работу в книжный магазин. Я никогда не любила книг, и мне показалось тогда странным то, что я должна работать с ними, но тем не менее, когда я оказалась в Таксоне, первым делом я зашла в книжную лавку, на двери которой висела табличка «Требуется продавец». Я поступила туда на работу и начала печатать накладные, работать на кассе и подавать посетителям книги с полок.

— Когда кто-то из нас приходил к тебе, — продолжал Эмитито, — он общался только с твоим двойником, поэтому встречи с нами откладывались в твоей памяти как события снов. Но исключением была Нелида. Ее ты должна помнить, как обратную сторону своей собственной руки.

Как много покупателей я ни повидала тогда в магазине, я все же смутно помнила красивую, со вкусом одетую женщину, которая однажды подошла ко мне и очень дружелюбно заговорила со мной. Это было очень необычно для меня, потому что никто тогда не обращал на меня внимания. Эта женщина вполне могла быть Нелидой.

На глубинном уровне все, что говорил Эмитито, было понятно. Но для моего рассудка все это казалось столь натянутым, что я бы сочла себя сумасшедшей, если бы признала, что верю ему.

— То, что ты говоришь, напоминает конский навоз, сказала я, но мои слова прозвучали более неуверенно, чем я того хотела.

Моя грубая реплика ничуть его не смутила. Он поднял руки над головой и поворачивал ими.

— Если все, что я сказал, для тебя навозная куча, будь добра, объясни мне, что происходит с тобой, — поддел он меня, хитро улыбаясь. — Но не разыгрывай здесь маленькую девочку, которая первым делом начинает плакать и топтать ножкой.

Я услышала свой надрывный голос:

— Ты грязный старикашка! Ты проклятый... — На этом моя пылающая ярость потухла.

Я не могла поверить в то, что начала выкрикивать вслух ругательства. Сразу же я начала извиняться, утверждая, что не привыкла ни кричать, ни браниться. Я уверяла его, что была воспитана самым цивилизованным образом матерью, которая и не помышляла никогда о том, чтобы повышать на когонибудь голос.

Смотритель рассмеялся и поднял руку, чтобы остановить меня.

— Не надо больше извинений, — сказал он. — Это говорит твой двойник. Он всегда выражается кратко и точно, и поскольку ты никогда не давала ему свободы слова, он исполнен ненависти и негодования. Он объяснил, что мой двойник был очень растревожен громом и молниями прошедшей ночи и особенно событиями пятидневной давности, когда Нелида втокнула меня в холл левого крыла дома с тем, чтобы я сделала первый шаг в направлении магического перехода.

— Пятидневной давности! — воскликнула я. — Ты хочешь сказать, что я провисела на дереве два дня и две ночи?

— Если быть точным, ты провисела там два дня и три ночи, — сказал он с ехидной усмешкой. — Мы по очереди должны были подниматься туда для того, чтобы посмотреть, не

страхлось ли с тобой чего-нибудь. Ты была без чувств, но в хорошем состоянии, поэтому мы оставили тебя там одну.

— Но зачем меня там подвесили?

— Ты потерпела жалкую неудачу, когда попыталась совершить маневр, который мы называем абстрактный полет или магический переход, — сказал он.

— Это истощило твою энергию.

Он объяснил, что в действительности это не была неудача с моей стороны, а просто несвоевременная попытка, которая закончилась полным провалом.

— А что бы случилось, если бы у меня получилось? — спросила я.

Он заверил меня, что удача не дала бы мне никаких преимуществ, но могла бы послужить точкой отсчета, чем-то типа путеводной нити или маяка на пути, по которому я бы точно определила то место, куда мне предстоит прийти в будущем, когда я должна буду совершить абстрактный полет полностью самостоятельно.

— Пока ты живешь за счет энергии нас всех, — продолжал он. — Все мы обязаны помочь тебе. Фактически ты сейчас потребляешь энергию всех магов, которые жили до нас в этом доме. Ты вживаешься в их магию. Это подобно тому, как если бы ты лежала на волшебном ковресамолете, который переносит тебя из одной сказочной страны в другую, и причем страны эти без ковресамолета посетить никак нельзя.

— Но мне по-прежнему непонятно, почему я здесь, сказала я. — Неужели просто из-за того, что нагваль Абельяр ошибся и случайно натолкнулся на меня?

— Нет, все здесь не так просто, — сказал он, посмотрев на меня в упор. — На самом деле, твой нагваль — совсем не Джон Мишель. Есть новый нагваль и новая группа, ты относишься к этой новой группе.

— О чем ты говоришь, Эмилито? Какая новая группа? Кто это все решает?

— Сила, дух, та необъятная сущность, которая являет этот мир, решает все. Для нас же свидетельством того, что ты принадлежишь к новому поколению магов, служит тот факт, что ты точь-в-точь похожа на Нелиду. В молодости она была точно такой, как ты сейчас. Ваша схожесть проявляется даже в том, что она тоже потеряла всю имеющуюся у нее энергию во время своей первой попытки совершить абстрактный полет. И так же, как ты, она при этом чуть не погибла.

Ты хочешь сказать, что я могла проститься с жизнью, пытаюсь сделать это, Эмилито?

— Конечно. И это не потому, что магический переход настолько опасен, а потому, что ты так неуравновешенна. Если бы на твоём месте был кто-то другой, у него, наверное, просто заболел бы живот. Но с тобой все не так. Тебе, как и Нелиде, обязательно нужно все преувеличить и довести до крайности. Вот почему ты чуть было не погибла. После этого единственная возможность вернуть тебе силы была в том, чтобы оставить тебя повисеть на дереве вдали от земли до тех пор, пока ты не придешь в чувство. Ничего другого мы не могли сделать.

Как бы невероятно все это ни звучало, происшедшее стало постепенно проясняться для меня. Во время моей встречи с Нелидой была допущена какая-то серьезнейшая ошибка. Что-то во мне вышло из-под контроля.

— Вчера я дал тебе отпить намерения из своей тыквы, потому что хотел выяснить, пришел ли в равновесие твой двойник, — объяснил Эмилито. — Оказывается, нет! В этой ситуации единственная возможность поддержать его состоит в том, чтобы загрузить его работой. И нравится тебе это или нет, я единственный, кто может давать ему задания и присматривать за его деятельностью. Поэтому я — твой учитель. Лучше будет даже сказать, что я — учитель твоего двойника.

— Как ты думаешь, что случилось со мной, когда я была с Нелидой? — спросила я, все еще не понимая, что же тогда было не так.

— Точнее, что не случилось тогда с тобой, — поправил он меня. — Предполагалось, что ты плавно и уравновешенно пересечешь пропасть и полностью осознаешь своего двойника в левом крыле дома.

А затем он пустился в пространные объяснения того, что должно было произойти.

Под руководством Нелиды я должна была перемещать сознание между телом и двойником несколько раз. Предполагалось, что этот сдвиг устранил все естественные препятствия, которые нагромождались в течение моей жизни между телом и двойником. Маги планировали, сказал он, что я смогу встретиться со всеми ими лично, постольку мой двойник уже знаком с ними. Но поскольку я не совсем в своем уме, я не смогла осуществить переход плавно и уравновешенно. Другими словами, случилось так, что сознание, которое приобрел мой двойник, не имело ничего общего с сознанием моего тела. В результате я пережила ощущение неуправляемого полета. Вся имеющаяся у меня энергия быстро исчерпалась, поскольку ее ничто не ограничивало, и двойник пошел вразнос.

Мне очень жаль, Эмилито, но я вынуждена признаться, что не поняла, о чем ты мне рассказывал, сказала я.

Магический переход подразумевает перемещение сознания из мира обычной жизни, в котором находится физическое тело, в сферу двойника, — ответил он. — Слушай внимательно. Сознание мира обычной жизни — это то, что мы желаем переместить от тела к двойнику. Сознание мира обычной жизни.

— Кто это значит, Эмилито?

— Это значит, что мы стремимся к трезвости, уравновешенности, контролю. Нам не нужны сумасшедшие и их суматошные действия.

— Что это все значит в приложении ко мне? — настаивала я.

— Ты индальгировала, потому что постоянно впадаешь в крайности. В результате твое сознание мира обычной жизни не перешло к двойнику.

— А что же я сделала?

— Ты поместила в двойник какое-то непонятное неконтролируемое сознание:

— Что бы ты ни говорил, Эмилито, я не могу в это поверить, — сказала я. — На самом деле это все совершенно непонятно.

— Естественно, это не понятно, — согласился он. — Но если ты ищешь понятного, тебе не нужно сидеть здесь для того, чтобы лелеять свои сомнения и покрикивать на меня. Лежать раздетой с поднятыми вверх ногами — вот что понятно для тебя!

На мгновение его лицо озарила улыбка развратника, от которой по мне побежали мурашки. Но прежде чем я успела сказать что-то в свою защиту, выражение лица у него стало глубоко серьезным.

— Легко и гармонично выпустить двойник на свободу, переместить в него восприятие мира обычной жизни ничто не сравнится с этим, — сказал он тихо.

— Тот, кто сделал это, постигает невообразимое. А сейчас давай займемся чем-нибудь понятным. Пошли завтракать.

Свою третью ночь в домике на дереве я провела как на курорте. Я просто забралась в спальный мешок, крепко заснула и проснулась на рассвете. Опускаться вниз на этот раз тоже было легче. Я наловчилась пользоваться веревками и блоками так, что при этом мне не приходилось напрягать спину и плечи.

— Сегодня — последний день твоего переходного периода, — объявил Эмилито, когда мы закончили завтрак. — Тебе предстоит немало потрудиться. Но ты не лентяйка, поэтому для тебя это будет несложно.

— Что ты называешь переходным периодом?

— Речь идет о шести днях, которые прошли с тех пор, когда ты в последний раз разговаривала с Кларой. Не забывай, что ты провела на дереве уже шесть ночей, три из которых ты помнишь, а три не помнишь. Маги всегда группируют события в серии по три.

— Я тоже должна делать все по три раза? — спросила я.

— Разумеется. Ты ведь преемница Нелиды, не так ли? Ты продолжаешь ее линию. — Затем он застенчиво улыбнулся и добавил:

— Но сейчас ты должна делать то, что тебе говорю я. Помни, что пока мы с тобой здесь вдвоем, как бы долго это ни продолжалось, — я твой наставник. Вт слов Эмилито меня немного покорило. Когда Нелида говорила «мы с тобой» во всех своих высказываниях, я каждый раз чувствовала гордое волнение, но когда так говорил со мной смотритель, это мне совсем не нравилось.

Заметив мое смущение, он заверил меня, что никем не контролируемые силы свели нас с ним вместе для выполнения особой задачи. Поэтому мы должны были действовать согласованно, ведь именно так осуществляют все начинания в магической традиции.

— Клара подготовила физический аспект твоего существования, научив тебя воспоминанию, и приоткрыла твои энергетические врата с помощью магических приемов, объяснил он. — Моя же задача в том, чтобы укрепить твой двойник, а затем научить его сталкингу.

Он заверил меня, что никто кроме него не может научить меня сталкингу с двойником.

— Ты мне можешь объяснить, что такое сталкинг с двойником? — спросила я.

— Конечно, могу. Но разговаривать об этом было бы неразумно, потому что сталкинг подразумевает действие, а не разговоры о том, как нужно действовать. Кроме того, ты сама уже знаешь, о чем идет речь, потому что ты уже занималась этим сталкингом.

— Где и когда я им занималась?

— В первую свою ночь в домике на дереве, — сказал Эмилито, — когда ты чуть было не умерла от страха. Тогда твой рассудок не мог найти выхода из сложившейся ситуации, потому что обстоятельства вынудили тебя положиться на двойника. Именно твой двойник пришел тебе тогда на помощь. Он просочился через те врата, которые широко открыл в тебе страх. Я называю то, что тогда случилось с тобой, сталкингом с двойником.

Нагваль и Нелида достигли мастерства в управлении двойником. Поэтому они помогут расставить тебе все точки над «i», — продолжал он, — при условии, что я проделаю всю черновую работу. Таким образом, от меня зависит, сможешь ли ты понять то, что они будут тебе говорить, точно так же, как от Клары зависело, будешь ли ты готова для работы со мной. Отсюда следует, что если я не подготовлю тебя, они ничему не смогут тебя научить.

— А почему Клара не могла и дальше оставаться моим учителем? — спросила я, выпив немного воды.

Он пристально посмотрел на меня, а затем моргнул глазами, как птица.

— Это традиция — иметь двух наставников, — сказал Эмилито. — У каждого из нас их было двое. Но в конце концов я продолжил занятия с одним учителем, которым был нагваль. Это тоже традиция.

Эмилито объяснил, что нагваль Хулиан Грау был не только его учителем, но и учителем каждого из шестнадцати других представителей семейства. Нагваль Хулиан вместе со своим учителем, другим нагвалем по имени Элиас Абеляр, нашли каждого из членов магической группы и помогли всем стать на путь освобождения.

— А почему фамилии Грау и Абеляр перешли ко всем остальным магам?

— Это имена силы, объяснил Эмилито. — Их берут себе маги всех поколений. Еще есть правило чередования фамилий нагвалей из поколения в поколение. Это значит, что Джон Мишель Абеляр унаследовал свою фамилию от Элиаса Абеяра, а новый нагваль, который продолжит дело Джона Мишеля Абеяра, возьмет себе фамилию Грау в честь Хулиана Грау. Это правило распространяется на всех нагвалей.

— Почему Нелида сказала, что я — Абеляр?

— Потому что вы с ней похожи как две капли воды. А традиция гласит, что в таком случае ты должна унаследовать ее фамилию или имя, — если пожелаешь, и то, и другое. Сама она унаследовала от своей предшественницы и имя, и фамилию.

— Кто ввел эти правила и зачем они ему понадобились? — спросила я.

— Правила нужны для того, чтобы маги руководствовались ими и не становились слишком своенравными и непредсказуемыми. Они должны придерживаться этой традиции, потому что она предложена им самим духом. Вот что мне говорили по этому поводу, и сомневаться в чем у меня нет никаких оснований.

Эмилито сказал, что его другим учителем была женщина по имени Талиа. Он описал ее как самую великолепную женщину, которую можно себе вообразить существующей на земле.

— А мне кажется, что Нелида — самое прекрасное существо! — выпалила я, но тут же и остановилась. Если бы я этого не сделала, мои слова прозвучали бы так же, как слова Эмилито, — исполненными бесконечного почитания.

Эмилито наклонился ко мне через стол и с видом конспиратора, который все же собирается поведать мне какой-то секрет, произнес:

— Я с тобой согласен. Но подожди еще некоторое время, пока Нелида старательно возьмется за тебя, — тогда ты будешь любить ее так, будто во всем мире никого больше не существует.

Яго слова не удивили меня, потому что он правильно высказался о том, о чем я сама уже начала догадываться. Я любила Нелиду так, словно знала ее вечно, словно она была моей матерью, которой у меня в семье, можно сказать, и не было. Я сказала ему, что для меня она была самой доброй, самой прекрасной и безупречной женщиной, которую я когда-либо встречала, и это все при том, что всего лишь несколько дней назад я даже не подозревала, что она существует.

На самом деле ты знала ее, — запротестовал Эмилито. — Каждый из нас встречался с тобой, а Нелида навещала тебя чаще, чем все остальные. Задолго до того, как ты встретила с Кларой, Нелида обучила тебя множеству полезных вещей.

— Чему же она, по-твоему, меня обучила? — спросила я неловко.

Он почесал макушку, а затем ответил:

— Она научила тебя, например, советоваться с двойником.

— Ты уже говорил, что с помощью двойника я выжила в первую свою ночь на дереве. Но я совсем не представляю себе, как мне это удалось.

— Да представляешь ты, представляешь. Ты всегда умела контактировать с ним. Что ты

скажешь, если я напомним тебе твой метод получения советов с помощью расслабления и посматривания на горизонт в южном направлении?

Как только он сказал об этом, что-то прояснилось у меня в уме. Я совсем позабыла о тех снах, которые мне снились многие годы и в которых прекрасная загадочная леди разговаривала со мной и оставляла мне подарки на прикроватном столике. Однажды мне приснилось, что ока подарила мне кольцо с опалом, а в другой раз — золотой браслет с маленьким амулетом в виде сердечка. Иногда она просто садилась на краю моей кровати и говорила мне о том, что я должна сделать по пробуждении. Тогда же она научила меня смотреть в поисках ответа на горизонт, носить одежду определенных цветов и даже делать прическу, которая бы была мне больше к лицу.

Когда я чувствовала себя уныло и одиноко, она успокаивала и веселила меня, шепча мне в ухо забавные глупости. Но отчетливее всего я помню, как она говорила мне, что любит меня такой, какой я была тогда. Она так и говорила: «Я люблю тебя такой, какая ты есть». Затем она обычно гладила меня по спине там, где я чувствовала напряжение, касалась головы и трепала мои волосы. Я поняла теперь, что именно потому, что она так ласкает меня, я не любила прикосновений своей матери. Мне было неприятно, когда кто-то кроме нее дотрагивался до меня. Проснувшись утром после такого сна, я всякий раз чувствовала, что ничто в мире не страшно мне до тех пор, пока эта леди лелеет в своем сердце любовь ко мне.

Мне всегда казалось, что это все мои фантазии. Посещая католическую школу, в то время я даже думала, что это ко мне является Блаженная Дева Мария или какая-то из святых. Меня учили, что все добро в мире исходит от них. Одно время мне даже казалось, что моя волшебница-крестная, о которой я прочла в какой-то детской сказке, но никогда мне не могло прийти в голову, что эта женщина реально существует на Земле.

— Это была не Дева Мария и не святая, дуреха, сказал Эмилито, засмеявшись. — Это была наша Нелида. И все те драгоценности она на самом деле давала тебе. Ты найдешь их все под платформой в домике на дереве. Ей они достались от ее предшественницы, поэтому она теперь передает их тебе.

Ты хочешь сказать, что кольцо с опалом действительно существует?! — вырвалось у меня.

Эмилито утвердительно кивнул.

— Если не веришь, иди посмотри. Нелида просила меня, чтобы я сказал тебе...

Прежде чем он успел закончить свою реплику, я выскочила из кухни и побежала к дереву перед домом. С рекордной скоростью я поднялась в домик на дереве. Там, в маленькой обитой шелком шкатулке, спрятанной под платформой, лежали изысканные драгоценные украшения. Я сразу же узнала кольцо с опалом, в котором мерцал красный огонек, и золотой браслет с амулетом. Кроме них, там были другие кольца, золотые часы и цепочка с бриллиантом. Я достала золотой браслет и надела его. Впервые с тех пор, как я рассталась с Кларой, мои глаза наполнились слезами. Но это были слезы не жалости к себе и грусти, а радости и возбуждения. Ведь теперь я знала вне всяких сомнений, что прекрасная леди была не просто причудой моего воображения.

Я произнесла вслух имя Нелиды и поблагодарила ее громким голосом за все ее добрые дела. Я пообещала ей измениться, оправдать ее доверие и делать все, что Эмилито велит мне, — до тех пор, пока снова не увижусь с ней.

Когда я спустилась вниз, оказалось, что Эмилито ждет меня возле двери в кухню. Я показала ему браслет и кольца и спросила, как могло случиться, что те же самые драгоценности снились мне много лет назад.

— Маги — очень удивительные существа, — сказал Эмилито, — и все потому, что большую часть времени они действуют с помощью двойника. Нелида — великий сталкер. Она использует

сталкинг для того, чтобы входить в сны других. Ее сила так велика, что она может не только сама оказываться во сне, но и приносить туда с собой вещи. Вот так она встречалась с тобой. Теперь ты понимаешь, почему она носит фамилию Абеляр. Абеляр — означает сталкер. А Грау у нас значит сновидящий. Все маги в этом доме либо сталкеры, либо сновидящие.

— В чем разница, Эмилито?

— Сталкеры замышляют, а затем воплощают в жизнь свои замыслы. Они делают изобретения и открытия, изменяя при этом вещи во сне и наяву. Сновидящие идут вперед без всяких замыслов и рассуждений. Они просто окунаются в реальность мира или в реальность сновидения.

— Это все непонятно мне, Эмилито, — сказала я, рассматривая отблески света в опале.

— Я и занимаюсь с тобой затем, чтобы это стало тебе понятным, — ответил он. — И для того, чтобы содействовать мне, ты должна делать то, что я тебе говорю. Все, что я говорю, делаю или советую тебе, — это либо буквальное воспроизведение слов двух моих учителей, либо что-то, непосредственно выведенное из их наставлений. — Он наклонился ближе ко мне. — Ты можешь мне не верить, прошептал он, — но по своей натуре мы с тобой очень схожи.

— В чем, Эмилито?

— Мы оба чуть-чуть чокнутые, — сказал он с самым серьезным выражением лица. — Обрати на это внимание и хорошенько запомни это. Для того чтобы быть здоровыми, мы должны работать, как лошади, над достижением гармонии, но не ума и тела, а двойника.

Я не видела, как можно ему возразить, и поэтому согласилась с этим. Но через некоторое время, сидя за кухонным столом, я спросила его:

— Как мы можем быть уверены, что совершенствуем двойник?

— М этом можно судить по тому, как нам удается открывать врата, — ответил он. — Первые врата находятся на подошвах ног, у основания большого пальца.

Одним быстрым движением он ухватил под столом мою левую ногу и мгновенно снял с нее туфлю и носок. Затем большим и указательным пальцами он как клещами сдавил круглую выпуклость, которая находится на стопе там, где расположено основание большого пальца. От неожиданности и резкой боли я вскрикнула. Я так сильно рванула ногу к себе, что ударила коленом о нижнюю сторону столешницы. Я вскочила и завопила:

— Как это называется, черт побери!

Он не обратил никакого внимания на мой сердитый порыв и сказал:

— Я показываю тебе, где расположены врата, в полном соответствии с традицией. Поэтому будь внимательна.

Он встал и перешел на мою сторону.

— Вторые врата находятся в области икр и внутри колен, — сказал он, нагибаясь и ударяя меня по ногам. Третьи — это половые органы и копчик. Прежде чем я успела отодвинуться, он протянул свои горячие руки до моей промежности и, ухватив за брюки, немного приподнял.

Я с силой оттолкнула его, но он ухватил меня за одежду внизу спины.

— Четвертые и наиболее важные находятся в области почек, — сказал он. Не обращая внимания на мое сопротивление, он снова толкнул меня на скамью. Его руки поднялись выше по моей спине. Я съезжилась, но ради Нелиды не мешала ему.

— Пятая точка находится между лопатками, — сказал он. — Шестая — у основания черепа, а седьмая — на макушке головы. — Для того, чтобы продемонстрировать, где находится последняя точка, костяшки его руки с силой опустились на самую макушку моей головы.

Он вернулся на другую сторону стола и сел.

— Если открыты первые и вторые врата, мы излучаем энергию, которая делает нас невыносимыми для окружающих, — продолжал он. — Если же третьи и четвертые врата не

закупорены так плотно, как это обычно бывает, мы излучаем энергию, которая располагает к нам людей.

Я знала наверняка, что у зрителя были настезь открыты нижние центры, потому что более несносным и отвратительным я не могла его себе представить. Отчасти шутя, а отчасти потому, что чувствовала себя виноватой перед ним за эту мысль, я заметила, что люди не очень-то любят меня. Мне всегда казалось, что мне недостает доброжелательности и внимательности, и поэтому мне постоянно хотелось чем-то располагать их к себе.

— Это вполне понятно, — согласился он. — Твои врата на подошвах и икрах приоткрыты с самого рождения. Еще одним следствием того, что у тебя открыты нижние центры, является то, что у тебя возникают трудности с ходьбой.

— Послушай, — сказала я, — в том, как я хожу, нет ничего плохого. Я занимаюсь боевыми искусствами. Клара говорила мне, что я передвигаюсь очень плавно и грациозно.

Тут он рассмеялся.

— Можешь заниматься всем чем хочешь, — возразил он, — но ты таскаешь ноги во время ходьбы. У тебя походка старика.

Эмилито был еще хуже, чем Клара. Она по крайней мере умела смеяться со мной, а не только надо мной. У него же не было совсем никакого уважения к моим чувствам. Он издевался надо мной так, как старшие дети издеваются над младшими — теми, кто еще беззащитен.

Ты ведь не обиделась, правда? — спросил он, пристально глядя на меня.

— Я? Обиделась? Разумеется, нет, — сказала я, кипятясь.

— Вот и хорошо. Клара уверяла меня, что с помощью вспоминания ты почти полностью избавилась от жалости к себе и от чувства собственной важности. Проработка в ходе вспоминания эпизодов твоей жизни, особенно половой жизни, еще больше приоткрыла у тебя врата. Хруст, который иногда раздается в твоем затылке, происходит в тот момент, когда левая и правая стороны у тебя разделяются. В результате точно в середине тела образуется зазор, по которому энергия поднимается в затылок, туда, откуда доносится этот звук. Если ты слышишь по временам этот звук, это значит, что двойник у тебя вот-вот осознает себя.

— Что мне делать, когда я слышу этот звук?

— Знание о том, что делать, не имеет никакого значения, поэтому мы практически ничего не можем изменить, — сказал он. — Можно продолжать сидеть дальше или встать и пройтись. Главное, знать при этом, что мы ограничены потому, что физическое тело сковывает наше сознание. Но когда случается переворот и двойник начинает управлять сознанием, мы можем сделать почти все, что можем себе вообразить.

Он встал и подошел ко мне.

— Знай, что тебе не удастся хитростью вынудить меня рассказывать тебе обо всем этом так, как ты заставляла это делать Клару и Нелиду, — сказал он. — Понять что-то о двойнике можно только тогда, когда ты сама осуществила соответствующее действие. А пока я говорю с тобой потому, что твой переходный период еще не закончился.

Он взял меня за руку и практически выволок за собой во двор дома. Затем он усадил меня под деревом так, что одна толстая ветка проходила несколькими дюймами выше моей головы. Он сказал, что собирается посмотреть, смогу ли я еще раз воссоздать двойник, на этот раз с помощью дерева и в полном сознании.

Я очень сильно сомневалась в том, что смогу что-нибудь воссоздать, и сказала ему об этом. Но он настаивал на том, что если я использую намерение, мой двойник сам выйдет из меня и распространится за пределы моего физического тела.

— Что конкретно я должна делать? — спросила я, надеясь, что он покажет мне какую-то последовательность действий, которая является частью магической традиции.

Он велел мне закрыть глаза и сосредоточиться на дыхании. Затем мне следовало выразить намерение, которое приведет в действие силу. Эта сила устремится вверх до тех пор, пока я не почувствую вратами, расположенными на макушке головы, что могу касаться веток, находящихся надо мной. Он сказал, что это сделать мне будет довольно легко, потому что я воспользуюсь поддержкой моего друга — дерева. Его энергия, объяснил он, сформирует матрицу, которая заполнит собой мое осознание.

После того, как я некоторое время сосредоточивалась на дыхании, я почувствовала восходящие пульсации энергии в позвоночнике. Казалось, что они выталкивают что-то на макушке головы. Затем что-то во мне открылось. С каждым вдохом энергетическая линия простиралась из меня до вершины дерева, а на выдохе ее втягивало обратно в тело. С каждым вдохом во мне росло ощущение, что я достаю до вершины дерева. В конце концов у меня не осталось сомнений в том, что мое тело увеличилось до размеров дерева.

В один момент меня охватило чувство огромной расположенности и привязанности к дереву. Мгновенно я почувствовала, как что-то хлынуло вверх по позвоночнику и еще выше за пределы головы. Внезапно я осознала, что обзираю окружающую местность с вершины дерева. Это ощущение длилось лишь мгновение, потому что до меня донесся голос зрителя, приказывающего мне опуститься и вернуться вновь в свое тело. Я почувствовала, как что-то пенящееся и шипящее, подобное водопаду, обрушилось вниз, вошло в меня через макушку и заполнило тело знакомым теплом.

— Не следует потакать желанию надолго отождествляться с деревом, — сказал он мне, когда я открыла глаза.

Меня переполняло стремление обнять дерево, но зритель за руку оттянул меня на некоторое расстояние от него и усадил на большой камень. Он отметил, что с помощью внешней силы, которая в данном случае объединила мое осознание с деревом, человек легко может дать возможность двойнику расширяться. Однако это настолько легко, что мы можем переусердствовать и слиться с деревом на столь продолжительное время, что лишим его всей его энергии, которая необходима ему для того, чтобы жить и расти. Еще существует опасность, что мы можем потерять часть энергии, отдав ее дереву вследствие своей чрезмерной привязанности к нему.

— Сливаясь можно с чем угодно, — объяснил он. Если тот человек или та вещь, с которыми ты сливаешься, сильны, твоя энергия возрастает, как это было всякий раз, когда ты сливалась с волшебником Манфредом. Но если человек или вещь слабы, лучше держись от них подальше. В любом случае не увлекайся этим упражнением, потому что, как и все остальное, это обоюдоострый меч. Внешняя энергия всегда отличается от нашей внутренней, а нередко и враждебна ей.

Я внимательно слушала то, что рассказывал мне зритель. Одно показалось мне чрезвычайно интересным.

Эмилито, скажи пожалуйста, почему ты назвал Манфреда волшебником?

— Таким образом мы подчеркиваем его уникальность. Манфред для нас не может быть кем-то иным кроме волшебника. Он — больше чем маг. Он был бы магом, если бы жил среди своих братьев. Но он живет среди людей, и к тому же магов, и при этом не уступает им. Только весьма продвинутый волшебник может вести себя так.

Я спросила его, увижу ли когда-нибудь Манфреда вновь. Но зритель с таким пафосом прижал свой указательный палец к губам, что я решила дальше молчать и не требовать от него ответа.

Он поднял с земли палочку и нарисовал на земле овал. Затем он провел еще одну горизонтальную черту, пересекающую его посередине. Указывая на эти две половинки овала, он

сказал, что двойник разделяется на верхнюю и нижнюю части, которые в первом приближении соответствуют в физическом теле животу и грудной клетке. В этих двух частях тела обращается два различных типа энергии. В нижней части циркулирует изначальная энергия, которая была у нас еще тогда, когда мы находились в лоне матери. В верхней части находится энергия мысли. Эта энергия входит в тело после рождения с первым вдохом. Он объяснил, что с годами энергия мысли возрастает и проникает в голову, а исходная энергия опускается в область гениталий. В обычной жизни эти две энергии разделены в двойнике, что вызывает слабость и недомогание физического тела.

Он провел еще одну линию, на этот раз разделяя овальный контур по вертикали, и сказал, что это соответствует делению тела на левую и правую стороны. Эти две стороны, заявил он, также характеризуется каждая своей структурой круговорота энергии. Справа энергия циркулирует по передней части двойника вверх, а по задней — вниз, но слева происходит наоборот: она опускается по передней части и поднимается по задней.

Он объяснил, что типичная ошибка многих магов, которые пытаются пробиться к двойнику, состоит в том, что они распространяют на него закономерности, которые присущи лишь физическому телу. Они, например, могут начать обращаться с ним так, будто он создан из мышц и костей. Он заверил меня, что физические упражнения никак не могут повлиять на двойник.

— Самый простой выход из этого затруднения, объяснил наблюдатель, — разделить тело и двойник. Только когда вне всяких сомнений ясно, что они разделены, осознание может перетекать от одного к другому. Этим и занимаются маги. Таким образом им удастся оставить в стороне всю бессмысленность ритуалов, заклинаний и изоощренных методов дыхания, которые, как предполагается, должны объединять их.

— А что ты скажешь о дыхательных упражнениях и магических приемах, которым Клара обучила меня? Они тоже бессмысленны?

— Нет. Она обучала тебя только тому, что поможет тебе разделить тело и двойник. Поэтому все они нам пригодятся.

Он сказал, что, вероятно, самая большая ошибка людей в том, что они считают самым важным здоровье тела и заботятся лишь о том, чтобы ему было удобно, тогда как в сущности смысл наших жизней находится в сфере двойника. Непонимание этого связано с тем, что люди склонны видеть источник осознания в физическом теле. Он добавил, что наше обычное восприятие базируется на энергии, которая обращается к правой части двойника. С этим связана наша способность думать, рассуждать и эффективно работать с идеями и мнениями других. Иногда случайно, но чаще всего вследствие целенаправленных занятий, осознание может переместиться к энергии, которая циркулирует в левой части двойника, что приводит к появлению в поведении человека тенденций, которые не благоприятствуют умственной работе и контактам с людьми.

Когда осознание устойчиво обращается к левой части двойника, — продолжал он, — двойник становится независимым от тела, и человек может совершать невиданные трюки. И это не удивительно, ведь двойник — это источник нашей энергии. А физическое тело представляет просто вместилище, где эта энергия может временно находиться.

Я спросила его, существуют ли люди, которые могут по своей воле помешать свое осознание на любой стороне двойника.

Он утвердительно кивнул.

— Маги могут делать это, — ответил он. — В тот день, когда ты достигнешь этой способности сама, ты тоже станешь магом.

Он сказал, что некоторые люди могут перемещать осознание в левую часть двойника или в правую сразу после того, как им удастся совершить абстрактный полет. Для этого им достаточно

только управлять своим дыханием. Такие люди могут заниматься магией или боевыми искусствами так же успешно, как и постигать заумные научные построения. Он сказал, что стремление постоянно осознавать лишь левую часть двойника является более опасной ловушкой, чем все соблазны обычного мира, потому что это стремление приводит нас к тайне и обещает силу.

— Наша подлинная надежда лежит в центре, — сказал он, касаясь моего лба и центра грудной клетки, — потому что в стене, которая разделяет двойник на части, имеется тайная дверца, ведущая к маленькой третьей части, о которой мало кто знает. Только тогда, когда эта дверца открывается, мы познаем подлинную свободу.

Он схватил меня за руку и стянул с камня.

— Твой переходный период уже почти закончился, сказал он, поспешно увлекая меня за собой в дом. — Некогда больше рассуждать. А сейчас мы отметим его завершение тем, что провернем одну штуку. Пошли в мою комнату.

Я обмерла. Теперь я была не просто смущена, но и почувствовала страх. Каким бы эксцентричным Эмитито ни был, и как бы много он ни говорил о двойнике, он все же был мужчиной, и воспоминание о том, как он протягивал ко мне руки на кухне, были еще слишком ярки. Я знала к тому же, что это не было с его стороны бесстрастное прикосновение с целью продемонстрировать мне местоположение энергетических центров. Его прикосновения ясно дали мне понять, что он желает меня.

Смотритель устался на меня холодным взглядом.

— Кто ты хочешь сказать тем, что мои прикосновения дали тебе понять, что я желаю тебя?

Мне оставалось лишь смотреть на него с открытым ртом. Он воспроизвел мою мысль дословно. Волна стыда прокатилась по мне, а затем все мое тело задрожало. Я начала неуклюже извиняться. Я сказала ему, что часто воображала себя такой прекрасной, что ни один мужчина не мог передо мной устоять.

— Вспоминать означает сжигать это все, — сказал он. Ты не справилась со своей работой. Несомненно, именно в этом причина того, что ты потерпела неудачу при попытке совершить магический переход.

Он развернулся и пошел прочь от дома.

— Значит, еще не время показывать тебе то, что я хотел показать, — сказал он. — Нет, время еще не пришло. Тебе нужно еще немало поработать ты должна быть намного внимательней. И настойчивей тоже, потому что тебе нельзя больше спотыкаться.

Мой переходный период закончился сразу после того, как Эмилито упрекнул меня в том, что я неправильно поняла его замысел. Начиная с этого времени он полностью прекратил разыгрывать роль своенравного шута и стал очень требовательным наставником. Я больше не слышала от него пространных рассуждений о том, что такое двойник, или объяснений каких-то других магических понятий. Мне больше не приходилось выслушивать утешительные речи. Я работала много и упорно. Каждый день с утра до вечера я ни на минуту не покладала рук. И лишь вечером, изнемогая от усталости, я засыпала в домике на дереве.

Продолжая заниматься кунг-фу и работая в огороде, я должна была также готовить обед и ужин. Смотритель научил меня разжигать печь и готовить простые блюда. Следует отметить, что моя мать тоже пыталась научить меня этому, но потерпела полную неудачу. Поскольку теперь у меня были другие дела, я обычно засыпала все что нужно в горшочек и ставила его в печь, а затем приходила позже и ела. После нескольких недель приготовления одного и того же плова я добилась наконец того, что он стал вкусным. Эмилито даже заметил, что я стала если не довольно хорошим поваром, то, по крайней мере, таким поваром, еда которого съедобна. Я отнеслась к его словам как к комплименту, потому что ни разу в моей жизни то, что я готовила, — будь то отбивная или торт — не было съедобным.

Мы каждый раз ели в молчании. Тишина нарушалась лишь тогда, когда он хотел мне что-то сказать. Но когда завязать разговор хотела я, он похлопывал по своему животу, напоминая мне тем самым о своем утонченном пищеварении.

Как и раньше, большую часть времени я посвящала воспоминанию. Смотритель велел мне проработать еще раз те же самые события с участием тех же людей, что и раньше, только на этот раз я должна была заниматься этим в домике на дереве. Я так привыкла подниматься в него каждый день, что потеряла свой врожденный страх высоты. Мне нравилось проводить время на свежем воздухе. Очень приятен для меня был вечер, когда я занималась особыми делами. Под руководством Клары я занималась воспоминанием в пещере. Тогда мое доминирующее настроение было мрачным, тяжелым, земным и нередко имело примесь страха. Но под руководством Эмилито мое воспоминание в домике на дереве приобрело новые качества. Оно стало легким, воздушным, прозрачным. Я припоминала события с беспрецедентной ясностью. То ли у меня прибавилось энергии, то ли дело было в том, что я находилась над землей, но воспоминания стали необычайно подробными. Все стало более ярковыраженным, но в то же время не так заряженным жалостью к себе, мраком, страхом или сожалением о случившемся, что было очень характерно для моих прежних занятий воспоминанием.

Клара предлагала мне писать на земле имя каждого человека, которого я встречала в своей жизни, а затем стирать его рукой, когда я очистила дыханием все, что ассоциировалось у меня с этим человеком. Эмилито же заставлял меня писать имена людей на сухих листиках, а затем подносить к ним горящую спичку, когда я заканчивала работать с воспоминаниями о них. Он дал мне специальное приспособление для сожжения листьев. Это был металлический куб высотой двенадцать дюймов, в стенках которого были аккуратно сделаны маленькие круглые дырочки. Половина одной грани куба была прозрачной — в нее было вмонтировано стеклышко, напоминающее маленькое окошко. Верх куба открывался, и на нижней стороне крышки было длинное отверстие. Со стороны окошка был небольшой рычажок, который вдвигался внутрь и выдвигался оттуда. К нему можно было привязать спичку и зажечь ее трением о шероховатую поверхность внутренней стороны крышки после того, как она оказывалась закрытой.

— Для того, чтобы ты не могла прямо смотреть на огонь, — объяснил Эмилито, — ты

должна наколоть листок на острие с тем, чтобы когда ты закроешь крышку, он оказался внутри ящика. Затем смотри внутрь через окошко и с помощью рычажка зажги спичку, поднеси ее к листику и наблюдай, как он сгорает, оставляя после себя золу.

Глядя на пламя, поглощающее листик, я должна была вбирать в себя глазами энергии огня, но внимательно следить за тем, чтобы не дышать дымом. Он приказал мне ссыпать золу в специальную металлическую коробочку, а использованные спички — в бумажный пакетик. Каждая из спичек представляла собой символ человека, имя которого было написано на листике, который сгорел от этой конкретной спички. Когда коробочка переполнялась, я высыпала ее содержимое с верхушки дерева, давая возможность ветру разнести золу во всех направлениях. Я получила приказ опустить пакетик с сожженными спичками вниз на специальной веревке, а Эмилито взял его щипцами, и поместил в корзинку, которую он использовал лишь для этой цели. Он был очень внимателен в том, чтобы не касаться ни спичек, ни пакетика. Я могла лишь догадываться о том, что он закапывал их где-то на холмах или высыпал в ручей, чтобы вода унесла их по течению. Он заверял меня, что правильная утилизация спичек — это завершение процесса разрыва связей с миром.

После трех месяцев занятий воспоминанием во второй половине дня Эмилито решил изменить мой распорядок.

— Я устал постоянно есть один и тот же плов, — сказал он однажды утром, поднимая мне на дерево еду, которую приготовил сам.

Я была рада этому, но не потому что у меня появилась возможность проводить больше времени в домике на дереве, а потому что я очень любила есть то, что приготовил кто-то другой.

Когда я впервые попробовала то, что он приготовил, я уже больше не сомневалась в том, что Клара никогда не варила те блюда, которые мне подавала. Поваром всегда был Эмилито. Он делал все с душой, и поэтому что бы он ни приготовил, получалось просто объедение.

Каждое утро около семи часов Эмилито уже стоял у дерева, готовый к тому, чтобы поднять мне в корзинке что-то поесть. Закончив завтракать, я обычно приступала к занятиям воспоминанием. Теперь, когда я освободилась от неприятных ощущений, связанных с вытаскиванием на поверхность сознания воспоминаний о своих неудачах, воспоминание стало больше напоминать увлекательное путешествие, в ходе которого я делала интереснейшие открытия. Ведь чем больше я освобождалась от прошлого, тем легче и раскованнее я себя чувствовала.

Когда старые связи с людьми перестали отягощать меня, я начала по-другому относиться к тем, кто меня окружал. В данном случае речь идет об отношениях с тем уникальным существом, которое направляло мои усилия. Хотя Эмилито и проявлял строгость и настойчивость в том, чтобы я работала непокладая рук, его характер был легок как перышко. Поначалу меня очень удивляло то, что и он, и Клара утверждали, что я похожа на них. Но познакомившись с собой поглубже, я должна была согласиться, что являюсь такой же напористой, как Клара, и такой же взбалмошной, если не сумасшедшей, как Эмилито.

Но как только я привыкла к его странностям, мое отношение к нему перестало отличаться от отношения к Кларе, нагвалю или Манфреду. Чувства, которые я питала по отношению к этим людям, теперь уже составляли одно целое, поэтому я начала чувствовать симпатию к Эмилито. Вполне естественно, что в один прекрасный день я почувствовала нема чую радость оттого, что называю его «Эмилито». Во время нашей первой встречи смотритель сказал мне, что его зовут Эмилито — уменьшительное от испанского имени Эмилио. Поначалу мне казалось смешным то, что я называю этого взрослого мужчину «маленьким Эмилио», поэтому мне не нравилось его имя. Но когда я сошлась с ним поближе, я не могла вообразить, как можно было бы величать его по-иному.

Всякий раз, когда я думала об этих четверых, они были для меня словно один человек. Но я все никак не могла соотнести их с Нелидой. Она была особо дорога мне. Она всегда стояла в моих глазах в стороне от других, и это при том, что я видела ее в реальном мире лишь раз. Я поняла, что в тот день, когда мой взгляд впервые остановился на ней, узлы, которые уже давно связывали нас, просто проявились в этом мире. Всего лишь одной встречи в обычной жизни, какой бы короткой она ни была, было достаточно для того, чтобы эти узлы стали несокрушимыми и вечными.

Однажды, когда мы обедали на кухне, Эмилито вручил мне пакет. Взяв его в руки, я поняла, что он от Нелиды. Я попыталась найти на нем обратный адрес, но его нигде не было. К пакету был прицеплен маленький кусочек картона, на котором была нарисована женщина, сводившая губы так, словно она собиралась кого-то поцеловать. Внизу рукой Нелиды было написано: «Поцелуй дерево». Я разорвала пакет и нашла в нем пару ботинок из мягкой кожи с высокими голенищами, которые зашнуровывались спереди и имели на подошвах большие резиновые шипы.

Я подняла их для того, чтобы показать Эмилито. Я не могла себе представить, для чего они предназначены.

— Это ботинки для лазания по деревьям, — сказал он, кивая головой так, словно узнал что-то знакомое. Нелида знает, что ты любишь деревья, несмотря на то, что боишься упасть. Шипы сделаны из резины для того, чтобы ты не повреждала кору деревьев.

Казалось, что появление этого пакета было сигналом для Эмилито, чтобы он дал мне детальные наставления о лазании по деревьям. До сих пор для того, чтобы добираться до домика, я пользовалась только подъемным приспособлением. А иногда я дремала или спала в нем, как в гамаке. Но я так ни разу и не карабкалась на дерево, за исключением нескольких случаев, когда мне нужно было достать что-нибудь с нижних веток. В этом случае я становилась ногами на нижние ветки или на некоторое время повисала на руках.

— Пришло время посмотреть, из чего ты сделана, сказал Эмилито, и не думая шутить. — Новое задание нетрудное, но если ты не будешь предельно внимательна, оно может оказаться твоим последним. Ты должна будешь пустить в ход всю свою вновь приобретенную энергию для того, чтобы научиться тому, что я сейчас собираюсь тебе показать.

Он велел мне подождать его среди высоких деревьев, которые росли перед парадным входом в дом. Через несколько минут он вернулся, неся с собой длинный плоский ящик. Он открыл его и достал оттуда несколько поясов безопасности и большие мотки альпинистской веревки. Один пояс он надел мне на талию, а другой пристегнул к нему с помощью карабинов, которые используются при скалолазании. Надев на себя похожий пояс, он показал мне, как взбираться по дереву, цепляясь за более длинный пояс, который охватывает ствол дерева, и затем используя этот пояс для того, чтобы подняться по стволу вверх. Он поднимался по дереву быстрыми и точными движениями. По мере продвижения вверх он набрасывал веревочные петли на ветки для того, чтобы застраховаться от падения. В результате, поднявшись до вершины, он оставил после себя вереницу петель, которые теперь давали ему возможность двигаться по всей высоте дерева в полной безопасности.

Вниз он спустился так же проворно, как и поднялся вверх.

— Убеждайся в том, что все узлы, которые ты завязываешь на веревках, надежны, — сказал он. В этом деле нельзя допускать серьезных ошибок. Незначительные оплошности исправить легко, но одна грубая ошибка — и тебе конец.

— Боже мой, неужели мне придется заниматься тем, что ты только что показал? — спросила я с нескрываемым удивлением.

И дело было вовсе не в том, что я по-прежнему боялась высоты. Мне просто казалось, что у меня не хватит терпения завязать столько узлов и постоянно цеплять и расцеплять карабины.

Ведь даже для того чтобы научиться подниматься на дерево с помощью приспособления, в котором я когда-то проснулась, мне понадобилась длительная практика.

Эмилито утвердительно кивнул и весело засмеялся.

— Это будет для тебя серьезным испытанием, — заметил он. — Но когда ты научишься висеть уверенно, не сомневаюсь, что ты убедишься в том, что игра стоила свеч. Тогда узнаешь, что я имел в виду.

Он дал мне в руки моток веревки и терпеливо показал, как завязывать и развязывать узлы. Кроме того, он научил меня надевать на веревку куски резинового шланга для того, чтобы веревка не повреждала кору деревьев, когда я охватывала ею ветку, делая очередную петлю. Я узнала, как упираться в ствол ногами, чтобы сохранять равновесие, и как миновать гнезда птиц, если они попадутся на моем пути.

В течение последующих месяцев я работала под его постоянным руководством и не поднималась выше самых низких веток. Когда я научилась обращаться со снаряжением и уверенно двигаться, сохраняя равновесие, кожа на руках у меня так затвердела, что перчатки были больше не нужны, Эмилито разрешил мне подниматься на более высокие ветки. Я тщательно отработывала на них те же маневры, которые до этого изучала на нижних ветках. И вот однажды совершенно неожиданно для себя я поднялась на самую вершину дерева, по которому училась лазить. В этот день Эмилито подарил мне то, что по его словам было самым ценным подарком. Это был комплект, состоящий из трех защитного цвета полевых комбинезонов и соответствующих им по расцветке кепок. Очевидно, он купил его на каком-нибудь складе армейского обмундирования в Штатах.

Нарядившись в лесные тона, я жила в роще высоких деревьев, которая находилась перед фасадом дома. Я спускалась на землю лишь для того, чтобы сходить в туалет, или для того, чтобы изредка отобедать с Эмилито. Я взбиралась на каждое дерево, которое мне нравилось, при условии, конечно, что оно было достаточно высоким. Было всего несколько деревьев, на которых я не побывала: среди них были очень старые, для которых мое присутствие оказалось бы вторжением, и очень молодые, которые еще не были столь крепкими, чтобы выдерживать мое движение на веревках.

Я предпочитала молодые и сильные деревья, потому что они вселяли в меня бодрость и оптимизм. Однако общение с некоторыми из тех, что были постарше, было тоже приятным мне, потому что им было что мне рассказать. Однако Эмилито разрешал мне ночевать только на одном дереве — на том, где находился домик, потому что лишь оно было оснащено громоотводом. Я спала на платформе в домике, в кожаном приспособлении, а иногда просто пристегнувшись к какой-нибудь ветке по собственному выбору.

Некоторые из моих излюбленных веток были толстыми и без сучков. Я часто лежала на них, глядя вниз. Положив голову на небольшую подушечку, которую я везде носила с собой, я обнимала ветку руками и ногами, оставаясь при этом в неустойчивом, но очень приятном положении. Конечно же, я всегда следила за тем, чтобы вокруг талии у меня была повязана веревка, надежно зацепленная за одну из верхних веток, на тот случай, если я потеряю равновесие или усну.

Чувства, которые я питала по отношению к деревьям, невозможно описать. Я была уверена, что проникаюсь их настроениями, знаю точно их возраст, привычки и ощущения. Я научилась общаться с деревьями с помощью импульсов, которые исходили изнутри моего тела. Часто наше общение начиналось с пробуждения во мне искренней симпатии, приближающейся по глубине к той, которую я чувствовала по отношению к Манфреду. Эта симпатия всегда появлялась во мне неожиданно и непринужденно. Тогда я начинала чувствовать их корни, уходящие в землю. Я знала, хотят ли они пить и какие корни достигают подземных источников влаги. Я могла

сказать, что значит протягивать ветви навстречу свету, ожидать восхода солнца, намереваться увидеть его, чувствовать тепло, холод и бурю с громом и молнией. Я узнала, что значит никогда в жизни не сходить с одного места. Что значит молчать, ощущать через кору и впитывать свет листьями. Я вне всяких сомнений знала, что деревья могут страдать и что, как только общение с ними налажилось, они изливают на человека свою ласку и нежность.

Сидя на толстой ветке и прижимаясь спиной к стволу дерева, я занималась воспоминанием, которое приобрело теперь всецело иное качество. Я могла припомнить мельчайшие подробности своих прошлых переживаний, не боясь оказаться в плену у отвлекающих эмоций. Я могла громко смеяться над тем, что раньше было очень болезненным для меня. Я обнаружила, что никакие воспоминания не вызывают во мне чувства жалости к себе. Теперь я видела все в ином свете, не как закомплексованная городская жительница, которой я когда-то была, а как свободная и беззаботная живущая на дереве, которой я стала.

Однажды вечером, когда мы ели плов, который я приготовила из кролика, Эмилито удивил меня тем, что завязал очень оживленный разговор. Он попросил меня не уходить после ужина, потому что у него было что мне сказать. Это было столь на него не похоже, что я просто сгорала от нетерпения. Ведь я многие месяцы общалась преимущественно с деревьями и птицами. Я готовила себя к тому, что услышу что-то грандиозное.

— Прошло уже больше шести месяцев, как ты стала живущей на деревьях, — начал он. — Пришло время посмотреть, чему ты за это время научилась. Пошли в дом. У меня есть что тебе показать.

— Что ты собираешься мне показать, Эмилито? — спросила я, вспомнив о том дне, когда он хотел что-то показать мне в своей комнате, но я отказалась последовать за ним.

Имя «Эмилито» больше всего подходило ему теперь. Он стал для меня самым дорогим существом, точно как Манфред. В ходе одного из самых возвышенных озарений, которые посетили меня, когда я сидела на ветвях высокого дерева, я поняла, что Эмилито вовсе не человек. Был ли он когда-то человеком, а потом стер в себе все человеческое с помощью воспоминания, я могла только догадываться. Его не-человечность была тем барьером, который становился на пути каждого, кто хотел поговорить с ним по душам. Ни один обычный человек не мог понять, что у Эмилито на уме, о чем он думает и что чувствует. Но если он того хотел, он мог войти во внутренний мир любого и разделить его настроения и мысли. Его не-человечность была тем, что я почувствовала еще тогда, когда впервые встретилась с ним возле кухни. Теперь меня не смущало его присутствие, и, хотя этот барьер еще разделял нас, я искренне восхищалась его совершенством.

Я спросила Эмилито снова, поскольку в первый раз он не ответил мне, что он собирается показать.

— Я хочу показать тебе нечто непревзойденной важности, — сказал он. — Но то, как ты увидишь его, зависит всецело от тебя. Все сводится к тому, смогла ли ты обрести молчание и гармоничность, присущие деревьям.

Мы быстро прошли через темный внутренний дворик в дом. Я проследовала за ним через холл к двери в его комнату. Мое беспокойство удвоилось, когда я увидела, что он надолго остановился перед ней для того, чтобы глубоко подышать, словно готовя себя к тому, что должно произойти.

— Порядок, давай войдем, — сказал он и легонько потянул меня за рукав. — Одно предостережение. Находясь в комнате, не смотри ни на что пристально. Гляди на все что угодно, но не присматривайся, скользи по всему поверхностными взглядами.

Он открыл дверь, и мы вошли в его странную комнату. Живя на деревьях, я совсем забыла, что уже заходила сюда в тот день, когда уехали Клара и Нелида. Теперь меня снова поразил

диковинный набор предметов, которые ее наполняли. Первыми, что я увидела, были четыре лампы, которые стояли на полу, по одной у каждой стены. Я не могла себе и представить, что это могут быть за лампы. Комната и ее интерьер были освещены жутковатым бледно-янтарным светом. Я достаточно хорошо разбиралась в электрическом оборудовании для того, чтобы понять, что ни одна обычная электрическая лампочка не могла бы дать такого света, даже если бы абажур был сделан из самого диковинного материала.

Я почувствовала, как Эмитито взял меня за руку и помог переступить через заграждение высотой в один фут, которое отделяло от всей остальной комнаты небольшую часть пола в юго-западном углу.

— Добро пожаловать в мою пещеру, — сказал он, загадочно улыбаясь, когда мы с ним ступили на выделенную территорию.

Здесь стоял длинный стол, наполовину закрытый черной занавеской, и четыре кресла, очень странные на вид. Каждое из них имело высокую твердую овальную спинку, немного изогнутую по форме спины, а вместо ножек у кресла было основание, которое казалось прочным и круглым. Все кресла были обращены к стене.

— Не смотри пристально, — напомнил смотритель, помогая мне сесть в одно из кресел.

Я заметила, что кресла сделаны из какого-то пластичного материала. Круглое сидение пружинило, хотя я не могла сказать, почему так происходило: оно было твердым, как дерево, и в то же время прогибалось, когда я покачивалась на нем. Кроме того, оно поворачивалось вокруг своей оси. Овальная спинка, которая, казалось, охватывала меня сзади, была тоже одновременно пружинистой и твердой. Все кресла были яркого небесно-голубого цвета.

Смотритель сел в кресло рядом со мной. Он повернулся на кресле лицом к центру комнаты и непривычно напряженным голосом велел мне тоже повернуться. Когда я сделала это, из глубины моего тела вырвался судорожный вздох. Комната, по которой я совсем недавно ходила, исчезла. Я смотрела в необъятное пустое пространство, озаренное тусклым сиянием. Комната, казалось, стала бесконечным пространством прямо у меня перед глазами. Мой взгляд простирался до далекого темного горизонта. Я еще раз судорожно глотнула воздух, потому что в животе у меня ощущалась пустота. Я почувствовала, что пол уходит из-под моих ног, и меня притягивает к себе пространство. Я не осознавала, где нахожусь, хотя по-прежнему сидела в кресле.

Я услышала слова Эмитито.

— Давай повернемся назад.

Но у меня не осталось сил, чтобы вращать сидение кресла. Должно быть, он сделал это за меня, потому что я внезапно поняла, что снова смотрю в угол комнаты.

— Ну что, скажешь, что так не бывает? — спросил смотритель, улыбаясь.

Я не могла вымолвить ни единого слова, не говоря уже о том, чтобы задавать вопросы, на которые, очевидно, не было ответов. Через пару минут Эмитито еще раз повернул мое кресло для того, чтобы снова дать мне возможность окунуться в бесконечность. Безграничность пространства казалась мне такой ужасной, что я закрыла глаза. Я ощутила, как он вернул мое кресло в исходное положение.

— А теперь встань, — сказал он.

Я бессознательно повиновалась ему и стояла рядом, непроизвольно дрожа и пытаюсь вернуть себе дар речи. Он взял меня за плечи и повернул лицом к комнате.

Одолеваемая страхом, я из упрямства или по благоразумности отказывалась открывать глаза. Тогда смотритель ударил меня костяшками пальцев по макушке головы, отчего глаза у меня мгновенно широко открылись. С облегчением я увидела, что комната не является больше темным бесконечным пространством, а представляет собой ту самую комнату, в которую я

недавно вошла. Игнорируя запрет смотреть пристально, я стала разглядывать все непонятные вещи, которые лежали вокруг.

— Эмилито, пожалуйста, скажи мне, что это за вещи? — спросила я.

— Я — всего лишь зритель, — сказал Эмилито. Все это находится у меня на попечении. — Взмахом руки он указал на все, что находилось в комнате. — Но будь я проклят, если я знаю, что это. В действительности никто из нас этого не знает. Нам это все досталось по наследству вместе с домом от моего учителя, нагваля Хулиана, а он унаследовал это от своего учителя, нагваля Элиаса, который тоже получил это от своего учителя.

— Все здесь напоминает комнату, в которой в театре хранят декорации, — заметила я. — Но ведь это не так. Правда, Эмилито?

— Это магия! Ты можешь видеть это все, потому что ты освободила свою энергию и можешь выходить на иные уровни восприятия. Каждый может видеть это при условии, что он накопил достаточно энергии. Трагедия многих в том, что их энергия поглощена бессмысленными заботами. Но воспоминание — это ключ. Оно освобождает уловленную энергию — и *voilà!* Ты видишь бесконечность прямо у себя перед глазами.

Я засмеялась, когда Эмилито сказал *опа*, потому что это было очень неуместно и неожиданно. Смех немного снял мое напряжение.

— Но реально ли все это, Эмилито, или я просто вижу сон? — только и могла я спросить.

— Ты находишься в состоянии сновидения, но все это реально. Настолько реально, что мы можем растаять здесь, как снежинки.

Рационально я не могла объяснить, что именно только что видела, поэтому у меня не было никаких оснований для того, чтобы доверять либо не доверять своим ощущениям. Мое положение было невыносимым, равно как и мой страх. Зритель подошел ближе.

— Магия — это больше, чем черные кошки и обнаженные люди, танцующие ночью на кладбище и замышляющие недоброе против других, — прошептал он. — Магия холодна, абстрактна, сверхличностна. Вот почему мы называем постижение ее тайны магическим переходом или полетом к абстрактному. Для того, чтобы понять ее ужасное притяжение, мы должны быть сильны и решительны, а не пугливы и малодушны. Нагваль Хулиан любил это повторять.

Мне было так интересно, что я заметила, что слушаю его слова необычайно внимательно. Но тем не менее все это время мои глаза шарили по комнате, переходя от одного предмета к другому. Я пришла к выводу, что ни одна вещь здесь не была реальной. Но поскольку было ясно, что мне удастся наблюдать их, я спрашивала себя, реальна ли я сама, или это все какой-то чудовищный сон. И дело было не в том, что эти вещи были неопишуты. Они просто не вписывались ни в какие мои представления.

А теперь готовься к полету лагов, — сказал Эмилито. — Что бы ни случилось, держись за меня. Если хочешь, ухватись за мой пояс или садись мне на плечи. Но что бы ты ни делала, не отпускай меня.

Прежде чем я успела спросить у него, что он решил делать дальше, он быстро повернул меня и усадил в кресло лицом к стене. Затем он повернул кресло на девяносто градусов, и я снова увидела в центре комнаты жуткое бесконечное пространство. Поддерживая меня за талию, он помог мне встать и сделать несколько шагов в сторону бесконечности.

Каждый шаг давался мне невероятными усилиями: казалось, что каждая нога весит не меньше тонны. Я почувствовала, как зритель толкнул меня вперед, продолжая поддерживать. Внезапно какая-то грандиозная сила втянула меня вовнутрь, и я больше не шла, а парила в пространстве. Зритель плавно плыл рядом со мной. Я вспомнила о его предостережении и ухватилась за его пояс. В мгновение ока новый прилив энергии ускорил мой полет до

невероятной скорости. Я завопила ему, чтобы он остановил меня. Он быстро усадил меня себе на плечи, и я что есть мочи вцепилась в него. Я с силой зажмурилась, но это не подействовало. Я видела перед собой одну и ту же необъятность, независимо от того, закрыты или открыты были мои глаза. Мы парили в чем-то, не похожем на воздух. Земли в поле зрения тоже не было. Более всего я боялась, что какой-то головокружительный всплеск энергии оторвет меня от зрителя. Я делала все что могла, для того чтобы держаться за него и в то же время оставаться сосредоточенной.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. На меня налетел еще один энергетический вихрь, и я очнулась, стоя возле лазурного кресла и истекая потом. Меня трясло, и я, задыхаясь, судорожно глотала воздух. Волосы у меня растрепались, запутанные и мокрые, они рассыпались по лицу.

Зритель толкнул меня назад в кресло и снова повернул к стене.

— Не вздумай написать в штаны, сидя в этом кресле, предупредил он строго.

Я не управляла телом. Все покинуло меня, включая и страх. Оно все выветрилось из меня, когда я парила в бесконечном пространстве.

— Ты уже можешь осознавать так же, как и я, — сказал Эмилито, кивая головой. — Но ты все еще не можешь управлять собой, находясь в этой новой сфере восприятия. Эта способность приходит после долгих лет упорных занятий и накопления силы.

— Я никогда не смогу объяснить этого себе, — сказала я и повернулась в кресле лицом к центру комнаты, чтобы еще раз полюбоваться бледно-розовой бесконечностью. На этот раз все, что было в комнате, показалось мне крошечным, похожим на фигурки на шахматной доске. Мне пришлось приложить специальные усилия, чтобы обнаружить их. Но холодность и жуткость этого пространства наполнили мою душу непревзойденным ужасом. Я припомнила, что Клара говорила о тех провидцах, которые сподобились достичь этого, и о том, как они смотрели в эту ширь и как она смотрела на них с холодным и неприступным безразличием. Клара никогда не говорила мне, что видела ее, но теперь я поняла, что она видела. Но даже если бы она и сказала мне тогда об этом, что бы это дало? Я бы только посмеялась над ней и подумала, что она все это выдумала. Теперь пришел мой черед смотреть в бесконечность и знать, что я никогда не смогу понять, на что смотрю. Эмилито был прав, когда сказал, что потребуются долгие годы упорных занятий и развития силы, чтобы чувствовать себя уверенно перед лицом этой бездонности.

— А теперь давай посмотрим на другую сторону бесконечности, — сказал Эмилито и плавно повернул мое кресло в сторону стены. Церемониальным жестом он поднял черную занавеску, а я в это время наблюдала за его действиями отсутствующим взглядом, стараясь перестать стучать зубами.

За занавеской оказался длинный узкий стол. Он был без ножек, и казалось, что он крепится к стене, хотя мне и не удалось разглядеть ни шарниров, ни кронштейнов, на которых бы он держался.

— Поставь локти на стол и положи голову на кулаки так, чтобы они находились под подбородком. Клара учила тебя делать это, — приказал он мне. — Прижми подбородок к рукам. Но держи голову легко и не напрягайся. Сейчас нам понадобится легкость.

Я сделала все так, как он сказал. В то же мгновение в черной стене на расстоянии шести дюймов от моего носа появилось маленькое окошечко. Зритель сидел справа от меня и, наверное, смотрел в другое подобное окошко.

— Смотри туда, — сказал он. — Что ты видишь?

Я видела дом. Я узнала парадную дверь, а затем гостиную левого крыла дома, которую я успела осмотреть лишь мельком, когда мы с Эмилио проходили через нее в первый раз по пути к моему дереву. Гостиная была хорошо освещена и заполнена людьми. Они смеялись и

разговаривали по-испански. Некоторые из них ели, сидя за столом, который изобилдовал аппетитными блюдами, красиво сервированными в серебряной посуде. Я узнала среди них нагваля, а затем Клару. Она была сияющей и радушной. Она играла на гитаре и пела дуэтом с другой женщиной, которая вполне могла оказаться ее сестрой. Она была такой же крупной, как и Клара, но смуглокожей и черноволосой. Глаза ее были не такие лучисто зеленые, как у Клары. Они были сверкающими, но черными и зловещими. Затем я увидела, как в стороне Нелида исполняет танец под какую-то прекрасную незабвенную мелодию. Она чем-то отличалась от той Нелиды, которую я помнила, но я не могла понять, в чем же конкретно заключается это отличие.

Некоторое время я наблюдала за ними. Я была так очарована, словно умерла и оказалась в раю — настолько эта картина была нереальной, светлой и далекой от земных забот. Но мое веселье куда-то отлетело, когда я вдруг заметила, что в комнату через боковую дверь вошла еще одна Нелида. Я не могла поверить своим глазам — их было две! Я повернулась к зрителю и задала ему бессловесный вопрос.

— Та, которая танцует, — это Флоринда, — сказал он. Она и Нелида очень похожи, только Нелида выглядит немного ласковее. — Он посмотрел на меня и подмигнул. Но на самом деле она намного беспощаднее.

Я сосчитала всех, кто был в комнате. Кроме нагваля здесь было четырнадцать человек: девять женщин и пять мужчин. В гостиной присутствовали две Нелиды, Клара со своей сестрой и пять других женщин, которые были мне незнакомы. Три из них явно были пожилыми, но, как и в случае Клары, Нелиды, нагваля и Эмилито, об их возрасте судить было очень трудно. Две другие женщины были лишь несколькими годами старше меня. Вероятно, им шел третий десяток.

Четверо мужчин были постарше и выглядели так же сурово, как и нагваль, но один был молодым. Он был смуглым, низкорослым и выглядел совсем юным. Его волосы были черными и кудрявыми. Он оживленно жестикулировал, его лицо было живым и выразительным. В нем было что-то такое, что выделяло его среди остальных. Сердце у меня забилось, и я ощутила к нему бесконечную симпатию.

— Это новый нагваль, — сказал зритель.

Пока мы глядели в комнату, Эмилито объяснил мне, что каждый нагваль привносит в магию что-то новое, соответствующее его темпераменту и жизненному опыту. Нагваль Джон Мишель Абельяр, как индеец яки, привнес в группу индейскую степенность, которая стала отличительной чертой всех действий представителей группы. Их магия, сказал он, впитала в себя унылость, которая присуща индейцам яки. И всем им, включая и меня, традиция предписывает знакомство с мировоззрением этих индейцев и использование их принципов в своей жизни.

— Эта тенденция будет доминировать до тех пор, пока группу не возглавит новый нагваль, — сказал он мне на ухо. — Тогда тебе придется пропитаться его склонностями и причудами. Это правило. В соответствии с ним, ты должна будешь поступить в университет. Ведь он с головой ушел в научные исследования.

— Когда это случится? — шепотом спросила я.

— Когда все члены группы совместно взглянут в бесконечность, которая находится у нас за спиной, и позволят ей растворить нас, — ответил он тихо.

Облако усталости и мрака начало окутывать меня. Напряжение от попыток понять немислимое давало о себе знать.

Эта комната, которая находится на моем попечении, — сказал Эмилито мне на ухо, — представляет собой совокупное намерение всех нагвалей, которые предшествовали Джону

Мишелю Абеяру, и отражает все их характеры одновременно. Не существует абсолютно никакой возможности объяснить, что она собой представляет. Для меня, точно так же, как и для тебя, это непостижимо.

Я перевела глаза с комнаты, где сидели все эти люди и где веселье било ключом, и посмотрела на Эмилито. Мне захотелось заплакать, когда я вдруг поняла, что он так же одинок, как и Манфред, и является существом, которое достигло невообразимых уровней восприятия, но обречено на одиночество самим своим совершенством. Однако мое желание заплакать длилось очень недолго и уступило место благоговению, когда я поняла, что в данном случае оно намного более уместно, чем моя глупая грусть.

Новый нагваль позаботится о тебе, — сказал Эмилито, возвращая мое внимание обратно в комнату. Он является твоим окончательным учителем, который откроет тебе путь к свободе. У него много имен, каждое имя отражает его владение каким-то одним аспектом магии. В магии бесконечности его имя — *Дилас Грау!*^[4] Когда-нибудь ты встретишься и с ним, и со всеми остальными. Ты не смогла сделать это тогда, когда вошла в левое крыло дома с Нелидой, и ты все еще не можешь сделать этого сейчас, сидя здесь со мной. Но ты завершишь магический переход очень скоро. Они ждут тебя.

Невыразимая тоска охватила меня. Я хотела проскользнуть через глазок в стене в ту комнату, чтобы быть вместе с ними. Там царили сердечность и взаимопонимание. И они ждали меня.

notes

Предисловие было написано до выхода в свет девятой книги Карлоса Кастанеды «Искусство сновидения» К. К. том V, стр.13, изд. «София», Киев, 1993 г.) *(Прим. ред.)*.

Тамале — мексиканское блюдо из толченой кукурузы с мясом и красным перцем. *(Прим. перев.)*.

См. примечание на стр. 14 книги 1 Карлоса Кастанеды «Сказки о силе». Изд. «София», 1992 г. (*Прим. ред.*).

В обычной жизни — Карлос Кастанеда (*Прим. ред.*).